

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА
(Самарский университет)

ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

XXIII Всероссийская конференция
молодых историков
(Самара, 8–9 декабря 2017 г.)

Материалы и доклады

Самара
2018

УДК 94
ББК 63.3
П37

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. П.С. Кабытов (отв. редактор);
д-р ист. наук, проф. Э.Л. Дубман;
д-р ист. наук, доц. М.М. Леонов;
д-р ист. наук, проф. Н.Н. Кабытова;
д-р ист. наук, проф. Ю.Н. Смирнов;
канд. ист. наук, доц. В.А. Тюрин (отв. секретарь)

П37 **Платоновские чтения:** материалы и доклады XXIII Всероссийской конференции молодых историков (Самара, 8–9 декабря 2017 г.) / отв. редактор П.С. Кабытов. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2018. – 192 с.

ISBN 978-5-98996-211-2

Сборник содержит статьи участников XXIII Всероссийской конференции «Платоновские чтения», проходившей в Самарском университете 8–9 декабря 2017 г.

Проблематика материалов сборника представляет собой широкий спектр сюжетов социально-экономической истории, международных связей, истории взаимоотношений власти и общества, а также основных направлений общественной и исторической мысли, истории культуры и этносов России.

УДК 94
ББК 63.3

ISBN 978-5-98996-211-2

© Авторы, 2018
© Самарский национальный
исследовательский университет, 2018
© Центр периодических изданий Самар-
ского университета, оформление, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

XXIII Всероссийские платоновские чтения – 2017 г.	8
Секция I. Социально-экономические, внешнеполитические проблемы истории России. IX – начало XX в.	13
Мокшина А.А. Духовная культура Запада в переходную эпоху Московской Руси: от царя к народу	13
Родионова Ю.Р. Купеческое дело в России в XVI веке по «Запискам о Московии» С. Герберштейна	16
Кашаев Д.А. К вопросу о перестановках в руководстве движения Лжедмитрия II весной 1608 года	18
Савостьянова Е.А. «Описание путешествия в Московию...» А. Олелария как исторический источник XVII века	20
Кирьякова Е.С. Голландские и английские друзья Петра I времен Великого посольства	23
Левкова К.С. Самарская крепость 1704-1706 гг.: история и археология	25
Афанасова Т.М. Малые народные училища Самарского края в конце XVIII века	27
Уперчук Р.А. Вклад балтийских немцев в российскую науку на примере рода Крузенштернов	30
Бондаренко А.С. История и повседневность сельского храма и прихода на Средней Волге в церковной летописи конца XIX в.	32
Чепурнова Е.И. Районирование городского пространства Самары второй половины XIX – начала XX вв.	35
Бахута Н.В. Косово начала XX века глазами сотрудников дипломатического корпуса Российской империи на Балканах	38
Родин Д.В. Влияние переворота Ю. Пилсудского и миссии С. Яниковского в Прибалтику на советско-польские отношения (май 1926 года)	40
Муллаянов Д.А. Основные темы советско-японских дипломатических переговоров в период деятельности кабинета Хирота (1936-1937)	42
Горбунов А.Г. Деятельность ульяновских предприятий в годы Великой Отечественной войны на страницах газеты военного времени «Пролетарский Путь-Ульяновская правда» (1941–1945 гг.)	45

Секция II. Власть и общество в истории России. IX – начало XX в.	48
Крылова А.В. Воспоминания иностранцев о русской женщине на переломе XVII–XVIII веков	48
Раскин А.М. Реформы управления армии царя Федора Алексеевича	51
Кривова Д.А. Вопрос о «немецком засилье» в период правления Анны Иоанновны	54
Загора М.Г. Н.В. Адлерберг на службе Российской империи в 40–60 гг. XIX в.	57
Захаров В.Г. Каторга как средство колонизации Сахалина	59
Пискотина В.А. Особенности устройства выставок на Всероссийских Археологических съездах второй половины XIX века	61
Телеш Д.Г. Российский гуманитарный поход на Балканы в 1912–1913 гг. и отношение к нему в провинциальном обществе	63
Кормилицина Е.С. О целях создания чехословацких войсковых формирований в России в 1914–1917 гг.	66
Парфирьев Д.С. «На краю света»: западноукраинский политик в сибирской ссылке	68
Карпов М.Э. Городская повседневность Самары в годы Гражданской войны	70
Кулушева Л.К. Трагические судьбы Оренбургского казачьего войска в 1917–1945 гг.	73
Романова В.Б. Стратификация русской эмиграции «первой волны» в Париже	75
Марфина Е.И. Хозяйственные преступления в г. Куйбышеве в 1941–1945 гг.	78
Елисеев А.И. Партийная деятельность А.А. Росовского	80
Секция III. История общественной и исторической мысли, политических партий, общественных движений и организаций. IX – начало XX в.	
Моргунов Я.В. Сохранение и поддержание исторической памяти в дореволюционной России на примере празднования юбилея войны 1812 года	83
Егорова Ю.О. «Образ союзника» в российской прессе периода русско-турецкой войны 1877–1878 гг.	86
Кучер Н.С. Деятельность славянских комитетов в России в годы Великого Восточного кризиса 1875–1878 гг.	88
Андросова А.А. Секрет «серединого мира» Самары по картинке дагерротипа	90

Мирончева Е.А. Документальная открытка конца XIX – начала XX вв. как исторический источник	93
Русин Д.О. «Голос России должен быть услышан»: критский вопрос в переписке Марии Федоровны и Николая II	95
Парахин А.С. Партия и фракция «Союз 17 октября» в Государственной Думе IV созыва	97
Шашкова А.А. Смысл истории в трудах Н.А. Бердяева и Л.П. Карсавина	100
Емельянова Т.Б. Немецкие колонии на территории Поволжья в отечественной историографии 1920-х – 1930-х гг.	102
Петров Д.В. Стенограмма обсуждения книги А.М. Некрича «1941, 22 июня» в Институте марксизма ленинизма при ЦК КПСС как историографический источник	104
Власов А.В. Мемуары военнослужащих Советской военной администрации в Германии как исторический нарратив	107
Телешевская Е.М. «Философия здоровья» Евгения Ивановича Чазова и Федора Григорьевича Углова	109
Кульков А.Е. Пути решения «варяжского вопроса» в современной российской исторической науке	111
Уткина А.Р. Выявление и характеристика значимого чужого в отечественных СМИ: враг, чужой-угроза, чужой-жертва	114
Секция IV. Русская культура, история этносов и повседневность	117
Кулакова Е.В. О мире «чувствований» и роли женщины-дворянки в семейно-брачных отношениях в 20–50 гг. XVIII в.	117
Хретинина О.А. Контроль за исполнением христианских обязанностей в школах Казанского учебного округа при попечителе М.Л. Магницком	120
Полубоярова Е.В. «Кающиеся дворяне» и народное просвещение на страницах российской прессы пореформенного периода	122
Синица С.В. С.Я. Парнок – «русская Сафо» Серебряного века?	125
Мкртчян Л.Г. Социальный портрет армянских беженцев в Самарском крае в 1915–1920-х гг.	126
Бочарова А.В. Социалистическая реконструкция религиозного сознания населения советского города в 1920-е годы (на примере Самары)	128
Зыбанова Г.А. Детская повседневность Самары 1920-х гг. глазами пионервожатой Анны Устиновой	131
Третьяков И.Б. Композиторы «запасной столицы» в 1941–1945 гг.	134
Леванова В.В. Законодательные документы об организации обучения в школах СССР в 1960-е гг.	136

Шиншинова А.Н. Куйбышевский художественный музей в период «хрущевской оттепели»	138
Устинова А.В. Перелом эпохи: социально-политические взгляды писателей 1970–1990 гг.	140
Захаров К.В. Театральная жизнь г. Волгограда в 1990-е гг.	143
Райгородская Ф.П. «Это был выход из ситуации»: обращение жителей Сахалина в протестантизм в 1990-х годах	145
Буренкова Л.Е. Мордовские селения северо-восточных районов Самарской области в культурном пространстве России	147
Секция V. История России XX-XXI вв.: проблемы, поиски решения	
	151
Алексеев Е.В. Советский мирный трактор: тракторная повседневность в СССР в эпоху создания МТС (1930-е гг.)	151
Сотников М.Г. Спортивно-массовые мероприятия, посвященные 1 мая 1944 года в г. Сталинграде в контексте восстановления спортивной инфраструктуры города	153
Дмитриева М.А. Материалы школьного музея как источник о женщинах-военнослужащих Куйбышевской области в 1941–1945 гг.	156
Циммерманн В. Дети-волки – потерянные дети Второй Мировой войны	158
Савенков Э.И. Сакрализация памяти о Т-34 в воспоминаниях ветеранов Великой Отечественной войны	160
Пашков Д.А. Тощкий миф: опыт на людях или просчет командования	163
Бесчаснова С.О. Советско-итальянское сотрудничество в городе Тольятти во второй половине XX века как пример международной культурной коммуникации	165
Щетинский Г.В. Факторы, повлиявшие на вторжение советских войск в Афганистан 1979-1989 гг.	167
Григорьев В.А. Социал-либеральное движение в постсоветской России: развитие и перспективы	169
Вохминцев И.В. Региональная специфика проведения террористических актов в РФ и ЕС	172
Концур А.В. Проблемы Российско-Китайских отношений на современном этапе	174
Рыбаков Д.Д. Самоопределение люксембургского общества по отношению к Бельгии	176
Макаров К.Е. Место Российской Федерации в Совете Европы и ПАСЕ после 2014 г.	178

Секция стендовых докладов	181
Гулина А.Е. Развитие папской теократии в XII – нач. XIII вв.	181
Кравченко Е.В. Образы «царя» и «царства» в коллективных представлениях средневековой Руси	183
Заседателева Е.И. Влияние деятельности революционно-террористических партий в 1870-1880-е гг. на социально-политическую ситуацию в Российской империи	186
Глотов А.И. Проблема советско-американских отношений в работах И. Кристола	188
Золотаренко Ю.О. Шотландия – современный очаг сепаратизма в Великобритании	190

XXIII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2017 Г.

8-9 декабря 2017 г. в Самарском национальном исследовательском университете имени академика С.П. Королева на базе кафедры российской истории состоялась ежегодная конференция студентов и молодых ученых – XXIII Всероссийские Платоновские чтения.

Платоновские чтения являются одним из самых известных и популярных межвузовских исторических форумов научной молодежи России. В конференции принимают участие молодые исследователи из многих регионов европейской части страны, Урала и Сибири, а также и из зарубежья. По Положению о Чтениях в них имеют право принимать участие аспиранты, научные сотрудники, преподаватели и студенты в возрасте не старше 30 лет, не имеющие ученой степени или звания. В основе работы конференции заложен конкурсный принцип.

Традиционно, начиная с первых Чтений, состоявшихся в 1996 г., при организации очередной конференции ставятся базовые задачи:

- содействовать развитию научного творчества молодежи,
- пропагандировать российское национальное историческое наследие.

За более чем двадцатилетнюю историю проведения Платоновских чтений, они показали высокую эффективность для развития отечественной науки, особую значимость для развития вузовской молодежи. В среднем в работе каждой из ежегодных конференций принимало участие до 120–200 студентов, соискателей и аспирантов; выступало с докладами от 50 до 70 и более человек. Тексты всех представленных на конференцию и прошедших конкурсную экспертизу докладов были опубликованы.

Платоновские чтения получили заслуженное признание в среде студенчества и молодых ученых. Их важнейшей особенностью является постоянство, регулярность, единство требований к уровню научных работ и составу участников. Проведение Чтений стало научной традицией. Во многих городах Российской Федерации – Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Казани, Чебоксарах, Оренбурге, Саратове, Волгограде, Пензе и других сложился круг постоянных участников этого форума научной молодежи.

Начиная с 1996 г., организатором и главным исполнителем Платоновских чтений являлся Самарский государственный университет (в настоящее время Самарский национальный исследовательский университет). В течение ряда лет методическую и научную помощь в проведении конференции оказывал Санкт-Петербургский Институт истории РАН. XXIII Платоновские чтения 2017 г. были проведены при финансовой и методической поддержке ректората Самарского университета и дирекции социально-гуманитарного института.

Проект «Платоновские чтения» является неотъемлемой частью всей системы научной и учебной работы кафедры российской истории исторического факультета Самарского национального исследовательского универ-

ситета, ежегодных научных конференций молодых ученых и студентов. Платоновские чтения объединили эту сферу научно-исследовательской деятельности в области исторических наук в единое целое не только в рамках Самары и других городов Поволжья, но и всей Российской Федерации.

Традиционным на протяжении многих лет является состав Оргкомитета конференции во главе с профессором П.С. Кабытовым. В 2017 г. в него вошли профессора М.М. Леонов, В.В. Кондрашин, Ю.Н. Смирнов, Э.Л. Дубман, Н.Н. Кабытова, М.И. Леонов, О.Б. Леонтьева; ответственный секретарь Чтений доцент В.А. Тюрин, лаборант Л.Г. Мкртчян. Активное участие в организации конференции приняли студенты исторического факультета университета.

Как и для предшествующих конференций 2011–2016 гг. особенностью XXIII Всероссийских Платоновских чтений стало увеличение количества секций до пяти. Но в 2017 г. вместо секции «Международные отношения: история и современность» работала – «История России XX–XXI вв.: проблемы, поиски решения».

Работа конференции проходила в 3 этапа:

- церемония открытия конференции – 8 декабря 2017 года,
- заседания секций – 8 декабря 2017 года,
- пленарное заседание – 9 декабря 2017 года.

Докладчики представляли 10 вузовских центров России и Германии: Москву (Московский государственный университет – 6 чел.), Санкт-Петербург (Санкт-Петербургский университет – 1 чел.), Самару (Самарский национальный исследовательский университет – 39 чел., Самарский государственный социально-педагогический университет – 6 чел., Самарский государственный институт культуры – 4 чел., Самарский государственный медицинский университет – 1 чел., МБУ ДО «ЦДО «Экология детства» г.о. Самара – 1 чел.), Волгоград (Волгоградский государственный социально-педагогический университет – 2 чел.), Саратов (Саратовский национальный исследовательский университет – 1 чел.), Казань (Казанский (Приволжский) федеральный университет – 1 чел.), Оренбург (ГБПОУ «Училище Олимпийского резерва» – 1 чел.), Тольятти (Тольяттинский государственный университет – 1 чел.), Вюрцбург (Университет Вюрцбурга – 1 чел.).

На всех 5-х секциях прозвучало 65 докладов студентов и аспирантов. Также было предложено для внимания присутствующих 5 стендовых докладов (Самарский национальный исследовательский университет – 4, Институт философии и права, Волгоград – 1).

Всего на заседаниях присутствовало более 100 чел.

На первой секции – «Социально-экономические, внешнеполитические проблемы истории России. IX – начало XX в.» выступавшие 12 докладчиков (2 аспиранта, 10 магистрантов и студентов) представляли Московский государственный (1), Казанский (Приволжский) федеральный (1), Самарский национальный исследовательский (8) университеты; Самарский госу-

дарственный институт культуры (2). Первое место на секции за доклад «Влияние переворота Ю. Пилсудского и миссии С. Яниковского в Прибалтику на советско-польские отношения (май 1926 года)» присуждено аспиранту Московского государственного университета Родину Д.В., второе место – аспирантке Самарского национального исследовательского университета Чепурновой Е.В. за доклад «Районирование городского пространства Самары начала XX в.», третье место – студенту Самарского национального исследовательского университета Уперчуку Р.А. за доклад «Вклад балтийских немцев в российскую науку на примере рода Крузенштернов».

Вторая секция «Власть и общество в истории России. IX – начало XX в.» – 12 докладчиков – объединила аспирантов (1), соискателей – 1, магистрантов и студентов (10). Из них 6 человека представляли Самарский национальный исследовательский, 1 – Самарский государственный медицинский, 1 – Самарский государственный социально-педагогический, 1 – Волгоградский государственный социально-педагогический, 2 – Московский государственный университеты, 1 – ГБПОУ «Училище Олимпийского резерва», г. Оренбург.

Первое место за доклад «Н.В. Адлерберг на службе Российской империи в 40–60 гг. XIX в.» присуждено аспирантке Московского государственного университета Загоре М.Г.; второе место – за доклад «Каторга как средство колонизации Сахалина» соискателю ГБПОУ «Училище Олимпийского резерва», г. Оренбург Захарову В.Г.; третье место за доклад «Воспоминания иностранцев о русской женщине на переломе XVII – XVIII веков» студентке Самарского национального исследовательского Крыловой А.В.

В секции «История общественной и исторической мысли, политических партий, общественных движений и организаций. IX – начало XX в.» прозвучали 14 докладов (12 магистрантов и студентов, 1 аспирант и 1 соискатель). Из них Самарский национальный исследовательский университет представляли 7 докладчиков, Московский государственный университет – 2, Саратовский национальный исследовательский университет – 1, Самарский государственный социально-педагогический университет – 2, Самарский государственный медицинский университет – 1, МБУ ДО ЦДО г.о. Самара «Экология детства» – 1.

Первое место присуждено за доклад «Голос России должен быть услышан»: критский вопрос в переписке Марии Федоровны и Николая II» магистранту Московского государственного университета Русину Д.О.; второе место за доклад «Стенограмма обсуждения книги А.М. Некрича «1941, 22 июня» в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС как историографический источник» студенту Самарского государственного социально-педагогического университета Петрову Д.В.; третье место за доклад «Пути решения «варяжского вопроса» в современной российской исторической науке» методисту МБУ ДО «ЦДО «Экология детства» г.о. Самара Кулькову А.Е.

Секция «Русская культура, история этносов и повседневность», на которой прозвучало 13 докладов (12 магистрантов и студентов, 1 аспирант), по своему составу выглядела следующим образом. Вузы Самары – 11 докладов, из них национальный исследовательский университет – 7, государственный институт культуры – 2, Самарский государственный социально-педагогический университет – 2. Представители других городов – 2 доклада, в том числе: Московский государственный университет – 1, Санкт-Петербургский государственный университет – 1.

Первое место за доклад «Социалистическая реконструкция религиозно-го сознания населения советского города в 1920 –е гг. (на примере Самары)» президиум секции присудил студентке Самарского национального исследовательского университета Бочаровой А.В., второе место за доклад «Театральная жизнь г. Волгограда в 1990-е гг.» студенту Волгоградского государственного социально-педагогического университета Захарову К.В.; третье место за доклад «Это был выход из ситуации»: обращение жителей Сахалина в протестантизм в 1990-х годах» магистранту Московского государственного университета Райгородской Ф.П.

Пятая секция «История России XX–XXI вв.: проблемы, поиски решения» – объединила 1 аспиранта, 13 магистрантов и студентов. Из них 10 докладчиков представляли Самарский национальный исследовательский университет, 1 – Волгоградский государственный социально-педагогический университет, 1 – Самарский государственный социально – педагогический университет, 1 – Тольяттинский государственный университет и 1 Университет Вюрцбурга.

Первое место на секции за доклад «Советский мирный трактор: тракторная повседневность в СССР в эпоху создания МТС (1930-е гг.)» присуждено студентке Самарского национального исследовательского университета Алексеенко Е.В., второе место студентке Тольяттинского государственного университета Бесчасновой С.О. за доклад «Советско-итальянское сотрудничество в городе Тольятти во второй половине XX века как пример международной культурной коммуникации», третье место – студенту Университета Вюрцбурга Циммерманну В. за доклад «Дети-волки – потерянные дети Второй Мировой войны».

9 декабря 2015 г. состоялось пленарное заседание XXIII Платоновских чтений. К участникам конференции обратился председатель Оргкомитета профессор П.С. Кабытов, отметивший необходимость дальнейшего совершенствования организации Чтений, расширения их географии, повышения уровня докладов. На пленарном заседании был заслушан доклад руководителя Центра экономической истории Института российской истории Российской академии наук д.и.н., проф. В.В. Кондрашина «Революция как момент истины: к столетию Великой российской революции».

Вторая часть пленарного заседания была посвящена конкурсным выступлениям соискателей, занявших первые места на своих секциях. Докла-

ды соискателей вызвали многочисленные вопросы присутствующих, были выслушаны с большим интересом. По ряду проблем, поднятых в докладах, развернулась научная дискуссия.

Коллегией профессоров звание лауреата XXIII Всероссийских Платоновских чтений было присуждено аспирантке Московского государственного университета Загоре М.Г. за доклад «Н.В. Адлерберг на службе Российской империи в 40-60 гг. XIX в.».

Пленарное заседание завершилось награждением Лауреата, дипломантов и обладателей поощрительных премий, определившихся по итогам работы секций. В завершающей части пленарного заседания состоялся обмен мнениями о перспективах развития исторической науки в России, значимости проведения всероссийских форумов научной молодежи. Участники заседания предложили оказать всемерное содействие закреплению уже сложившейся традиции молодежной конференции всероссийского уровня, повысить ее статус до международного приглашением зарубежных участников.

П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман, В.А. Тюрин

СЕКЦИЯ I.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИИ. IX – НАЧАЛО XX В.

А.А. Мокшина

Самарский национальный исследовательский университет

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА ЗАПАДА В ПЕРЕХОДНУЮ ЭПОХУ МОСКОВСКОЙ РУСИ: ОТ ЦАРЯ К НАРОДУ

Мы знаем, что во время правления Алексея Михайловича Романова в результате культурного перелома сформировалось два течения общественной мысли: одно – национально-консервативное, другое – западническое. Но каких взглядов при этом придерживался сам царь, какие меры принимал и как видел различные аспекты развития государства?

Начать конечно следует с определения и анализа самого термина. Итак, культурный перелом – это комплекс сдвигов в процессе изменения ценностных ориентаций в всех сферах жизни, в том числе и в сознании людей. Можно говорить о некоем накапливании новаций и переходе количества на качественно иной уровень. На переоценку ценностей и заметную трансформацию сознания в период перелома культурных традиций под воздействием новых идей, артефактов, непривычных форм и способов творческого выражения указывает Н.Б. Маньковская [4, с. 3–4].

Действительно, западные веяния начали проникать на Русь много раньше, чем при Алексее Михайловиче, но можно ли сказать, что их «накопилось» достаточно, что можно говорить о культурном переломе в масштабе Московской Руси в данный период? Какие отражения в «изменении культурного сознания» мы видим у царя?

После Смутного времени сложилась модель замкнутого социокультурного развития с консервативными взглядами и традициями, [1, с. 8–10] но уже во время правления царя Алексея мы видим, что запад не просто активно начинает проникать в Россию, он становится ей необходим во многих сферах. В.О. Ключевский, в свою очередь, пишет об Алексее Михайловиче так: «Он вырос вместе с поколением, которое нужда впервые заставила заботливо и тревожно посматривать на еретический Запад в чаянии найти там средства для выхода из домашних

затруднений, не отрекаясь от понятий, привычек и верований благочестивой старины. Но некоторое время они были уверены, что можно шеголять в немецком кафтане, даже смотреть на иноземную потеху, «комедийное действо» [2, с. 476–477].

Начнем мы с духовно-религиозной составляющей жизни царя, а соответственно и ее отклике в государственных делах. Алексей Михайлович с ранних пор имел одну желанную мысль: стереть различия между Греческой и Русской православными церквями. Геополитические воззрения царя: его взгляд на себя как на наследника мировых правителей Царьграда, наместник Бога на земле, защитника всего Православия, его мечта освободить христиан от турок и стать Царем в Константинополе заставляли стремиться к единству русского и греческого церковного обряда [1, с. 124]. И как мы знаем в результате реформ, проводимых патриархом Никоном, при одобрении царя, общество раскололось на две части, одной из которых стали старообрядцы – почитатели и приверженцы прежних традиций и церковных обрядов. Старообрядцы считали себя православными, у них были единые догматы веры с православной церковью, поэтому патриарх звал их не еретиками, а раскольниками.

Итак, что мы видим: грекофильские идеи, приобретающие оттенок искренней целеустремленности «в верхах», оказались поначалу чуждыми для народных масс, к тому же их принудительная навязанность с внушительными карательными мерами делала эти идеи в глазах народа еретическими и вызывали отторжение в умах. Сам же царь был истовый древнерусский богомолец, но, при этом, традиции он все-таки нарушал, считая их, в первую очередь, необходимыми стране, и, конечно, интересующими и вдохновляющими для него самого.

Та же тенденция отслеживается и в его литературном досуге, переросшем в конкретные меры. А.Е. Пресняков сообщает: «Образование Алексея Михайловича носило традиционный характер. Главное, однако, что царевич по окончании обучения не утратил интереса к книге и стал в полном смысле слова «книжным человеком» [6, с.62.]. При этом, несмотря на всю любовь к богословским книгам и преимущественно традиционное воспитание, Алексей Михайлович интересовался западной прессой, с которой знакомился по переводам Посольского приказа. Статью, о том, что свергшие и казнившие своего короля англичане сильно жалеют об этом, царь привел в пример боярам на заседании Думы. С 1659 года Алексей Михайлович пытался наладить регулярную доставку в Россию иностранных газет. Для чего в 1665 году была организована первая регулярная почтовая линия, между Москвой и Ригой, и со всей общеевропейской почтовой системой. И, кстати говоря, он первым из Русских Царей нарушил традицию, начав собственноручно подписывать документы [2, с. 37].

Алексей Михайлович интересовался многими западными новшествами, в том числе заинтересовал его и театр, превратившийся из вечерних развлечений в Потешной палате в искусство. Восприятие царем новшеств очень

показательно на примере постановки балета «Орфей». Он, узнав об играх и танцах, какие бывают при дворах для развлечения властителей, приказал поставить «какую-то французскую пляску».

Хотя создание театра мыслилась как заграничное развлечение царя, темы первых пьес имели излюбленную царем библейскую тематику. Последние годы жизни Алексея Михайловича дали начало именно профессиональному русскому театру, пока еще придворному. Живой интерес к театральному действу и привычные представления о православном благочинии сталкивались в противоречии в сознании царя. Но устоять перед сильным увлечением государь не мог, да и не желал. Так, появился первый в России театр — вещь по дедовским понятиям невиданная и даже еретическая. Конечно, русский придворный театр не был сравним с современным ему западноевропейским театром, но это уже был большой шаг в сторону развития этого духовно-культурного развлечения и вида искусства [7, с. 347].

В окружении царя Алексея появлялись европейски образованные люди. Европейские послы, например, привозили в подарок царю изображения монархов. Русские посланники заказывали портреты в Варшаве, Париже и Венеции, что свидетельствует о немалой заинтересованности европейской живописью. Но причастны к этому интересу были пока только образованные слои общества, способные себе это позволить. У просвещенных бояр (Артамона Матвеева, Василия Голицына) в палатах висели «персоны» заморских государей [5, с. 248-251]. В Москве работали европейские художники-портретисты. В XVII в. московские люди различных слоев, от царя и придворных до купцов заимствовали у «немцев» предметы роскоши, досуга и быта. Однако С. Коллинз пишет, что, услышав лучшую голландскую музыку, русские люди отозвались: «Очень хороша! Точно так же поют наши нищие, когда просят милостыни». Это говорит о том, что западная культура воспринималась поверхностно, но уже живо интересовала народ [3, с. 10].

Европейское влияние на Московскую Русь в XVII в. достигло широких масштабов, но оказалось во многом поверхностным, касалось заимствования внешних достижений Запада. Стоит отметить, что многие достижения Петра базировались на уже некогда проявляющихся западных явлениях при его отце, как и постройка первого корабля, предвестившая появление имперского флота при сыне.

Библиографический список

1. Андреев И.Л. Алексей Михайлович / Жизнь замечательных людей. Вып. № 834. М.: Молодая гвардия, 2006.
2. Боханов А.Н. Царь Алексей Михайлович. М.: Вече, 2012.
3. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2002. Т.3.

4. Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу в Лондоне. М.: б.и., 1846. VIII.
5. Маньковская Н.Б. К читателям // Эстетика на переломе культурных традиций. М.: ИФ РАН, 2002.
6. Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М.: Высшая школа, 1993.
7. Пресняков А.Е. Российские самодержцы. М.: Книга, 1990.
8. Черная Л. Повседневная жизнь московских государей в XVII веке. М.: Молодая гвардия, 2013.

Ю.Р. Родионова

Самарский национальный исследовательский университет

КУПЕЧЕСКОЕ ДЕЛО В РОССИИ В XVI ВЕКЕ ПО «ЗАПИСКАМ О МОСКОВИИ» С. ГЕРБЕРШТЕЙНА

Одним из важнейших факторов развития экономики государств в XVI веке была внешняя торговля, которую активно расширяли страны Европы с началом эпохи Великих Географических открытий. Из этого проистекает большое внимание иностранцев к торговой сфере чужого государства. Первым таким иностранцем, который основательно подошел к описанию Московии, был австрийский дипломат и путешественник барон Сигизмунд Герберштейн. Дважды отправляясь с посольской миссией (в 1517 и в 1526 гг.), он пробыл в России в общей сложности около 16 месяцев, в результате чего появилось его сочинение «Записки о Московии Сигизмунда Герберштейна».

Первое, с чего барон начинает описывать торгово-экономическую деятельность в России, это серебро. «В этой стране, в самом деле, и вовсе нет серебра, кроме того, которое, как сказано, ввозится туда. Нельзя сказать, чтобы государь запрещал вывозить серебро; он, скорее, опасается этого и потому, желая удержать в стране серебро и золото, велит своим подданным обмениваться товарами, то есть давать и принимать одно, как, например, меха, которые у них в изобилии, или что-нибудь в этом роде вместо другого» [1, с. 273]. По словам исследователя М.М. Шумилова, предметом особого внимания русского правительства была торговля серебром. К концу XVI в. сложился порядок, согласно которому устанавливались закупочная цена на привозные ефимки (талеры), порядок приемки их на денежных дворах и нормы выхода копеек из иностранного сырья. Поскольку установленная государством цена ефимков превышала рыночную или совпадала с ней, русские охотно скупали привозную монету, а затем перепродавали на монетный двор с небольшой для себя прибылью [2, с. 221]. Такая политика правительства говорит о том, насколько ценным было для государства накопление серебряных запасов.

Герберштейн сообщал, что из товаров в Германию вывозят отсюда меха и воск, в Литву и Турцию – кожи, меха и длинные белые зубы животных, называемых у них «морж» и живущих в Северном море. Из них турки чаще всего искусно изготавливают рукояти кинжалов, а наши земляки (немцы) считают эти зубы за рыбы и так их и называют. В Татарию отправляют седла, уздечки, одежда, кожи. При этом оружие и железо вывозятся только тайком или с особого позволения начальников. В другие места, расположенные к северу и востоку, они вывозят и суконные и льняные одежды, ножи, топоры, иглы, зеркала, кошельки и другое тому подобное [1, с. 277].

Значительное место в описании купцов Герберштейн уделяет их личным качествам. «Иностранцам любую вещь они продают дороже и за то, что при других обстоятельствах можно купить за дукат, запрашивают пять, восемь, десять, иногда двадцать дукатов. Впрочем, и сами они в свою очередь иногда покупают у иностранцев за десять или пятнадцать флоринов редкую вещь, которая на самом деле вряд ли стоит один или два» [1, с. 279]. Этим небольшим комментарием, путешественник показывает, что привычки, которые он осуждает у русских купцов, свойственны также всем остальным. «Торгуют они с великим лукавством и коварно, не скупясь на слова. Мало того, желая купить вещь, они оценивают ее с целью обмануть продавца менее чем в половину ее стоимости и держат купцов в колебании и нерешительности не только по одному или по два месяца, но обыкновенно доводят некоторых до крайней степени отчаяния». Отрывок повествует об отношении царя к иностранным купцам, который имел обыкновение требовать сперва показать ему привезенные товары, после чего можно было отозвать их на местный рынок.

Наблюдая такие нелицеприятные зарисовки образа русского купца, стоит помнить о том, что ярче всего видятся и запоминаются именно негативные черты, в то время как положительные и нейтральные бледнеют на их фоне. Несомненно, что все перечисленные качества имели место быть и даже в большом количестве, но это были качества, присущие всему купеческому сословию вне зависимости от страны и этнической принадлежности, так как диктовались простейшей целью извлечения наибольшей выгоды. Что же касается именно русских купцов, то историк В.Б. Перхавко приводит множество примеров их различного поведения, среди которых встречаются «как патриоты земли Русской, так и предатели интересов Отечества, как честные, так и хапуги, как великодушные, так и скряги» [3, с. 203].

Налог и пошлина со всех товаров, как ввозимых, так и вывозимых, идут в казну. «Со всякой вещи стоимостью в один рубль платится семь денег, за исключением воска, пошлина с которого взыскивается не только по оценке, но и по весу. С каждой меры веса, которую они называют «пуд», платится четыре деньги» [1, с. 285]. Вполне возможно, что эти сведения Герберштейна могут быть верны лишь для него самого, потому что, как утверждает Перхавко, на момент середины XVI века «единой системы обложе-

ния и общего для всего государства таможенного тарифа в России тогда не существовало, что негативно сказывалось на торгово-предпринимательской деятельности» [3, с. 147].

Таким образом, вырисовался портрет русского купца, представшего перед Герберштейном. Это купец, предлагающий пушнину всевозможных мастей, амуницию и оружие, сырьевые товары; купец коварный, ищущий выгоды в каждом действии, очень любящий привозное серебро. Конечно же, здесь представлена лишь одна сторона русского купечества, самая заметная, самая общая. Герберштейн не сумел вникнуть настолько глубоко, чтобы разобраться в социальной дифференциации и психологии сословия, в тонкостях таможенной системы и многих других особенностях. Однако он удачно передал тот образ, который встречал каждого прибывшего в Московию иностранца.

Библиографический список

1. Герберштейн С. Записки о Московии // Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. В 2 т. Т. 1. Латинский и немецкий тексты. М., 2008.
2. Шумилов М.М. Завоевание русскими купцами внутреннего рынка страны в XVI-XVII вв. // Управленческое консультирование. 2016. Вып. № 4 (88).
3. Перхавко В.Б. История русского купечества. М., 2008.

Д.А. Кашаев

Самарский национальный исследовательский университет

К ВОПРОСУ О ПЕРЕСТАНОВКАХ В РУКОВОДСТВЕ ДВИЖЕНИЯ ЛЖЕДМИТРИЯ II ВЕСНОЙ 1608 ГОДА

Возникновение движения Лжедмитрия II стало прологом к одному из самых напряженных этапов Смутного времени – будущему расколу страны и противостоянию тушинской и московской властей. Самозванец смог создать такую ситуацию, когда, даже не будучи официально венчанным царем, он управлял большей частью страны. Однако на начальном этапе движения его власть распространялась на очень ограниченную территорию, да и внутри самого движения существовал ряд противоречий между различными группами, решившими поддержать притязания Лжедмитрия II. Сначала главную роль в войске Вора играли северские люди, однако очень скоро большое значение стали иметь и отряды польско-литовской шляхты, вставшей под знамена Лжедмитрия. Изменения происходили не только в войске в целом, но и в его руководстве. Первоначально во главе движения стояли Иван Заруцкий и Николай Меховецкий, однако с присоединением к движению отрядов князя Ружинского, именно последний смог сместить

Меховецкого с поста гетмана самозванца и встать во главе движения. Как же произошла эта смена власти в лагере Вору?

Ротмистр Мархоцкий, служивший в это время под командованием Ружинского, достаточно подробно описывает процесс присоединения отряда будущего гетмана к движению Лжедмитрия II [2, с. 30-33]. Согласно его сведениям, под началом князя Ружинского к концу 1607 года находилось около 4 тыс. солдат. 25 декабря он подошел к окрестностям Чернигова и направил послов в Орел, где в то время находилось войско самозванца. Они должны были обсудить условия, на которых отряд Ружинского мог поступить на службу к Вору. 27 декабря князь Ружинский выступил к Новгороду-Северскому. Перезимовав в городе, его силы отправились в Кромы, куда они прибыли 20 марта 1608 года. Переговоры возобновились. Вдруг самозванец стал обвинять послов в измене и заявил, что вполне может обойтись без помощи Ружинского. Тот, в свою очередь, стал утверждать, что «царь» на самом деле не тот, за кого себя выдает. Ивана Заруцкого в это время в лагере самозванца не было, он отправился на Дон, чтобы привлечь на сторону «царя Дмитрия» часть казаков. Лжедмитрий и Меховецкий, чтобы выиграть время, пригласили князя Ружинского на обед, пытаясь его задобрить. Однако тот смог организовать Войсковое коло, на котором Меховецкий был смещен с должности гетмана, а его место занял Роман Ружинский. Самозванец попытался выразить протест произошедшим переменам в войске, но эта попытка не увенчалась успехом. Можно согласиться с И.О. Тюменцевым, который считает, что самозванец рассчитывал на поддержку Ивана Заруцкого после его возвращения с Дона [3, с. 210]. Вот что сообщает Мархоцкий о возвращении Заруцкого к «Вору»: «Тем временем кроме нас прибыли и другие отряды: тысячи три запорожских казаков и, во главе с Заруцким, пять тысяч казаков донских. И до этого у Дмитрия была пара сотен донских казаков, во главе которых он поставил Лисовского (с ними Лисовский много раз тайно нападал на москвитян, а со временем сподобился и до кое-чего худшего)». Однако надежды Лжедмитрия и Меховецкого на помощь Заруцкого оказались напрасными. Ружинскому удалось провести с Заруцким переговоры, в результате которых он стал новым гетманом войска самозванца, а Меховецкий был изгнан из лагеря. Что вынудило Ружинского идти на переговоры с Заруцким, если ему удалось так легко сместить Меховецкого? Ведь, командуя значительным отрядом казаков (около 3 тыс.), Заруцкий был сильным конкурентом для нового гетмана. Вряд ли можно с полной уверенностью ответить на этот вопрос. Скорее всего, это могло быть связано с тем, что в профессиональном и численном отношении решающего перевеса не было ни у одной из сторон. Их активное столкновение могло привести к ослаблению сил как Заруцкого, так и Ружинского. Это сделало бы их относительно легкой целью для правительственных войск, а следовательно, ни одна из сторон уже не смогла бы достичь своих целей. В таком положении им было выгод-

нее сотрудничать, чем противостоять друг другу. Однако Меховецкий не смирился с таким положением дел: источники сообщают, что зимой 1608 года в войске была предпринята попытка вернуть его на должность гетмана. Однако она не только не увенчалась успехом, но и привела к убийству Меховецкого. В дневнике Сапеги встречаем указание даже на точную дату убийства – 7 октября 1608 года [1, с. 69].

Таким образом, к октябрю 1608 года Роману Ружинскому удалось окончательно упрочить свои позиции на посту гетмана войска самозванца и окончательно избавиться от своего конкурента. С этого момента и вплоть до распада лагеря Лжедмитрия в Тушино князь Роман Ружинский становится полноправным руководителем движения Вора. Даже когда впоследствии к самозванцу присоединился отряд Сапеги и вновь встал вопрос о смене гетмана Ружинский смог достичь с ним компромисса и сохранить свое положение и должность в лагере Вора.

Библиографический список

1. Дневник Яна Петра Сапеги (1608-1611) // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV-XVII вв. под ред. И. Граля и И.О. Тюменцева. Том IX. М., 2012.
2. Мархоцкий Н. История Московской войны. М., 2000.
3. Тюменцев И.О. Смутное время в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. М., 2008.

Е.А. Савостьянова

Самарский национальный исследовательский университет

«ОПИСАНИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ В МОСКОВИЮ...» А. ОЛЕАРИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК XVII ВЕКА

Адам Олеарий (1599–1671) был выдающимся немецким ученым, историком, этнографом, лингвистом, географом, математиком и астрономом. Он получил блестящее образование в Лейпцигском университете, где позднее преподавал, а также был назначен шлезвиг-голштинским герцогом Фредериком III придворным математиком и антикварием.

В составе двух Голштинских посольств 1633–1634 и 1635–1639 гг. Адам Олеарий посетил Россию сначала в качестве секретаря и переводчика, а затем советника посольства. Это путешествие дало ученому возможность познакомиться с различными местностями, городами и природой Московского государства, наблюдать повседневную жизнь людей, их обычаи, традиции.

По возвращении в 1639 году в Готторп Олеарий обработал сделанные записи и зарисовки и в 1643 году завершил свой труд «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно».

Первое издание вышло в 1647 г. в Шлезвиге на родном языке автора с посвящением герцогу Фридриху. Второе, переделанное самим Олеарием, издание вышло в 1656, третье – в 1663, четвертое, уже после смерти ученого – в 1696 г. В 1656 г. появился французский перевод, в 1651 – голландский, в 1662 – английский. В 1658 г. были изданы три первые книги на итальянском языке. Полный русский перевод был опубликован только в 1869–1870 гг. в «Чтениях Московского Общества Истории и Древностей Российских». Сделан он был П. Барсовым с 3-го издания 1663 г. Книга была заново переведена и напечатана в 1906 г. А.М. Ловягиным, переиздана в 1996 и в 2003 годах.

Цель моего доклада состоит в анализе труда Адама Олеария «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно».

Описание России А. Олеарием изучали такие историки, как В.О. Ключевский, Г.К. Лукомский, М.А. Алпатов, Маршалл По и ряд других. Но вплоть до настоящего времени его труды привлекают внимание все новых исследователей.

Работа голштинца стала самым лучшим иностранным источником для изучения истории России, истории ментальности, истории повседневности первой половины XVII в. Особенность «Описания...» состоит в том, что это обширный, фундаментальный труд, насыщенный наблюдениями, научными фактами, ссылками на работы историков. При этом стоит отметить отсутствие недостоверных фактов, приукрашивание действительности.

Издания снабжены множеством географических карт отдельных рек и целых территорий и рисунков, которые путешественник создавал с большой точностью. «Я сам нарисовал собственноручно большинство этих рисунков с натуры... при этом примерялись модели, одетые в национальные костюмы, вывезенные мною сюда» [1, с. 23]. М.А. Алпатов, анализируя труд Олеария, выделяет несколько факторов, обуславливающих уникальность «Описания...».

Первый, по его мнению, заключается в том, что Олеарий был ученым в отличие от остальных авторов. «Он смотрел на путешествие как на возможность научных наблюдений» [2, с. 99]. Олеарий выяснял размеры и особенности городов, в которых находился, составлял сухопутные, речные, морские карты, давал сведения по астрономии, ботаники.

Следующий фактор состоял в обстоятельности изложения. Описывая особенности русских, дипломатические переговоры, этнографию он излагал больше, чем надо, тем самым проявляя порой излишний педантизм.

Третий фактор – это хорошее знание ученым современной исторической литературы. Он часто ссылается на различных историков, цитирует польскую историографию, приводит сведения из истории.

Единственный недостаток работы Олеария состоит в том, что считая себя представителем цивилизованного Запада, он слишком резко и однозначно судил о некоторых традициях и привычках русских. Это проявляется, например, в описании религиозной сферы. Все, что не сходится с религиозными представлениями ученого, аттестуется как ложь, а русские подвергаются основательной критике. Ученый также неприязненно относится к тому, как русские защищают свое положение и достоинство на международной арене.

Олеарий, анализируя характер русских людей, говорил, что одно из их свойств – это стремление повиноваться, ибо когда русские получают свободу, они не умеют ею пользоваться.

Работа Олеария состоит из 3 книг. В первой книге он описывает свое первое путешествие в составе посольства, 6 аудиенций, празднование русского Нового года, гуляния русских, подробно рассказывает о городах, через которые проезжал (Нарва, Ревель, Копорье). Во второй книге он повествует о втором посольстве, впечатления от княжеского и посольского наказа, о продовольствии и праздновании Пасхи в России. Третья книга посвящена административному устройству России, природным условиям, домашнему хозяйству русских, свадебным и похоронным традициям, положению русских женщин, церковным праздникам, духовному управлению. Ценной информацией можно считать главы, посвященные русским князьям, их деятельности.

Несомненно, что благодаря объективности, точности фактов, подробному исследованию и наблюдению труд Олеария «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно» является важным историческим источником для изучения истории России 17 века.

Библиографический список

1. Олеарий А. Описание путешествия в Московию. М.: Российские семена, 1996. 368 с.
2. Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVII – первая четверть XVIII века). М.: Наука, 1976. 455 с.
3. Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М.: Прометей, 1991. 334 с.
4. Лукомский Г.К. Московия в представлении иностранцев XVI-XVII в. Очерки [коммент.] П. Н. Апостола. Б.: Academia, 1922. – 68 с.
5. Маршалл По. Сочинение иностранцев о Московии // *Homoviator*. Путешествие как историко-культурный феномен / Под ред. А.В. Толстикова и И.Г. Галковой. М.: ИВИ РАН, 2010

ГОЛЛАНДСКИЕ И АНГЛИЙСКИЕ ДРУЗЬЯ ПЕТРА I ВРЕМЕН ВЕЛИКОГО ПОСОЛЬСТВА

История изучения Великого посольства, в целом, имеет богатую традицию в России и за рубежом, однако вопрос о новых знакомствах Петра I в этом путешествии и влиянии на него европейских друзей все еще актуален. Цель данной работы: определить, какое влияние оказали голландские и английские друзья на личность Петра I и его мировоззрение.

Данная статья опирается на специальные исследования о Великом посольстве: М.А. Веневитинова [3], А.И. Андреева [1], Д.Ю. Гузевича [4]. Важную информацию предоставляет труд М.М. Богословского [2], который уделяет внимание масштабному жизнеописанию Петра I. Большое значение имеет работа Н.Н. Молчанова [7], посвященная внешней политике Петра I. К ряду обобщающих работ с объемной фактологией можно отнести работу Р.Масси [6]. Источниковедческая база данной работы основана на свидетельствах современников – токаря А.Н. Нартова [8], дневниковых записях участников Великого посольства [5], а также переписке Петра I [9].

Будучи без ума от морской стихии, Петр спешил ближе познакомиться с Голландией и Англией, со странами, в которых было серьезно развито военно-морское дело. В Амстердаме Петр встретился с бургомистром Н. Витсенем, ученым, путешественником и автором книг о кораблестроении, который ранее бывал в Московском государстве; питая слабость к России, он выступал как неофициальный представитель Московии в Амстердаме [6, с. 297]. Кроме того он помогал найти мастеров для службы в России, Петр в одном из писем к А. Виниусу сообщал: «Письмо твое о мастерах мне отдано, мы о том с Витсенем радеем, сколько можно» [9, с. 198]. Приветливость, честность и научные интересы бургомистра помогли укрепить дружественные отношения с царем. Благодаря сообществу столь умного и опытного человека государь начал развивать ранее неизвестные ему знания по бесчисленным научным предметам [3, с. 135]. «С большим любопытством Петр осматривал обширный естественноисторический кабинет Витсена, в то же время пристрастился к математическим, физическим наукам и сверх всего полюбил исправлять географические чертежи» [3, с. 133].

Петр также находил время для осмотра лаборатории голландского профессора Ф. Рюйша, знаменитого владельца анатомического музея. Он славился умением сохранять человеческое тело посредством инъекций химических препаратов: «У доктора видел анатомию кости, жилы, мозг человеческий, тело младенческое...» [5, с. 174]. Петр несколько раз посещал его кабинет и брал специальные уроки хирургического искусства. «В после-

дующие годы царь всегда носил с собой набор хирургических инструментов» [6, с. 301].

Возвратившись в Московию, Петр начинает заниматься коллекционированием, как и его европейские друзья: он высылает Рюйшу «скляницу с ящерами и червяками»; а Витсену дарит российские старинные зеркала, блюда, ювелирные изделия [4, с. 225]. Именно в результате первого путешествия Петр создает Кунсткамеру и ряд указов, требующих сообщать о родившихся «монстрах» и передавать их в научный музей [8, с. 300].

Поработав четыре месяца в Голландии, Петр, недовольный слабостью мастеров в теории кораблестроения, отправился в Англию. В науке по строительству кораблей английского образца Петру помог маркиз Кармартен, чья любовь к морю находила живой отклик в сердце Петра [2, с. 385]. Он же был строителем яхты «The Transport Royal», которую Петр получил в дар от английского короля. Кармартен был не только знатоком методов кораблестроения, вносящим в кораблестроительное искусство собственные оригинальные принципы, но и обладателем коллекции судов — все это побудило царя сблизиться с адмиралом. Кармартен охотно сопровождал царя в его прогулках на яхте по Темзе; царь любил поговорить с ним, попивая коньяк, настоянный на перце [2, с. 310]. Кроме того, он заключил с Петром сделку о табачной монополии в России. Царю нравился этот западный обычай, к тому же данный договор сулил немедленное поступление денег [6, с. 342].

Прожив более трех месяцев в Англии, Петр не оставил без внимания церковные дела. Видное участие в религиозных и государственных делах того времени принимал епископ Бернет. Его великодушие и бескорыстие способствовали возникновению той привязанности, которую стал испытывать к нему Петр [2, с. 323]. Епископ в одном из писем оценивает Петра следующим образом: «Он обладает такими знаниями, каких я не ожидал встретить в нем <...> я старался указать ему великие цели человеческой жизни, и он уверял меня, что намерен применить эти принципы к самому себе; он начинает так сильно привязываться ко мне, что я едва могу от него оторваться» [1, с. 74]. Здесь Петр раскрывается, как человек, живущий интересами своего времени, способный рассуждать на любые темы с совершенно разными по статусу и образованию людьми. Неудивительно, что Бернет поражен, какими знаниями обладает Петр, ведь царь с детства читал Священное Писание «почитал божественные законы и чтение Ветхого и Нового Завета любил. Библию он считал самой премудрой из всех книг» [8, с. 300]. Чужая религия будила в нем необычайный интерес, поэтому он посещал европейские церкви и даже молитвенные собрания квакеров. Результатом сношений Петра с англиканским духовенством стало предоставление свободного и беспрепятственного отправления обрядов англиканской церкви в России [1, с. 76].

Таким образом, за достаточно короткий период Великого посольства Петр обрел не только новых иностранных друзей, но и бесценные знания,

идеи, которые он привнес в российскую действительность: от создания первого научного музея до ввоза табака в Россию. Запад влиял на Петра, царь оказал огромное влияние на Россию, а модернизированная и возрожденная Россия оказала в свою очередь огромное влияние на Европу. Следовательно, для Петра, России и Европы – Великое посольство стало поворотным пунктом [7, с. 67-68].

Библиографический список

1. Андреев А.И. Петр I в Англии в 1698 году // Петр Великий. М., Л., 1947.
2. Богословский М.М. Петр I: Материалы для биографии. Т.2. М., 1941.
3. Веневитинов М.А. Русские в Голландии. Великое посольство 1697-1698 гг. М., 1897.
4. Гузевич Д.Ю. Великое посольство. СПб., 2003.
5. Журнал его императорского величества государя Петра Первого / Публ., коммент. С.И. Коткова // Источники по истории русского языка. М., 1976.
6. Масси Р. Петр Великий. Т.1. Смоленск, 1996.
7. Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1986.
8. Нартов А.К. Достопамятные повествования и речи Петра Великого // Государственные деятели России глазами современников. СПб., 1993.
9. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т.1. СПб., 1887.

К.С. Левкова

Самарский национальный исследовательский университет

САМАРСКАЯ КРЕПОСТЬ 1704-1706 ГГ.: ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Самарская крепость 1704-1706 гг. в истории города занимает особое место. До настоящего времени, историки и археологи работают над выявлением точных границ территории крепости.

Первоначально город имел деревянную крепость, возведенную Григорием Засекиным в 1586 г., главным образом, для защиты от кочевников, а также способную обеспечивать безопасный водный путь от Казани до Астрахани. Самое раннее изображение крепостных стен принадлежит немецкому путешественнику Адаму Олеарию, выполненное в гравюре в 1636 году [1, с.36]. В 1690–1700 гг. крепость дважды горела, но каждый раз ее отстраивали заново. Однако пожар осени 1703 г. уничтожил ее и прилегающие кварталы города почти без остатка. Таким образом, видимая необходимость возведения нового «городка» привела к созданию новой – земляной крепости, построенной в 200 м к востоку от сгоревшей. «Замок» располагался на территории нынешней Хлебной площади и завода клапанов. Геометрический план Симбирского наместничества города Самары, снятый землемером Сахаровым 14 мая 1782 года, позволяет увидеть, что в плане «замок» имел форму, близкую к ромбу [2, с.157]. На территории

«замка» располагался раскат (8-угольная башня) для ведения артиллерийского огня. С внешней стороны, земляной вал был обнесен рвом, а со стороны степи восточные земляные стены были укреплены сосновым забором с бойницами. Также, по углам ромба были насыпаны 4 бастиона. Въезд осуществлялся через двое проезжих ворот. Вероятнее всего, остатки сооружений, относящихся к земляной крепости, были обнаружены исследователями в ходе археологических работ в 2013 – 2017 гг.

Первые археологические работы были выполнены в октябре 2013 года студентами Поволжской социально-гуманитарной академии и Самарского университета, а также сотрудниками научно-исследовательской лаборатории археологии Самарского университета под руководством к.и.н. Н.А. Лифанова [3, с. 48].

Выявленный в ходе работ материал делится на следующие категории. *Изделия из керамики* принадлежат к основной категории находок, общее число которых составляет более 3000 экземпляров. Найденные фрагменты относятся к глазурованной и неглазурованной посуде. К сожалению, из-за сильной фрагментированности данной категории находок, не предоставляется возможность реконструировать формы сосудов. Однако, анализ обнаруженных венчиков сосудов позволил выявить следующие категории форм посуды: чашки, миски, блюда, кувшины, горшки, корчаги, тарелки, стаканы, жаровни. Также, некоторые фрагменты глиняных изделий можно отнести к цветочным вазам и рыльникам. Интерес представляет фрагмент облицовочного кирпича с изображенным на нем растительным орнаментом и фрагмент детской игрушки, которая представляет собой часть головки куклы, на которой черной краской нарисованы волосы. В свою очередь, стоит отметить, что обнаруженные изделия принадлежат как к гончарной, так и к лепной керамике. Но необходимо сказать, что фрагменты лепной керамики составляют немногочисленный процент от общего количества (30 фрагментов) и находятся в переотложенном состоянии. Датируется, вероятнее всего, серединой I в. н.э. Следующая категория находок представлена *курительными трубками*. Они представлены двумя типами: домашнего и серийного производства. Первый тип представлен всего одной, грубо выполненной трубкой. Трубки второго типа выполнены из высококачественного глиняного теста и орнаментированы. К *изделиям из кожи* относятся каблуки, представляющие собой лепестки кожи, соединенные обувными гвоздями, а также подошвы и носковая часть обуви. *Изделия из стекла* подразделяются на несколько категорий: бутылки, штофы, кружки, банки, рюмки, вазочки, оконное стекло. *Изделия из черного металла* представлены коваными гвоздями, скобами, подковами и дужками неопределенного назначения. Среди *изделий из меди* можно выделить монету и ложку без ручки. *Изделия из камня* представлены отщепами, сколами, оселком.

Большой интерес вызывают находки, обнаруженные непосредственно в 2017 году. В ходе работ исследователями, помимо деревянных конструк-

ций, были выявлены пушечные ядра, затвор от ружья, наконечник копья, нательные кресты, серебряные чешуйки и медные монеты первой половины XVIII в.

Относительно интерпретации обнаруженных предметов возникают споры. Так, в противовес С.Э. Зубову и Н.А. Лифанову, утверждающих абсолютную принадлежность выявленных деревянных конструкций к крепости, о чем, по их мнению, свидетельствуют данные радиоуглеродного анализа, выступает ученый секретарь областного краеведческого музея Д.А. Сташенков. Он доказывает, что найденные фрагменты деревянных сооружений, не являются элементами самарской крепости петровской эпохи, а относятся ко второй половине XIX в. Также, против принадлежности строений к крепости выступает директор ГБУК «Наследие» В.А. Цибин, считающий данные конструкции (клетки) объектами берегоукрепления.

Считаю, что на сегодняшний день проблема исследования территории Хлебной площади и завода клапанов остается актуальной, так как вскрытие новых участков может дать богатый материал, который прольет свет на раннюю историю нашего города.

Библиографический список

1. Гурьянов Е.Ф. Древние вехи Самары. Куйбышев, 1979.
2. Дубман Э.Д. Земляная крепость в Самаре и другие оборонительные сооружения региона в конце XVII–XVIII вв. // Самарский край в истории России. Материалы межрегиональной научной конференции. Выпуск №5. Самара, 2015.
3. Лифанов Н.А. Отчет о проведении научно-исследовательских раскопок на территории городского округа города Самара в границах ул. Водников, ул. Крупской, ул. князя Григория Засекина (объект культурного наследия регионального значения «Крепость т город Самара») в 2013 году по Открытому листу №1190 от 21 августа 2013 года. Самара, 2014.

Т.М. Афанасова

Самарский государственный институт культуры

МАЛЫЕ НАРОДНЫЕ УЧИЛИЩА САМАРСКОГО КРАЯ В КОНЦЕ XVIII ВЕКА

Начало становления общегосударственной системы образования в России приходится на 1780-е гг., когда готовилась и начала осуществляться школьная реформа Екатерины II. При ней «Россия встала в строй держав с государственной системой просвещения» [1, с. 4].

Важным толчком к разработке проекта школьной реформы стала встреча австрийского императора Иосифа II с Екатериной II в Могилеве (Белоруссия) 25 мая 1780 г., после которой реформа образования заняла у царицы место среди основных задач [2, с. 9]. Было решено воспроизвести успешную австрийскую школьную модель в России. Новые «народные учи-

лица» (перевод с немецкого Nationalschule, то есть «национальная школа») предназначались не только для общего образования, но и для подготовки педагогических кадров. Требовалось снабдить учеников одинаковыми учебниками, а учителей — одинаковыми руководствами, научить тех и других пользоваться наглядным материалом в виде таблиц, других пособий, работать с классной доской и мелом [2, с. 10-11].

7 сентября 1782 г. в России создают комиссию для учреждения народных училищ. Главным экспертом-специалистом стал выдающийся сербский педагог Ф.И. Янкович де Мириево, с разрешения Иосифа II переехавший из Австрии в Россию и подготовивший ряд пособий для учеников и учителей [3].

5 августа 1786 г. комиссия подготовила и утвердила «Устав народным училищам» [4]. Они были двух видов: главные (4 — классные) — выполняли функции средних учебных заведений, малые (2 — классные) — являлись начальными школами, для непривилегированных сословий. В них обучали чтению, письму, катехизису, священной истории, грамматике, арифметике, рисованию.

Основной этап этой школьной реформы начался с открытия главных народных училищ в сентябре 1786 г. и продолжился до конца XVIII в [5, с. 210]. Среди прочих училища появились в Симбирской губернии, в состав которой входили тогда также Самарский, Сызранский, Ставропольский уезды [6, с. 141].

Одни из первых малых народных училищ не только в губернии, но и во всей провинциальной России были открыты в Сызрани и Ставрополе 28 июня 1787 г. Дата была выбрана не случайно, на этот день приходилась 25-я годовщина восшествия Екатерины II на российский престол [1, с. 104].

В Сызрани и Ставрополе к занятиям приступило по 15 чел. В разные годы число учеников Сызранского малого народного училища колебалось от 10 до 45 чел. В Ставрополе, где население заметно уступало Сызрани по численности, за все время существования школы, учеников было меньше. Там их численность колебалась от 12 до 20 чел. [1, с. 134, 139].

Для малых народных училищ учителей готовили из семинаристов. В течение нескольких месяцев в главном народном училище Симбирска им дали педагогическую подготовку и послали в города, где открывались школы, снабдив книгами. В Сызрани первым учителем стал Хрисанф Иванович Воскресенский, а в Ставрополе — Петр Михайлович Козмодемьянский [1, с. 103-104].

Финансовая проблема была одной из главных, вставших перед школами [5, с. 215]. Денежная поддержка властей и благотворительные взносы были невелики. Обучение же в народных училищах было бесплатным.

Правда, «все ученики должны снабдить себя книгами к классу их принадлежащими; а при том иметь с собою в готовности бумагу, перья и другие к письму, рисованию и иным наукам принадлежности». Однако бедным школьникам книги и письменные принадлежности могли выдать безвозмездно [1, с. 84].

В двухгодичных малых народных училищах набор учеников проводился дважды в год, в июле и январе, выпуски осуществлялись в декабре и июне. В первый класс зачисляли учеников от 7 до 17 лет.

По инициативе сызранского учителя Воскресенского учебный план был расширен и включал, кроме обязательных предметов, также философию, риторику, латинскую грамматику, географию и греческий язык. К сожалению, после смерти императрицы сызранские дворяне и горожане заявили об отказе содержать школу. Воскресенского в 1798 г. перевели в главное народное училище в Симбирск. В октябре 1799 г. сызранская школа закрылась [5, с. 221]

В Ставрополе еще раньше был поднят вопрос о переводе учителя Козмодемьянского и самой школы в другой город, где потребность в учебном заведении была ошутимее. В Самаре было больше жителей – до 4 тыс. чел. [7, с. 162-163]. Это почти в два раза превышало число обитателей Ставрополя. В результате, вместо Ставропольского 19 декабря 1790 г. открылось Самарское малое народное училище. На момент закрытия школы в Ставрополе там было 12 учеников, в Самаре приняли в три раза больше – 35 чел. [5, с. 218].

По сравнению с первыми наборами в народные училища заметна тенденция к более раннему началу обучения. Детей в возрасте 7 лет и младше в Самаре было столько же, как тех, кому исполнилось от 8 до 10 лет. В первых училищах, открытых в 1786 г., дети 8-10 лет безусловно преобладали [1, с. 164].

Высоким был в Самарском училище процент детей дворовых (37%), низким – горожан (17%). Заметная доля приходилась на детей служащих и отставных солдат и капралов (9 чел. или 26%) [1, с. 164].

Одной из серьезных проблем в малых народных училищах Симбирской губернии было состояние зданий, в которых шло обучение. Директор училищ Симбирской губернии Масленицкий Т.Г. с предложением о постройке в Самаре и в Сызрани школьных зданий, состоящих из двух изб, сеней между ними и надворных построек [1, с. 215].

К сожалению, этот план не был осуществлен. В 1798 г. малое народное училище в Самаре прекращает свое существование [5, с. 220].

Малые народные училища в Самарском крае хоть и просуществовали недолго, но успели внести свой вклад в народное просвещение. В ходе реформы Екатерины II создается система общеобразовательных народных училищ, поднимаются и решаются такие проблемы, как отсутствие профессиональной педагогической подготовки учителей, создание первых общероссийских учебников, применение учебных пособий. Ценными для будущего стали принципы, заложенные в русскую школу «просвещенной» императрицей, ее сотрудниками и советниками: общедоступность, бесплатность, совместное обучение детей обоего пола и любого социального происхождения, запрет телесных наказаний.

Библиографический список

1. Артамонова Л.М. Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII – начала XIX века (Юго-восточные губернии Европейской России). Самара: СНЦ РАН, 2001. 392 с.
2. Артамонова Л.М. Ученый и императрица. Академик Эпинус и Екатерина Великая // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. Т. 14. № 3-1. С. 7-15.
3. Правила для учащихся в народных училищах, изданные по Высочайшему повелению царствующей императрицы Екатерины II. СПб, 1782.
4. Высочайше утвержденный Устав народным училищам в Российской империи. 5 августа 1786 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. XXII. № 16421.
5. Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX вв.). Самара, 2007. 328 с.
6. Смирнов Ю.Н. Население лесостепного и степного Заволжья в конце XVIII – начале XIX веков // Самарский земский сборник. 2013. № 1 (22). С. 137-151.
7. История Самары (1586-1917). Самара, 2015. 480 с.

Р.А. Уперчук

Самарский национальный исследовательский университет

ВКЛАД БАЛТИЙСКИХ НЕМЦЕВ В РОССИЙСКУЮ НАУКУ НА ПРИМЕРЕ РОДА КРУЗЕНШТЕРНОВ

Появление балтийских немцев как российского этноса связывают с началом XVIII века, когда с присоединением территорий Эстляндии и Лифляндии в ходе Северной войны они стали ассимилироваться в русское общество. Потомки ганзейских купцов и рыцарей-крестоносцев, немецкие дворяне поступали на государственную и военную службу и достигали значительного успеха.

Проанализируем вклад рода Крузенштернов в российскую и мировую науку, технику и политику.

Род Крузенштернов ведет свое начало от немецкого дипломата Филиппа Крузиуса (1597-1676), состоявшего на шведской службе и за высокие достижения получившего в 1649 г. от королевы Кристины дворянское имя Крууз, впоследствии преобразованное в фон Крузенштерн. Среди его носителей в наибольшей степени род прославил Адам Иоганн, более известный в России как Иван Федорович Крузенштерн (1770-1846).

Карьеру мореплавателя будущий адмирал начал с обучения в Морском кадетском корпусе Кронштадта, после чего отличился в русско-шведской войне (1788-1790), получив мичмана, а затем лейтенанта [2, с. 318]. В 1793 году в составе английской эскадры совершил плавание к берегам Северной Америки, посетил Соединенные Штаты и даже лично познакомился с первым президентом, Джорджем Вашингтоном [1, с. 14].

И.Ф. Крузенштерн понимал, как отсутствие выгодных морских путей тормозит развитие торговли [2, с. 318], и подготовил проект кругосветной экспедиции, который был одобрен только с воцарением Александра I [1, с. 18]. Экспедиция должна была не только проложить маршруты для будущих судов, но и наладить связь с русскими колониями в Северной Америке [3, с. 27], способствовать развитию торговых отношений с Китаем и Японией [1, с. 26], а также провести научные исследования [1, с. 32].

И.Ф. Крузенштерну было разрешено самостоятельно набирать экипаж для своих кораблей «Нева» и «Надежда». Как и во все предыдущие плавания, в этой экспедиции его сопровождал близкий друг, капитан Юрий Федорович Лисянский.

За три года (1803-1806) был сделан следующий научный вклад: 1) Составление «Атласа Южного моря», наиболее точного сборника карт Тихого океана из существующих на тот момент [1, с. 88]; 2) Корректировка положения некоторых островов [1, с. 66]; 3) Открытие Межпассатных течений в Атлантическом и Тихом океанах; 4) Вычисление температуры, удельного веса и прозрачности воды, давления и влажности атмосферы, силы и направления ветров; измерение характеристик приливов и отливов в разных точках земного шара [1, с. 83].

Среди всех предыдущих экипажей, совершивших кругосветное плавание, экипаж Крузенштерна привез с собой наибольший объем информации. Гидрология, океанология, минералогия и другие науки были обогащены новыми данными, а дневники и путеводители Крузенштерна превратились в учебные пособия для будущих моряков.

Важнейшим было не только научное, но и политическое значение экспедиции. Участники водрузили первый русский флаг в Южном полушарии [2, с.371].

После кругосветного плавания И.Ф. Крузенштерн занимался преподавательской деятельностью и состоял на государственной службе. У него было три сына: Николай, ставший губернатором городов Орел и Одесса; Александр, сенатор, дипломат и член Совета народного просвещения в Царстве Польском; и Павел, единственный, кто продолжил дело своего отца.

Пауль Теодорфон Крузенштерн (1809-1884) в юности был участником кругосветного путешествия под командованием Ф. Литке (1826-1829) на шлюпе «Сенявин», за что был награжден орденом Святой Анны 3 степени. Впоследствии он командовал суднами в Балтийском, Северном, Баренцевом и Карском морях.

К числу его заслуг можно отнести: 1) Гидрографические съемки Финского залива [5, с. 460]; 2) Исследования устья Енисея, берегов Карелии и Лапландии [5, с. 460]; 3) Организация экспедиции в Коми край совместно с А.А. Кейзерлингом, в ходе которой были составлены точные карты и описания этих земель [4, с.33-38]; 4) Исследования Белого моря, устья рек Печора и Индигана шхуне «Ермак» (1849-1850) [5, с. 460].

Жизнь его сына, Павла Павловича Крузенштерна (1834-1871), тоже была связана с мореходством. Он занимался исследованиями Карского моря, а также командовал пароходом в Аральском море [5, с. 461].

Библиографический список

1. Пасецкий В.М. Иван Федорович Крузенштерн (1770–1846). М.: Наука, 1974.
2. Военная энциклопедия / Под ред. В. Ф. Новицкого, А.В. фон Шварца, В. А. Апушкина, Г. К. фон Шульца. Петербург: Т-во И. Д. Сытина, 1911.
3. В. Невский. Вокруг света под русским флагом. М.-Л., 1953.
4. Путешествия П. И. Крузенштерна к Северному Уралу в 1874-1876 годах. Санкт-Петербург, 1879.
5. Русский биографический словарь: В 25 т. Том 12 / А.А. Половцов. М., 1896-1918.

А.С. Бондаренко

Самарский государственный институт культуры

ИСТОРИЯ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СЕЛЬСКОГО ХРАМА И ПРИХОДА НА СРЕДНЕЙ ВОЛГЕ В ЦЕРКОВНОЙ ЛЕТОПИСИ КОНЦА XIX В.

Летопись, вопреки распространенному мнению, не является полностью средневековым явлением. Конечно, наследие «Повести временных лет» и других памятников исторической мысли Древней Руси неопределимо, но на них летописание в России не кончается. В середине XIX века оно получает новый толчок к развитию. Синод издал указ, который обязывал епархии составлять исторические и статистические описания жизни прихода [2, с. 53]. Так появились церковно-приходские летописи, о которых и пойдет речь в нашем сообщении. Они стали ценным источником ретроспективной информации, раскрывающим представление об истории отдельных регионов и селений.

Значительный вклад в изучение этой темы внесли диссертация и статьи С. И. Добренького. Он отнес эти летописи к памятникам «народной историографии» [3]. В. А. Гречухин назвал церковных летописцев «приходскими историографами» [4]. Кроме упомянутых материалов по Северу и Поволжью, появились работы о церковных летописях Донского края [5] и Урала [6]. Наше сообщение продолжает эту тенденцию современной историографии, как и традицию изучения селений волжского правобережья нашего края [7]. В литературе уже упоминались летописи некоторых из них, например, с. Усолья [8, с. 52-53].

Церковная летопись Благовещенской церкви села Кашпирского упраздненного монастыря Сызранского уезда была начата в 1875 г. по указу

Симбирской духовной консистории и состоит из двух томов. Первый том охватывает события и явления до начала XX в. Он и стал источником для нашей работы [1].

Летопись начинается с истории прихода, описания местности и окрестностей. Этот приход в селе берет свое начало с 1764 г. Он возник после упразднения здесь монастыря, который назывался Кашпирским – от пригорода Кашпира, Благовещенским – по местному храму, Симеоновским – по имени устроителя. Симеон Константинович Дмитриев происходил из богатой и знатной дворянской семьи. Он был прапрадедом поэта и министра юстиции И.И. Дмитриева (по отцу) и известного писателя и историка Н.М. Карамзина (по матеке). Бывший монастырь находился в Сызранском уезде на правой стороне реки Волги в 6 верстах от пригорода Кашпира и в 14 – от г. Сызрани.

Составителей церковно-приходской летописи могло быть неограниченное количество, по мере того как сменяли друг друга настоятели и церковнослужители храма. Манера писания у каждого была своя. Один не скупился на подробности, другой писал более лаконично и не старался детально описать события.

В первом томе рукописной летописи, о которой идет речь, составители менялись пять раз. Первым летописцем был священник Стефан Любомудров, служивший в этом храме с 1857 г. [1, л. 6] После прочтения подробного исторического очерка, им написанного, не остается сомнений, что это был хорошо образованный человек. Почерк у него разборчивый и приятный глазу. Он умер в 1884 г., а последние записи в летописи, подписанные им, относятся к 1880 г.

Позднее летопись составлялась священниками и церковнослужителями, которые уделяли ей меньше внимания. Местами летопись стала походить на сухой статистический отчет. Встречались ошибки и исправления в записях о церковных суммах, а почерк стал более небрежным.

Обобщенно структура летописи выглядит следующим образом. Каждый раздел начинается неизменно с заголовка – даты, то есть с указания года, о событиях которого далее идет речь. В начале ежегодного раздела повествовалось о наиболее значимых изменениях в жизни церкви: кто из священников или причта покинул свой пост и кто занял какую должность; сколько средств, утвари, облачений было пожертвовано прихожанами и на какие цели; какие улучшения последовали, благодаря этим жертвованиям. Записывалось разные происшествия, в том числе эпидемии, убийства, кражи церковного имущества, смерть замечательных односельчан. Летописец общал о наиболее важном в жизни крестьян, например, о том, каким был урожай в текущем году или как работала сельская школа. Каждый год подводилась статистика родившихся, умерших, вступивших в брак на селе и указывалось движение денежных церковных сумм.

Когда в 1764 г. в ходе секуляризационной реформы Екатерины II монастырь, находившийся здесь, был упразднен, то бывшая монастырская

церковь была обращена в приходскую. Построена в камне она была в 1730 г. на деньги С. К. Дмитриева и стоила шестьдесят тысяч рублей серебром [1, л. 4].

Далее в летописи повествуется об изменениях в архитектуре храма. Так, колокольня и ограда были разрушены, но появился каменный придел во имя Архангела Михаила на пожертвования дворянки В.А. Карамзиной [1, л. 4 об.].

В 1872 г., вместо ветхой деревянной кровли была сделана железная на деньги, пожертвованные императором Александром II, побывавшим в храме в 1871 г., и другими благотворителями. Среди перечислявшихся в летописи из года в год жертвователей на нужды храма наиболее отличившейся была семья землевладельцев Дроздовских. Помимо частых щедрых денежных приношений они поставляли древесину из своего леса на различные постройки для церкви.

Исследователями уже обращалось внимание на церковные летописи как на источники для изучения сельского хозяйства. В летописи каждый год записывались сведения о погоде и данные об урожае, что оказывало огромное влияние на жизнь крестьян. Тревожными были записи 1896 года: «Урожай ржи был ныне только посредственный и притом рожь вышла тощая зерном и черная..., а пшеница, несмотря на хорошие всходы, была подъедена червем» [1, л. 12].

То, каким был урожай, непосредственно влияло на демографическую ситуацию. В особо засушливые 1890–1891 гг. можно наглядно проследить за увеличением числа смертей и снижению рождаемости. В 1892 г. урожай хлеба был средний, но свирепствовала холера, жертвою которой стал 31 чел. [1, л. 11].

Можно заключить, что рассмотренная летопись, дошедшая до нас в очень неплохом состоянии, является ценным источником по локальной истории и сельской повседневности Самарско-Сызранского края в XVIII–XIX вв. В ней имеются интересные и часто уникальные сведения о хозяйственной, социальной, культурной, духовной жизни российской пореформенной деревни и ее региональных особенностях. Необходимо расширить их изучение во времени и в пространстве, привлекая записи начала XX века из второго тома этой летописи, а для сравнительного анализа – сохранившиеся летописи других селений.

Библиографический список

1. Сызранский филиал Центрального государственного архива Самарской области (СФ ЦГАСО). Ф. 70. Оп. 1. Д. 9.
2. Завьялов А.А. Циркулярные указы Святейшего правительствующего синода 1867–1895 гг. Санкт-Петербург, 1896. 282 с.
3. Добренький С.И. Церковно-приходские летописи как исторический источник: середина XIX–начало XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2006. 230 с.

4. Гречухин В.А. Приходские историографы // Русская Православная Церковь: история и культура. Тезисы научной конференции. Углич, 2001. С. 12-14.
5. Шадрина А.В. Церковно-приходское летописание Донской и Новочеркасской епархии: история и особенности источников // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 4 (78) С. 218-222.
6. Глухих Н.В., Миронова А.А. Церковные летописи XIX века как хроника жизни уральского города // Русская речь. 2008. № 1. С. 74-78.
7. Смирнов Ю.Н., Артамонова Л.М. Локальная история как метод реконструкции культурно-исторического ландшафта: из опыта изучения Самарской Луки // Культурно-исторические исследования в Поволжье: проблемы и перспективы. Материалы III Всероссийского научно-методологического семинара. Самара, 2015. С. 10-20.
8. Артамонова Л.М. Начало школьного образования и научных исследований в Усольской вотчине в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Самарский земский сборник. 1996. № 3. С. 48-53.

Е.И. Чепурнова

Самарский национальный исследовательский университет

РАЙОНИРОВАНИЕ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА САМАРЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Город – это крупный населенный пункт, административный, торговый, промышленный и культурный центр. Для всестороннего изучения города, крайне необходимо понимать как распределялся функционал внутри города и по какому принципу выстраивалась его внутренняя структура. Выделение определенной территории по ряду признаков в городской район процесс крайне неоднозначный, но крайне необходимый для понимания городского пространства. Существуют и различные теоретические модели деления городского пространства: теория концентрических зон, секторная и нуклеарная модели разделения городского пространства. Для районирования Самары второй половины XIX – начала XX вв. нами был выбран производственно-экономический принцип [4]. Эта модель зонирования территории городов России второй половины XIX – начала XX в. уже опробована историками-урбанистами применительно к Москве [7] и Саратову [4].

В административном отношении с 1851 г. Самара делилась на 3 полицейские части. К первой части относились кварталы, между Саратовской улицей и Набережной реки Волги и Александровской улицей и Набережной реки Самарки. В ведение первой части входила и Засамарская слобода [3]. Ко второй части относились кварталы между Саратовской и Садовой улицами и между Александровской улицей и набережной р. Самарки [9].

К третьей части относились кварталы между Александровской и Полевой улицами; от берега Волги до Полевой (Полевая продольная) к востоку, а также Жигулевский пивоваренный завод, Солдатская слободка, артиллерийские казармы, Молоканский сад, Николаевский мужской монастырь, кирпичный завод. В 1899 г. была образована 4-ая полицейская часть. К четвертой части относились кварталы между Соборной и Полевой, между берегом р. Самарки и Александровской улицей [9]. К пятой части, образованной в 1911 г. было отнесено все береговое пространство реки Волги от Симбирской улицы до Барбошиной поляны [3].

В отличие от деления административного, функциональное зонирование довольно условно. Мы выделяем в Самаре три основных функциональных района: промышленный, торговый и центральный деловой.

Промышленный район. Исследователи-урбанисты утверждают, что ландшафт местности в которой расположен город в наибольшей степени влияет на его формирование и развитие. Он же влияет и на размещение промышленных предприятий: «Предприятия потребляющие тяжелое и грубое сырье... располагаются вдоль водных путей...» [2]. Самара, исторически возникшая в месте слияния двух рек, абсолютно подходит под приведенный тезис французских урбанистов. Вдоль водных магистралей возводились металлообрабатывающие и деревообрабатывающие предприятия, а так же кирпичные заводы. В то время как заводы легкой и пищевой промышленности, разбросаны по всему городу. Отдельные предприятия выносились за черту города, так, загрязняющий местности и отличающийся сильным зловоньем Кожевенный завод, был построен за чертой города вдоль Владимирского оврага [5].

Таким образом, в качестве промышленного района Самары, хотя и с большой долей условности, можно определить береговые линии рек Волги и Самарки, а так же пригородный район на севере города.

Торговый район. Торговля в Самаре рубежа XIX – XX вв. представляла собой совокупность рынков, ярмарок, лавок и магазинов. Рыночная и ярмарочная торговля концентрировалась на площадях города. С 1870-х гг. главной торговой площадью являлась Троицкая, базар чуть меньшего значения располагались на Воскресенской площади [5, с. 210]. В городе функционировали три крупные ярмарки, которые «располагались на особой площади близ берега Волги» [1, с. 255]. Кроме того активная рыночная торговля велась вдоль пристани, так называемый «Бурлацкий базар» тянулся бесчисленным множеством лавочек и навесов между Панской и Воскресенской улицами [1, с. 255]. Магазиновая торговля сконцентрировалась в первую очередь на Дворянской и прилегающей к ней Панской улицам, они считались самыми престижными для предпринимателей [6, с. 237]. Много магазинов размещалось и в районе Троицкой площади на Троицкой улице [8]. На других улицах города магазины так же существовали, однако, чем дальше от центра, тем реже они встречались.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что главными районами концентрации торговли были Троицкая площадь и прилегающие к ней кварталы, территория вдоль пароходных пристаней, где велась активная торговля с заезжими предпринимателями, и улицы Дворянская и Панская, где наиболее активно развивалась магазинная торговля.

Центральный деловой район любого города представляет собой зону одновременного интенсивного развития всех видов деятельности, которые современные урбанисты обозначают как «третичные», т.е. сфера услуг [2, с.275].

На рубеже XIX–XX вв. деловая жизнь города была сосредоточена на Дворянской улице, здесь насчитывала около десятка финансовых учреждений, находились престижные гостиницы, первые фотостудии и кинотеатры. Привлекала Дворянская и чиновников, в разные годы на ней размещались резиденция губернатора, Окружной суд, Губернское правление и Городская управа. Центром культурной жизни губернского города являлись театр и Струковский сад, расположенные соответственно в конце Саратовской и Дворянской улиц. Кроме того, на Дворянской размещался велодром, где зимой заливался каток [5, с.317]. На улице Льва Толстого в 1903 году открыт Пушкинский народный дом, а на Саратовской в 1907 году распахнул свои двери театр-цирк Олимп. Компактно были расположены и основные культовые сооружения. Кафедральный собор с Вознесенской площади в 1894 г. был перенесен на Соборную. На Дворянской улице действовала лютеранская Кирха, на Саратовской возвышался величественный Костел, а на улице Садовой в 1908 году открыла свои двери Синагога.

Таким образом, центральный деловой район Самары можно определить в границах. Первой и Второй полицейских частей города, исключая береговую линию Волги до ул. Преображенской, и территории за современной Хлебной площадью с юга. В качестве своеобразной оси центрального делового района мы определяем улицу Дворянскую.

Подводя общий итог, необходимо отметить, что границы большинства районов выделенных по функциональному признаку довольно условны, особенно это касается Торгового района, который во многом совпадает с Центральным деловым районом, что является вполне закономерным, так как торговля неотъемлемо связана с финансовой сферой, которая является одним из слагаемых центрального района. Так же стоит отметить, что официальное деление города не учитывало функции того или иного района в городском пространстве. Полицейские участки Самары создавались и расширялись стихийно, по мере роста города и не учитывали особенностей той или иной городской территории.

Библиографический список

1. Безчинский А. Путеводитель по Волге. М., 1903.
2. Боже-Гарнье Ж., Шабо Ж. Очерки географии городов. М., 1967.

3. Гомонова С.А. Полицейские учреждения Самарской губернии в 1851 – 1917 гг.: дисс....канд. ист. наук. Самара, 2012.
4. Иванова Н.В. Формирование и социальное обустройство пространства крупного города на Волге во второй половине XIX – начале XX вв. на материалах Саратова: дисс... канд. ист. наук. Саратов, 2008.
5. Классика самарского краеведения. Антология. Выпуск 3. К.П. Головкин. Самара в конце XVIII – начале XIX вв. (краеведческая картотека) / Под ред. Кабытов П.С., Дубман Э.Л. Самара, 2007.
6. Макитрин К.М. Динамика торгово-промышленных заведений Самары в конце XIX – начале XX века // Самарский научный вестник. Т. 6. № 3. 2017.
7. Москва рубежа XIX и XX столетий: взгляд в прошлое издалека. М., 2004.
8. Памятная книжка Самарской губернии за 1914 г. Самара, 1915.
9. Памятная книжка Самарской губернии на 1916 год. Самара, 1917.

Н.В. Бахута

Самарский национальный исследовательский университет

КОСОВО НАЧАЛА XX ВЕКА ГЛАЗАМИ СОТРУДНИКОВ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО КОРПУСА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА БАЛКАНАХ

На рубеже XIX–XX вв., в русской общественно-политической мысли была широко распространена идеология «неославизма» – этнополитического течения, которое основывалось на идейных основах «панславизма»: 1) необходимости создания славянского национального политического объединения на основе этнической, культурной и языковой общности; 2) равенстве славянских народов между собой и организации помощи в защите славянских государств. Следовательно, судьба молодого славянского государства – Сербии, которое юридически оформило свой статус как суверенной страны по итогам Берлинского конгресса 1878 г., не была безразлична политической элите Российской империи этого времени [1, с. 497].

Каково было состояние институтов государственной власти в Сербии? Какие процессы происходили в становлении общественной мысли у сербов? И какой путь лучше выбрать сербам, чтобы они были «сильным народом» на Балканах и верными союзниками России: 1) осуществить модернизацию социально-политической структуры Сербии, следуя опыту Западной Европы или 2) прибегнуть к фактору войны, расширив границы Сербии за счет территорий соседних государств? Чтобы решить эти важные вопросы, российской политической элите, в лице дипломатического корпуса Российской империи на Балканах, пришлось пойти по тернистому пути поиска их адекватных решений [1, с. 499].

Таким образом, руководство Российской империи в лице политической элиты, которая осуществляла ее внешнеполитическую доктрину – дипломатического корпуса в содействии с императором Николаем II, сформули-

ровало следующий образ Косова, который обладал особой актуальностью, включая период Балканских войн (1912-1913), и состоял из двух позиций:

1) Территория районов Косова и Метохии – земли Старой Сербии, являются наиважнейшим базисом в деле укрепления позиций Сербии на Балканах и объединения сербского народа в единое целое[2, с. 92]. Без Косова и Метохии Сербия не может быть сильным союзником России, а значит и геополитическое влияние России на Балканах и в Восточном Средиземноморье, будет ослаблено[5, с. 143];

2) Если территории Косова и Метохии являются историческим районом образования сербского народа, то на этих землях не могут жить другие народы, кроме сербов, а значит этот регион точно должен войти в состав Сербского королевства [4, с. 46]. Конечно, здесь следует заметить, что даже сотрудники дипломатического корпуса Российской империи на Балканах, которые были наиболее осведомленными специалистами в народонаселении Балкан, не могли точно сказать, что в Косове и Метохии живут только сербы (нередко именуя местное население этого региона как «поарнаутившихся сербо-болгар», «плодом связи отдельных арнаутских кланов и черногорских племен»), что говорило о смешанном характере населения этого региона [3, с. 57].

Образ Косова начала XX века, который был создан сотрудниками дипломатического корпуса Российской империи на Балканах, являлся логичным и притягательным в плане одной из идеом концепции «панславистского мира» – «о осуществлении поддержки братских России народов», что и сделало его убедительным подтверждением «правоты» сербской национальной идеологии в сфере геополитики Российской империи на Балканском полуострове.

Библиографический список

1. Бромлей Ю.В., Достян И.С., Карасев В.Г., Никитин С.А. История Югославии. В 2-х томах. М., 1963. Т.1.
2. Донесение консула Российской империи в г. Цетинье Н.С. Дьяченко министру иностранных дел Российской империи С.Д. Сазонову 12 апреля 1912 года // Искендеров П.А. Сербия, Черногория и Албанский вопрос в начале XX века. СПб., 2013.
3. Из записки консула в Монастире коллежского советника А.М. Петряева по Албанскому вопросу (1912 г.) // Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы. М., 2006. Т.1. (1878-1997 гг.).
4. Искендеров П.А. Сербия, Черногория и Албанский вопрос в начале XX века. СПб., 2013.
5. Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1997.

**ВЛИЯНИЕ ПЕРЕВОРОТА Ю. ПИЛУДСКОГО
И МИССИИ С. ЯНИКОВСКОГО В ПРИБАЛТИКУ
НА СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ (МАЙ 1926 ГОДА)**

После заключения Берлинского договора между СССР и Германией 24 апреля 1926 г., который, по словам Дж. Корбела, «подтверждал изоляцию Польши от России» [1, с. 197], международное положение Польши резко ухудшилось, что в совокупности с тяжелым финансовым и экономическим положением в самой Польше неизбежно вело к падению авторитета правительства А.Ю. Скушиньского и сменившего его В. Витоса. Особое недовольство проявляли военные, группировавшиеся вокруг героя советско-польской войны 1920 г. — Ю. Пилсудского. Ситуация продолжала накаляться до середины мая, пока не произошло то, чего многие ждали уже давно: 12–14 мая верные Ю. Пилсудскому части заняли Варшаву и произвели государственный переворот. В Польше установился режим «санации»: реальная власть оказалась в руках Ю. Пилсудского, управлявшего двумя марионетками — президентом И. Мосцицким и премьер-министром К. Бартемом.

Сменилось и руководство внешней политикой Польши: новым министром иностранных дел стал А. Залеский. Лозунгом нового правительства министр в беседе с британским послом В. Максом-Мюллером назвал «сохранение мира со всеми соседними странами», в силу чего особую важность он придавал сохранению тесных связей с Румынией и Чехословакией. Аналогичные заверения в мирных намерениях новый министр дал и в отношении Советского Союза, Германии и балтийских стран [2, с. 99]. С аналогичными заявлениями к члену коллегии НКВД СССР Б.С. Стомопякову обратился и польский посол В. Кентжинский, сообщивший, что «правительство Пилсудского будет продолжать прежнюю внешнюю политику Польши, особенно в отношении нас [СССР — прим. авт.]». Б.С. Стомопяков, в свою очередь, заявил: «Мы, конечно, будем выжидать действий нового правительства, но мы относимся без предрассудков к Пилсудскому и готовы продолжать с Польшей прежнюю политику сближения также и при новом правительстве Польши» [3, с. 275]. В то же время, как отмечает современный исследователь Ю.В. Иванов, в Москве явно преобладало мнение, что приход Ю. Пилсудского к власти «следует рассматривать однозначно как ослабление безопасности Советского Союза» [4, с. 159].

Между тем практически сразу после переворота Ю. Пилсудского обострилась ситуация в Прибалтике. В телеграмме корреспондента ТАСС в Париже от 25 мая 1926 г. сообщалось о попытках польского правительства

навязать Латвии и Эстонии тайный договор, по которому «Польша обязуется оказать Латвии и Эстонии вооруженную помощь в случае нападения на них СССР... Латвия и Эстония по этому договору должны принять обязательство согласовать с Польшей свою внешнюю политику по отношению к СССР». Помимо этого, Польша требовала дальнейшего сближения Латвии и Эстонии с Финляндией с целью «установления единого фронта четырех государств против СССР» [3, с. 726]. Переговоры о заключении подобного договора вел в Риге, Ревеле и Гельсингфорсе директор Восточного департамента министерства иностранных дел Польши С. Яниковский. Было очевидно, что предложения прибалтийским странам было сделано еще до Майского переворота в Польше, однако оно явно получило одобрение нового польского правительства. Речь шла ни много ни мало о попытке Польши создать блок из прибалтийских государств, протектором которых выступала бы Польская республика.

Польские предложения вызвали в Москве огромную тревогу. В газете «Правда» была опубликована статья «Польско-прибалтийский блок против СССР?», подвергшая действия С. Яниковского в Прибалтике жесткой критике [5]. Новая активизация польской политики в Прибалтике связывалась как с советско-германским договором, так и с советскими предложениями прибалтийским государствам о заключении отдельных пактов о ненападении. Как писал член коллегии НКВД Б.С. Стомоняков полпреду СССР в Польше П.Л. Войкову, «Польша понимала, что заключение нами таких договоров с отдельными государствами Прибалтики будет тяжелым ударом против ее политики “барьера” против нас “от моря до моря”» [3, с. 727]. В эти же дни немецкий посол У. фон Брокдорф-Ранцау передавал в Берлин, что СССР видит в данном предложении попытку «создания польско-балтийского блока, направленного против Советского Союза» [6].

Советская дипломатия немедленно предприняла ряд контрмер, направленных на срыв замыслов С. Яниковского. При этом советские дипломаты тесно сотрудничали с немцами: хотя проект С. Яниковского был в большей степени направлен против СССР, Германия понимала, что допустить его осуществление – значит укрепить позиции Польши в регионе, и потому так же, как и Советский Союз, выступила против тайных соглашений Польши и прибалтийских государств. Немцам послам была дана установка сотрудничать с советскими полпредами и оказывать влияние на местных политических деятелей с целью убедить их отказаться от польских предложений.

Совместное советско-немецкое давление на Польшу и прибалтийские республики способствовало тому, что польское правительство дезавуировало предложения С. Яниковского. 26 мая 1926 г. газета «Правда» опубликовала заявление «Нового курьера польского» (печатного органа, близкого к Ю. Пилсудскому), в котором утверждалось следующее: «Балтийские государства хорошо знают, что Польша не стремится ни к какой гегемонии и

хочет совместно с ними наладить восточный фасад европейского мира. Мы надеемся, что это поймет и наш восточный сосед – СССР» [7]. За высокопарными речами скрывалось признание Польшей своего очередного поражения, что было достигнуто совместными советскими и германскими усилиями.

Библиографический список

1. Korbel L. Poland between East and West. Soviet and German Diplomacy toward Poland, 1919-1933. Princeton : Princeton University Press, 1963. XIV, 321 p.
2. Documents on British Foreign Policy 1919–1939. Series 1A, Vol. II. The Termination of Military Control in Germany. Middle Eastern and American Questions. 1926–7 / ed.: W.N. Medlicott, D. Dakin, M.E. Lambert. London : HerMajesty's Stationery Office, 1969. 958 pp.
3. Документы внешней политики СССР: в 24 т. / редкол.: А.А. Громько (отв. ред.) [и др.]. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, Международные отношения, 1959-2000. Т. 9: 1 января – 31 декабря 1926 г. / И.М. Горохов [и др.]. 1964. 784 с.
4. Иванов Ю.В. Очерки истории российско(советско)-польских отношений в документах. 1914-1945 годы. М.: Международные отношения, 2014. 384 с.
5. «Польско-прибалтийский блок против СССР?»: [Комбинации польской дипломатии. Польша и Прибалтийские государства] // Правда. 1926. 25 мая. С. 2.
6. TheNationalArchives. % TelegrammvonRantzaeu. Moskau, den 25. Mai 1926. GFM 33/3639/K244/3/K073272
7. «Польша в роли “покровительницы” прибалтийских стран»: [Новая конференция министров Польши, Латвии и Эстонии. Попытка создания прибалтийского блока против СССР] // Правда. 1926. 26 мая. С. 2.

Д.А. Муллаянов

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ОСНОВНЫЕ ТЕМЫ СОВЕТСКО-ЯПОНСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ В ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАБИНЕТА ХИРОТА (1936–1937)

Когда говорят об отношениях СССР и Японии в середине 30-х годов зачастую все внимание концентрируют либо на Антикоминтерновском пакте, либо на продаже КВЖД. Подробных же исследований, включающих анализ хода переговоров и предметов обсуждений почти нет. Это касается и периода столь слабо изученного, при всей его интересности, кабинета Хирота. Правительство премьеры Хирота начало работу 9 марта 1936 г. Так как кабинет был сформирован в напряженной внутри- и внешнеполитической обстановке, неудивительно, что премьер-министр и кадровый дипломат Хирота Коки не желал портить и без того не особо хорошие отношения с СССР.

В данной статье мы рассмотрим основные темы советско-японских дипломатических переговоров с марта 1936 по январь 1937 г. В качестве источников были использованы телеграммы, ноты и записи переговоров из 19 и 20 томов сборника «Документы внешней политики СССР» и японские дипломатические документы, доступные на сайте МИД Японии [1, 2, 3]. Естественно, обе публикации довольно специфичны, и в них делаются попытки представить внешнюю политику своего государства в лучшем свете.

Следует отметить, что пост министра иностранных дел Японии до 2 апреля 1936 г. занимал сам премьер Хирота, и лишь затем на эту должность был назначен Арита Хатиго. В Москве переговоры с японской стороны велись сначала послом Ота Тамекичи, а затем сменившим его Сигэмицу Мамору. С советской стороны в дипотношениях непосредственно выступал полпред СССР в Японии Константин Константинович Юренев. В Москве переговоры с послом велись должностными лицами НКВД — Б.И. Козловским или Б.С. Стомоняковым, а иногда и наркомом М.М. Литвиновым.

Лейтмотивом дипломатических контактов в указанный период были формальные призывы к улучшению отношений при постоянных обвинениях друг друга в различных нарушениях и несговорчивости.

Опираясь на сборник «Документы внешней политики СССР», можно сказать, что советские дипломаты зачастую инициировали дискуссии, протестуя против различных нарушений японской стороны, а именно — против задержаний в портах советских пароходов, против необоснованных досмотров советских граждан, против явной слежки за полпредством СССР, и, конечно, против нарушений морских и сухопутных границ.

Проблема границ стала одной из важнейших в 1936 г. Переговоры в основном велись по вопросу о создании двух комиссий: для демаркации границы между СССР и Маньчжоу-го и для разрешения приграничных конфликтов. Формирование первой запрашивалась японской стороной, и СССР соглашался с демаркацией только при условии, что пересматриваться граница не будет. В создание комиссий по разрешению приграничных конфликтов была заинтересована советская сторона. Однако переговоры затонули и при кабинете Хирота комиссии так и не были сформированы.

Довольно часто советские дипломаты сообщали своим японским коллегам, что у них имеются данные о подготовке германо-японского соглашения, и что это может навредить отношениям СССР и Японии. После заключения 25 ноября 1936 г. Антикоминтерновского пакта, советская сторона утверждала, что имеет сведения о тайном протоколе, приложенном к пакту. В беседе с послом Сигэмицу от 9 декабря 1936 г. Литвинов говорил, что отрицать наличие секретного протокола бессмысленно, и Правительство СССР может решиться на опубликование имеющихся документов [4,

с. 647]. Антикоминтерновский пакт весьма отрицательно сказался на советско-японских отношениях.

Для японской стороны, видимо, важнейшими были экономические вопросы: о концессиях и о переподписании рыболовной конвенции 1928 г. Последняя стала главной «японской» темой советско-японских дипотношений. В новой конвенции японцы хотели изменить общий срок действия соглашения, пересмотреть территории лова, а также изменить некоторые другие пункты. Провал этих переговоров в 1936 г. стал крупнейшим дипломатическим поражением кабинета Хирота. Это, возможно, послужило одной из причин падения кабинета. Отказ советской стороны от перезаключения конвенции был реакцией на германо-японский пакт. Однако 28 декабря, в связи истечением срока действия, старая конвенция была продлена на год [5, с. 690].

Дипотношения Японии и Советского Союза при кабинете Хирота тяжело назвать результативными. Мелькнувшая после прихода Хирота к власти надежда на достижение согласия по многим вопросам быстро улетучилась. Большинство из них так и не были разрешены.

Таким образом, мы рассмотрели важнейшие предметы советско-японских переговоров в 1936 – начале 1937 г. Развивая данную тему, необходимо, во-первых, расширить источниковую базу исследования, а именно – привлечь архивные документы. Во-вторых, провести сопоставление материалов дипотношений с историческим контекстом данного периода. Итогом подобной работы должно стать лучшее понимание логики развития советско-японских отношений во второй половине 30-х гг. XX века.

Библиографический список

1. Документы внешней политики СССР. Т. 19. 1 января – 31 декабря 1936 г. М., Политиздат, 1974. 824 с.
2. Документы внешней политики СССР. Т. 20. 1 января – 31 декабря 1937 г. М., Политиздат, 1976. 816 с.
3. Documents on Japanese Foreign Policy Showa Era, Series II, Part 2, Volume 5 (1936) (Japanese language). Токуо, 2007. 731 p.
4. Запись беседы наркома иностранных дел СССР с послом Японии в СССР Сигэмицу от 9 декабря 1936 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 19. М., Политиздат, 1974. С. 636-648.
5. Протокол между СССР и Японией о продлении на 1937 г. существующего режима рыболовства от 28 декабря 1936 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 19. М., Политиздат, 1974. С. 690.

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЛЬЯНОВСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ ВОЕННОГО
ВРЕМЕНИ «ПРОЛЕТАРСКИЙ ПУТЬ-УЛЬЯНОВСКАЯ ПРАВДА» (1941–1945 гг.)**

Официальная дата рождения газеты 3 ноября 1917 г., тогда вышел первый номер газеты «Симбирская правда». До февраля 1943 г. газета носила название «Пролетарский путь» и только 18 февраля 1943 г. вышел первый номер газеты под названием «Ульяновская Правда». Переименование газеты связано, прежде всего, с образованием Ульяновской области (19 января 1943 г.).

В первом военном номере газеты читатель еще не встретит упоминаний о войне, так как данный номер был выпущен в печать еще до нападения германский войск [1, 1941. №97. 22 июня]. Но уже в следующем выпуске встречаются статьи со следующими заголовками «Тройным ударом ответим на удар поджигателей войны», «Поднявший меч от меча и погибнет» и др. В них можно найти призывы осуждающие нападение фашисткой Германии и призывы встать за защиту Родины.

На начальном этапе войны периодически печатались статьи о перевыполнении местными предприятиями производственных норм и о широко распространенном на всех предприятиях страны стахановском движении: «трикотажный цех артели им. Сталина выполнил 170 процентов и пекарня «Коммунар» 86 процентов за декаду месячной нормы» [1, 1941. №163. 13 июля. с. 2], «напористость и сноровка помогли бригаде отремонтировать поезд за 30 мин, вместо 12 часов» [1, 1941. №167. 18 июля. с.2]. В основном на данном этапе говорится о деятельности местных предприятий таких как завод им. Володарского, швейная №5, спирт-винзаводы и артели и др.

Но в представленной газете никак не фигурирует сам процесс эвакуации и размещения предприятий в Ульяновске. Лишь начиная с января 1942 г. в газете присутствуют упоминания как об уже действующих предприятиях города. Например, в статье Х. Исьяновой «Буду двухсотницей» [1, 1942. №6. 8 января.с.2]. Данная статья – это интервью работницы фабрики им. КИМ из Витебска (ныне фабрика «Русь»), которая была первым предприятием, прибывшим в Ульяновск. Ее оборудование и 352 рабочих стали прибывать в город с 13 июля 1941 г. Производственные цеха были размещены на площадях прядильной фабрики, и уже 9 октября 1941 г. фабрика была включена в число действующих предприятий города. Фабрика им. КИМ в годы войны изготавливала чулочно-носочные изделия, свитера, нижнее белье, пряжу и вату [2, с.15].

Также в газете встречается упоминание о другом предприятии легкой промышленности – фабрике им. Горького, ранее эвакуированной из Кие-

ва. В статье «Почему не выполняются нормы?» [1, 1942. №159. 6 июля. с.2] говорится о невыполнении норм на фабрике им. Горького. Данные упоминания являются лишь редким исключением (2 статьи за первые полтора военных года).

В 1942 г. в газете упоминается лишь об эвакуированных предприятиях легкой промышленности, но с апреля 1943 г. стали упоминаться предприятия военно-промышленного комплекса завод контрольно-измерительных приборов (КИП) и с начала 1944 г. — ЗИС.

В Ульяновск в конце 1941 г. прибыло оборудование киевского завода контрольно-измерительных приборов №10 и московского завода контрольно-измерительных приборов вместе с Центральной научно-исследовательской лабораторией контрольно-измерительных приборов Наркомата пищевой промышленности. Эти предприятия разместились в цехах ликероводочного завода и получили название «Ульяновский завод контрольно-измерительных приборов №10». Данное предприятие занималось изготовлением минометного прицела и различных контрольно-измерительных приборов.

Статья, в которой впервые за время войны упоминается в газете о заводе КИП. Автор статьи повествует о выпуске месячной нормы и о выпуске сверхплановой продукции.

Во второй половине 1943 г. автором отмечается спад интенсивности освещения деятельности ульяновских предприятий и на первый план выходит театр военных действий, сводки с фронта, сельхоз работы.

В мартовском номере за 1944 г. впервые упоминается об еще одном предприятии военно-промышленного комплекса Ульяновска — заводе им. Сталина, который участвовал в шефствовании над ульяновскими совхозами. Завод высылал людей на помощь, материалы, запасные части. Автор статьи также рассматривает и вопрос роста промышленной продукции за счет повышения производительности труда, роста производственной активности рабочих. Отмечаются и недостатки некоторых предприятий [1, 1944. №56. 22 марта. с.2]. С весны 1944 г. начинает активно освещаться деятельность ЗИСа.

В газетах оговаривались стандартные темы: о перевыполнении производственных, стахановском движении на данном предприятии, также частично затрагивается вопрос строительства корпусов завода и ТЭЦ [1, 1944. №196. 7 октября. с.2]. Правда, строительство Ульяновской ТЭЦ окончилось уже после войны — 8 сентября 1945 г. был уложен первый кирпич, а за пять минут до нового, 1947 г. новая заводская ТЭЦ даст долгожданный ток. Подготовка к строительству началась еще в военные годы. С 1944 г. начинается заливка фундамента. 24 февраля 1944 г. в отчетном докладе на первой общезаводской партийной конференции Л.З. Роговой — парторг ЦК сказал: «Перед нами сейчас стоит одна важнейшая задача — построить в Ульяновске

новый завод, и в первую очередь построить ТЭЦ, которая решит проблему энергоснабжения не только нашего завода, но и города» [3, с.24].

Многие проблемы не в полной мере рассматриваются, либо вообще не раскрыты, например, проблема нехватки электроэнергии многие предприятия города подолгу простаивали, теряя драгоценное время. Следующими не менее важными проблемами являются отсутствие квалифицированных рабочих и нехватка сырья для предприятий в газете также эти проблемы не затрагивается. Также деятельность многих других промышленных предприятий, эвакуированных в Ульяновск, в годы войны практически не рассматривалась.

Библиографический список

1. Пролетарский путь – Ульяновская правда. 1941-1945.
2. Пяткова Г.Ю. Легкая промышленность Ульяновской области в годы Великой Отечественной войны // Легкая промышленность в Ульяновской области в годы Великой Отечественной войны. Симбирский научный Вестник. №3(9). 2012. С.152-158.
3. История Ульяновского автомобильного завода. М.: Профиздат, 1988. 148 с.

СЕКЦИЯ II. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ИСТОРИИ РОССИИ. IX – НАЧАЛО XX В.

А.В. Крылова

Самарский национальный исследовательский университет

ВОСПОМИНАНИЯ ИНОСТРАНЦЕВ О РУССКОЙ ЖЕНЩИНЕ НА ПЕРЕЛОМЕ XVII – XVIII ВЕКОВ

Русская женщина... После этих слов у каждого человека возникают свои представления о природе этой красоты, самобытности и дерзости. Она, живущая на перепутье XVII и XVIII веков, в переломную эпоху для всей большой страны. Кто же она? Кем же они были, женщины-москвитки: рабынями в доме деспота-мужа или самовластными хозяйками; безграмотными жертвами или советчицами, к мнению которых прислушивались? Как сказал однажды В.О. Ключевский: «Будничная обстановка жизни, повседневные явления проходили мимо современников, привыкших к ним, останавливая на себе внимание чужого наблюдателя» [5, с. 26]. Так, чтобы ответить на эти вопросы, надо посмотреть на прекрасный пол глазами, как тогда говорили жители Москвы, «еретиков», «папужей», «люторов» и «кальвинов» [2, с. 37], то есть иностранных гостей нашей страны.

Иностранцы, которые часто посещали нашу страну, оставляли многочисленные записки о русском государстве, о жизни и нравах населения. И оно состояло не только из мужского пола, которому, конечно, уделено больше внимания в этих сочинениях, но и из женщин, которые поражали «немцев» своим красивым станом, но безобразно накрашенным лицом, чувством собственного достоинства, но «варварскими» нравами. Эта ядерная смесь перемещалась из российской действительности на листики из записок иностранцев, которые описывали эту невероятную, незабываемую, прекрасную и, одновременно, отвратительную русскую женщину и представляли ее на суд европейскому человеку.

Актуальность данной темы не может быть оспорена, и доказана фразой из сочинения Ключевского. Очень часто мы не замечаем того, что представляется для нас каждодневной рутинной, а для иностранца – новое, ранее не виданное событие, которое переворачивает его представление о жизни страны, куда он приехал. Можно утверждать, что тема записок иностранцев о русской женщине не изучена в исторической науке. В основном

затрагиваются темы армии, царя-самодержца, статуса знатных мужчин, а вот о представительницах прекрасного пола написаны лишь фрагментарные отрывки, которые, однако, несут в себе значимую информацию о положении женщины высшего сословия конца XVII – начала XVIII веков.

Об иностранцах в России писали многие исследователи. Для данной темы наиболее интересны и значимыми оказались такие исследования таких авторов, как В.О. Ключевский, Г.К. Лукомский, М.А. Алпатов и других. А для понимания именно женской роли в историческом процессе понадобилось изучение трудов таких исследователей, как Н.Л. Пушкирева, Ю.М. Лотман, Е.С. Анпилогова.

Цели визитеров были разные, поэтому каждый уделял наиболее пристальное внимание главным для себя вопросам. Дипломаты – общим вопросом государственного устройства и политики, купцы – торговле и производимым товарам, церковные деятели – особенностям верования русских людей и т.д. При этом, как правило, все иностранцы интересовались бытовой стороной жизни русских людей, отмечая те детали и особенности, которыми она отличалась от их собственной. В этом отношении записки западноевропейских авторов представляют для историков уникальный материал, позволяющий проследить на протяжении веков, как изменялась повседневная жизнь русских людей [7, с. 13-14]. В.О. Ключевский отмечал, что «к сведениям иностранцев о России следует относиться с большой осторожностью, поскольку они видели лишь отдельные стороны жизни русских людей, не всегда понимали их правильно, а иногда и умышленно их искажали в угоду собственным религиозным воззрениям или интересам дипломатии» [5, с. 28].

Что же привлекало взгляд иностранца в русской женщине? Чем же так разительно она отличалась от западноевропейской, что вызывало у некоторых иностранцев эстетический коллапс?

Первое, на что обращали внимание все «немцы», так это на внешнюю привлекательность наших прекрасных дам, и в этом отношении они не скупались на комплименты. Айрман так писал: «а уж если упомянуть жен и женщин московитов, то таковые с лица столь прекрасны, что превосходят многие нации...» [6, с. 490]. Но все, без исключения замечали на этом прекрасном лице один большой и уродующий его недостаток, что, по их мнению, было как минимум не эстетичным, а как максимум отвратительным и безобразным. И, конечно, Адам Олеарий не мог пройти мимо этого феномена без очень язвительного и четкого сравнения: «в городах они все румянятся и белятся, притом так грубо и заметно, что кажется, будто кто-нибудь пригоршнею муки провел по лицу их и кистью выкрасил щеки в красную краску» [1, с. 164].

Это было так ярко и заметно, что эта изюминка русских дам даже нашла отголосок в стихах молодого Джорджа Турбервилля, секретаря посольства сэра Томаса Рандольфа:

Пусть муж – последний в их стране бедняк,
А вот жене своей румяна не купить не может он никак.
Деньгами награждает, чтоб красилась она, рядилась,
И брови, губы, щеки, подбородок румянами и краской подводила.
Вдобавок женщины к привычке этой известное коварство прилагают
И, красясь ежедневно, немалого успеха достигают.
Так искусно они сумеют краску наложить на лица,
Что самому благоразумному из нас, доверься даже он глазам,
не мудрено и ошибиться [6, с. 516-517].

Самое поразительное для тогдашнего иностранца было то, что идеал красоты в России никак не вмещался в привычные формы западноевропейских модных платьев. В представлениях «немцев» из разных стран, где почиталась тоненькая талия и изящное тело, не вписывалось русское, пышущее жизнью тело настоящей женщины, а не куклы с параметрами 90-60-90. Вот что на этот счет пишет Коллинс: «красотою женщины считают они толстоту...Дай мне Бог толстоту, а я себе дам красоту...Маленькие ножки и стройный стан почитаются безобразием...Худошавые женщины почитаются нездоровыми, и потому те, которые от природы не склонны к толстоте, предаются всякого рода эпикурейства с намерением растолстеть: лежат целый день в постели, пьют русскую водку (очень способствующую толстоте), потом спят, а потом опять пьют» [4, с. 208-209]. Здесь верно еще не хватает балалайки и медведя, которые забавляли бы женщину, которая вела такой «активный» образ жизни.

Еще одним ярким фактом, который шокировал европейцев, было какое-то противоречивое положение русских дам, чью жизнь они могли лицедреть самостоятельно на каких-то светских раутах и на улицах Московии.

Отзывам иностранцев о положении русских женщин задал тон С. Герберштейн. Его крылатая фраза: «Положение женщин весьма плачевно» [3, с. 110], – повторялась без изменений на протяжении двух столетий. Барон так говорил: «москвиты не верят в честь женщины, если она не живет взаперти дома и не находится под такой охраной, что никуда не выходит. Они отказывают женщине в целомудрии, если она позволяет смотреть на себя посторонним или иностранцам. Заключенные дома, они только прядут и сучат нитки, не имея совершенно никакого голоса и участия в хозяйстве; все домашние работы считаются делом рабов» [3, с.110-111]. Олеарий вторит ему и повествует о том, что «из подозрительности их [женщин] редко выпускают из дому, редко также разрешают ходить в церковь» [1, с. 198].

Но что же мы видим? Практически на следующие страницы мы застаем рассказы о том, что во время паломничества в Новгород «пьяная женщина вышла из кабака, упала на улицу и заснула» [1]. А такие рассказы, что во время пиршества, когда мужья их уже засыпают на столе от большого количества выпитого алкоголя, женщины садились верхом на мужчин и

до тех пор угощали друг друга водкою, пока и сами не напились мертвецки [1, с. 186]. А как же рассказы иностранцев о тех пошатнувшихся нравах, которые они видели в русских банях? «Баня была разгорожена бревнами, чтобы мужчины и женщины могли сидеть отдельно. Однако входили и выходили они через одну и ту же дверь, притом без передников... Женщины иногда выходили без стеснения голые – поговорить со своими мужьями» [1, с. 191].

И чтобы подвести итог, надо сказать о том, какой же образ женщины иностранцы увезли с собой в Европу. Русская дама – это солидная женщина в теле, прекрасная лицом, но выкрашенная отвратительным образом. Она сидит взаперти дома и может только своими нежными пальчиками заниматься вышивкой, но если дело доходит до праздника, тут она перепьет любого страннику и без зазрения совести выйдет голая на улицу из бани. Такие странные, но милые и родные для нашего взора русские женщины, которые просто не укладывались в представления европейцев. Именно такую они запомнили и представили миру русскую даму переломной эпохи.

Библиографический список

1. Адам Олеарий. Описание путешествия в Московию / Пер. с нем. А.М. Ловягина. Смоленск, 2003.
2. Алпатов М.А. Русская историческая мысль и западная Европа XVII – первой четверти XVIII века. М., 1976.
3. Записки о Московии барона Герберштейна / Пер. с лат. И. Анонимов. СПб., 1886.
4. История России и дома Романовых в мемуарах современников XVII – XX вв. / под ред. А. Либермана. М., 1997.
5. Ключевский В.О. Сказание иностранцев о Московском государстве. М., 2012.
6. Ножникова З. Загадочная Московия. Россия глазами иностранцев. М., 2010.
7. Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия / Под ред. Голубева А.В. М., 2000.

А.М. Раскин

Самарский национальный исследовательский университет

РЕФОРМЫ УПРАВЛЕНИЯ АРМИИ ЦАРЯ ФЕДОРА АЛЕКСЕЕВИЧА

Несомненно, Петр I коренным образом перестроил русскую военную систему. Впервые армия оказалась полностью состоящей из регулярных подразделений, появилось военное образование, табель о рангах и т.д. Однако, часто можно слышать утверждение о том, что предтечей петровских преобразований в армии, были реформы его брата Федора Алексеевича,

где он упорядочил армейское управление, придал армии больше элементов регулярности. Цель моей работы – выяснить, так ли это. Армейские реформы Федора Алексеевича, в научной литературе освещены недостаточно, особенно разрядная реформа. Однако, изучив работы Чернова А. В., Седова П.В., Богданова А.П., Малинкина Е.М., также статьи П.П. Елифанова можно получить представление о самих реформах, и о состоянии русского войска до и после реформ. Также, в качестве источника нам понадобится «Роспись перечневая ратным людям, которые в 189 году росписаны в полки по разрядам». Именно она является главным документом, отразившим распространение разрядов на всю европейскую территорию России.

Ко второй половине XVII в. система управления войсками была довольно запутанная – существовало 18 различных военных приказов. Помимо изначально существовавшие военные приказов, появляются новые. Во-первых, это приказы ведающие полками нового строя – приказы драгунского строя, Рейтарский, Иноземный. Во-вторых, это приказы ведающие снабжением и сбором налогов на армию – приказы Хлебный и денежного дела. В третьих, приказы ведающие производством вооружения – из Оружейного приказа выделяются приказы мушкетного дела и ствольного дела. В четвертых, военные функции несли на себе территориальные приказы [2, с. 182].

Чтобы рассмотреть вопрос о пересечении функций военных и территориальных приказов, нам необходимо рассмотреть разряды, тем более, что реформа разрядов – важная часть военных реформ Федора Алексеевича. Понятие разряд в значении военно-административной единицы впервые появилось в 1640-ых годах, когда был образован Белгородский взряд, в который вошли земли пограничные с Речью Посполитой. Затем появились Новгородский и Смоленский разряды, на границе со Швецией и той же Польшей. В ходе подавления восстания Степана Разина в Поволжье возникает Казанский разряд [6, с. 62]. В Сибири возникают Тобольский, Томский Енисейский разряды [5, с. 189]. Разряды, зачастую, фактически подчинялись именно территориальным ведомствам, например, Казанский разряд подчинялся более Казанскому дворцу, нежели Разрядному приказу. Однако, факт передачи функций от одного ведомства к другому не содержит ни в одном царском указе [6, с. 63].

Все это создавало неразбериху, тем более что над приказами не было единого руководства [2, с. 184]. Показателен тут Чигиринский поход 1677 г. На службу под командование князя Г.Г. Ромодановского не явилось свыше 6000 человек, из них рейтаров и драгун – почти 5000, дворян и детей боярских – 1047 человек. Причем число явившихся дворян и детей боярских – 988 человек, то есть не явилось больше половины. В то же самое время, в войске князя А.А. Голицына иноземные полки были вооружены самодельными пиками, в виду отсутствия огнестрельного оружия, которое было отправлено из Москвы, когда уже боевые действия закончились [4, с.290].

Кроме массовой неявки на службу, дворянское ополчение страдало от своей архаичности, и недостатка подготовки. Дворянские сотни, будучи нерегулярными подразделениями, были плохо управляемы в бою, плохо дисциплинированы, и не способные держать строй [3, с. 250]. В итоге, к правлению Федора Алексеевича армия не имела единого органа управления, взаимодействие различных военных приказов выливалось в бюрократическую волокиту, мобилизация людей поместной службы не могла быть проведена в полной мере. Регулярной такую армию назвать нельзя.

Чигиринский поход 1677 г. убедил царя Федора Алексеевича в необходимости реформирования армии. Мы рассмотрим лишь изменения в общем управлении армии. Составляется «Роспись перечневая ратным людям, которые в 189 году росписаны в полки по разрядам», в которой устанавливается численность ратных людей различных категорий на различных территориях — разрядах. По «росписи» их 9 — московский, северский, владимирский, новгородский, казанский, смоленский, рязанский, белгородский, тамбовский. То есть опыт разрядов распространялся на практически всю территорию европейской части Русского государства. В каждом разряде, кроме московского, представлены основные рода войск — стрельцы, солдаты, копейщики, рейтары. В московском же разряде расписаны чины московские и стрельцы [1, с. 72-93].

Также, территориальные приказы, такие как Новгородский, Смоленский и т.д. лишались военных функций, таким образом, ликвидировалось пересечение полномочий территориальных и военных приказов [5, с. 192]. Однако такое военные функции сохранили Сибирский, Малороссийский и Казанский приказы, но там уже военные приказы официально теряли свои функции. На остальных же территориях все управление ратными людьми было сосредоточено в трех приказах — Разрядном, Рейтарском и Иноземном. Разрядный приказ ведал всеми ратными людьми в Севском, Тамбовском, Белгородском и Новгородском разрядах, конными людьми в Понизовье, и всеми служилыми людьми по отечеству. Рейтарский приказ ведал конницей в остальных разрядах, а Иноземный — пехотой. Также, во главе этих трех важнейших военных приказов был поставлен один человек — боярин М.Ю. Долгоруков [2, с. 193].

Изменены наказания за «нетство» — неявку на службу, которое было в то время массовым среди служилых людей по отечеству. Примером этому может служить описанный выше поход на Чигирин [3, с. 250-251]. Уклонистов теперь записывали на солдатскую службу, что было для дворян унизительно, поскольку поместную службу они считали своей привилегией. Также решена другая проблема поместной службы — большое количество дворян не способных самостоятельно прийти «конно, людно и оружно». Введен ценз для зачисления на сотенную службу — 25 дворов, остальные же записывались в рейтары. А «скудные пустопоместные» — записывались в солдаты [6, с. 64].

В итоге — большая часть армии находится под единым руководством, управление войсками на местах упорядочено. Однако, успешность реформ армии всегда проверяется войной, а между реформами Федора Алексеевича, и преобразованиями Петра I русское войско совершило лишь два похода в Крым и два похода на Азов. Несмотря на это можно сказать, что реформы были направлены на придание войску большего уровня регулярности, и без них Петру I было бы сложнее перестроить армию.

Библиографический список

1. Рospись перечневая ратным людем, которые в 189 году рospисаны в полки по разрядам // Описание Государственного Разрядного Архива. М., 1842.
2. Чернов А. В. Вооруженные силы Русского Государства в XV-XVII вв. М., 1954.
3. Епифанов П.П. Войско // Очерки русской культуры XXVII века. Ч. 1. Материальная культура. Государственный строй. М., 1979.
4. Седов П.В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб., 2006.
5. Богданов А.П. Несостоявшийся император Федор Алексеевич. М., 2009.
6. Малинкин Е.М. Разрядная реформа конца 1670-х — начала 1680-х и ее реализация в низовых городах // Вестник СамГУ. №8/2 (99). Самара, 2012.

Д.А. Кривова

Самарский национальный исследовательский университет

ВОПРОС О «НЕМЕЦКОМ ЗАСИЛЬЕ» В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ АННЫ ИОАННОВНЫ

Правление Анны Иоанновны нередко имело отрицательную характеристику в российской историографии и ассоциировалось с «засильем немецких временщиков» во внутренней и внешней политике России. Считалось, что сама императрица, женщина недалекого ума, практически не вмешивалась в дела государственного управления, доверив всю власть иностранцам во главе со своим фаворитом Э.И. Бироном.

Примечательно, что представление о засилье иностранцев в период правления Анны стало насаждаться в обществе с того момента, как Елизавета Петровна в 1740 году захватила престол. Так как новая императрица действовала как узурпатор, ей было необходимо оправдать свое положение на троне. Поэтому Елизавета стремилась представить свое восшествие на престол как освобождение ею, дочерью Петра Великого русского народа от немецкого засилья [2, с. 425]. В XIX веке такая нелюбимая оценка о данном периоде укрепились под влиянием произведений художественной литературы, в частности романа И.И. Лажечникова «Ледяной дом». Именно в этом романе впервые упоминалась «бионовщина» как историческое

явление и в красках была расписана мрачная характеристика правления Анны Иоанновны [5, с.8]. В последующем отрицательная оценка аннинского правления получила очень широкое распространение среди историков. Известна фраза В.О. Ключевского, которую нередко используют в качестве хрестоматийной оценки правления Анны: «Немцы посыпались в Россию точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забирались на самые доходные места в управлении; последовали казни, шпионство» [4, с. 272]. Другой известный историк, С.Ф. Платонов тоже отзывался об аннинском правлении как о весьма печальной эпохе русской жизни XVIII в., когда многие представители русской знати повергались гонениям, а немцы стремились занять все ключевые места в управлении государством, преследуя свои эгоистичные цели [8, с. 109]. В советское время отрицательная оценка правления Анны стала господствующей и прочно ассоциировалась с мрачным застоем и всеобъемлющим влиянием иностранцев. Так, В.В.Мавродин писал, что далекая от политики императрица привезла с собой немцев, которые захватили всю власть и стали использовать ее в своих корыстных целях [7, с. 334].

Несмотря на такую одностороннюю оценку, в чем-то с этими историками можно согласиться, так как иностранцы действительно получили большее влияние в различных сферах и заняли многие важные должности. Известно, что А.И. Остерман стал первым кабинет-министром, Б.Х. Миних получил должность президента Военной коллегии, К. Принценстерн сосредоточил в своих руках управление Штатс-канцелярией, Э.И. Бирон и Р.Г. Левенвольде получили высшие придворные должности [9, с. 19]. Примечательно, что и в донесениях иностранных дипломатов были сведения о возмущении русских вельмож высоким положением иностранцев. Так, английский посланник Клавдий Рондо отметил, что русское дворянство было весьма недовольно тем, что императрица отдает предпочтение иностранцам [3, с. 191]. Однако как писали некоторые историки, в частности Е.В. Анисимов, иностранцы в большом количестве поступали на службу в Россию еще задолго до правления Анны и никогда не угрожали национальному существованию государства. По его мнению, самое большое количество иностранцев было при Петре I, когда возникла особо острая нужда в иностранных специалистах. Но и тогда вся их деятельность в целом была направлена на служение интересам государя, а не на подрывание национальных устоев России. Некоторые иностранцы женились на русских и принимали православие, полностью растворившись в среде русского дворянства [2, с. 428].

Что касается правления Анны, И.В. Курукин сделал вывод, что больше всего иностранцев в данный период было в Коллегии иностранных дел и Коммерц-коллегии, так как служба на этих должностях предполагала высокую квалификацию и знание иностранных языков — то есть правительство продолжала использовать иностранцев в качестве незаменимых кадров. Преобладали иностранцы и в армии, но, как показывают их биогра-

фические данные, многие из них начинали свою службу еще при Петре I [5, с. 292]. Весьма велико было влияние иностранцев при дворе. Известно, многие из них получили высокие должности в зависимости от субъективных факторов, что говорит о возрастании процесса фаворитизации [9, с. 20]. Это отчасти объясняется тем, что, столкнувшись с оппозицией в среде русского дворянства, Анна Иоанновна стремилась положиться на тех людей, чьи интересы неразрывно были связаны с ее положением на троне — многие из них были именно иностранцами [2, с. 434]. В связи с этим в период правления Анны произошло большое количество перестановок в государственном аппарате, что позволило императрице обрести реальную опору власти [6, с. 241].

Тем не менее, несмотря на то, что иностранцы имели большое влияние, они не представляли «немецкой» партии. «Немцами» в России называли практически всех выходцев из Западной Европы, которые, будучи подданными разных государств, не могли иметь ощущать своего этнического единства и проводить единую политику. Даже настоящие немцы на русской службе происходили из различных мелких княжеств и совершенно не чувствовали германского единства. Так называемые «немцы» представляли собой довольно пестрый состав, включая в себя курляндца Бирона, вестфальца Остермана, лифляндцев братьев Левенвольде, ольденбургца Миниха, между которыми не утихала борьба за власть и почести [1, с. 303]. Высокое положение иностранцев в правящей элите не сплотило, а наоборот, способствовало их разобщению, особенно проявившемуся уже после смерти Анны Иоанновны [9, с. 24].

Таким образом, в заключение стоит сказать, что степень влияния иностранцев, несомненно, сильно возросла в период правления Анны Иоанновны, что находит подтверждение в статистике. Однако сами иностранцы не имели своей целью проводить единую «антирусскую» политику, так как их интересы были различны и в целом были направлены на служение Русскому государству.

Библиографический список

1. Анисимов Е.В. Анна Иоанновна. М., 2002.
2. Анисимов Е.В. Россия без Петра. СПб., 1994.
3. Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 1733 года по 1736 год // Сборник русского императорского исторического общества. СПб., 1889.
4. Ключевский В.О. Сочинения в 9 т. Т. 4. М., 1989.
5. Курукин И.В. Анна Иоанновна. М., 2014.
6. Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725-1762 гг. Рязань, 2003.
7. Мавродин В.В. Рождение новой России. Л., 1988.
8. Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. Пг., 1917.
9. Столяров О.Д. Иностранцы в правящей элите России в первой половине XVIII века: проблема интеграции: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Саратов, 2014.

Н.В. АДЛЕРБЕРГ НА СЛУЖБЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 40-60 ГГ. XIX В.

Род Адлербергов — один из самых знаменитых и влиятельных в истории России. Его представители в XIX в. были друзьями царствовавших монархов и членов императорской фамилии. Так, между В.Ф. Адлербергом и будущим императором Николаем I, а также их детьми, сложились близкие доверительные отношения. Кроме того, Адлерберги занимали высокие посты на государственной службе. Тот же В.Ф. Адлерберг в 1852-1870 гг. был министром императорского двора и уделов. В 1870 г. его старший сын А.В. Адлерберг «наследовал» отцу на этом посту.

Однако Н.В. Адлерберг, младший брат А.В. Адлерберга, в истории России остается в тени своих известных родственников. Более всего Н.В. Адлерберг известен в качестве генерал-губернатора Великого княжества Финляндского (1866-1881). По роду службы он подолгу отсутствовал в Петербурге, но при дворе его знали очень хорошо. Чего стоит его видный, не равный, но, как впоследствии окажется, счастливый брак с Амалией Крюденер. Именно этой красавице Ф.И. Тютчев посвятил свои незабвенные строки. Адлерберг был главой края в один из самых интересных периодов в истории Финляндии, полного разномасштабных преобразований. Однако эта тема практически не разработана в отечественной историографии и требует отдельного ее рассмотрения [1]. Здесь же предстоит узнать, каким был путь Н.В. Адлерберга до 1866 г., чтобы понять, с каким служебным опытом он подошел к своему новому ответственному посту.

Окончив Пажеский кадетский корпус, в 40-х гг. XIX в. Н.В. Адлерберг участвовал в боевых действиях на Кавказе. Так, до конца кампании 1844 г. в ОКК Адлерберг состоял в отряде генерал-майора Д.М. Пассека (1808-1845). Он погиб в 1845 г., когда Адлерберг уже отбыл с театра военных действий. Позднее он вспоминал о генерале и его боевых подвигах на страницах своего опубликованного сочинения «Из Рима в Иерусалим». Помимо участия в военных действиях Кавказской войны Адлерберг отличился в Венгерской кампании 1849 г.

Уволенный от военной службы в связи с болезнью, в июне 1853 г. - Н.В. Адлерберг был назначен градоначальником Таганрога. Занимаясь делами города он, в том числе, контролировал сооружение одной из церквей. В период Крымской войны в ноябре 1854 г. Адлерберг был назначен на два ответственных поста — исполняющего обязанности военного губернатора Симферополя и Таврического губернатора. Во время своей службы Адлерберг, в частности, занимался вопросами, связанными с турецкими военнопленными. Исследователь О.П. Шкедя полагает, что мероприятия в этом направлении демонстрируют определенную заботу о них. Своим приказом

от 3/15 января 1855 г. Адлерберг, «принимая во внимание суровые зимние условия и плохое состояние одежды» у большинства тех, кто попал в плен, «предписал полиции “выдавать военнопленным все, что им следует, по положению, не в день отправления их из Симферополя..., а в день прибытия их сюда“» [2, с.23]. Таким образом, военнопленные могли получить предписанное им по положению со дня прибытия в Симферополь. Адлерберга также серьезно заботила беспечность в охране военнопленных вблизи театра военных действий. Летом 1855 г. он даже писал мелитопольскому городничему: «Дошло до сведения, что военнопленные, проходящие через город Мелитополь, беспрепятственно на совершенной свободе расхаживают по городу, вопреки существующему правилу и здравому смыслу, по которому одно название военнопленный ясно указывает, что он свободой пользоваться не должен» [2, с. 23]. Помимо этого, он контролировал эвакуацию государственных учреждений уже после занятия Севастополя союзными войсками [3, л. 1].

По окончании войны Н.В. Адлерберг состоял при русской миссии в Берлине с 1856 по 1866 гг., где был «военным агентом» [4, с. 266]. Н.В. Адлербергу поручалось присутствовать на различных мероприятиях, передавать поздравления от имени императора и великих князей и совершать поездки по повелению императора, как это было, к примеру, в 1859 г. в г. Эмс. Кроме того, он несколько раз вызывался в Варшаву для пребывания при Александре II. Весной 1866 г. после увольнения П.И. Рокасовского Адлерберг был назначен финляндским генерал-губернатором.

Н.В. Адлерберг имел влиятельнейших родственников, был близок ко двору и императору и зарекомендовал себя на службе. Военный человек, также несколько раз командированный «усмирять» небольшие волнения [5, с. 17], он в течение 10 лет выполнял представительские функции за границей. Н.В. Адлерберг имел и опыт руководства, и был хорошим исполнителем. Таким образом, на службе государству он был человеком не случайным, и, по-видимому, для его дальнейшей карьеры было особенно важно то, что Н.В. Адлерберг происходил из знатного шведского рода. Все эти качества, а также его личные (бесконфликтность и, возможно, стремление быть на виду) – впоследствии сыграли свою роль при управлении им такой особенной частью Российской империи как Великое княжество Финляндское.

Библиографический список

1. Загора М.Г. Деятельность Н.В. Адлерберга на посту генерал-губернатора Великого княжества Финляндского (1866–1881) // Материалы конференции «Ломоносов 2017». М., 2017.
2. Шкедя О.П. Турецкие военнопленные в России во время Крымской войны // Восточный архив. 2008. № 18.
3. Официальное письмо уездному суду по вопросу эвакуации «дел присутственных мест» из города Алешек по приказу главнокомандующего Южной и

Крымской армиями. 25 октября/6 ноября 1855 г. №983 // ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 8.

4. Бородкин М.М. История Финляндии. Т. VI. Время императора Александра II. СПб., 1908.

5. Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801-1906.

В.Г. Захаров

Училище Олимпийского резерва, г. Оренбург

КАТОРГА КАК СРЕДСТВО КОЛОНИЗАЦИИ САХАЛИНА

Сахалин, имел для России очень важное стратегическое значение: на протяжении почти тысячи километров он прикрывал материковую часть восточных владений Российской империи. Но царское правительство не могло организовать вольного заселения этого острова [1, с. 92].

Открытие богатейших месторождений каменного угля на Сахалине было одной из главных причин создания здесь колонии каторжан, а вслед за этим превращения острова в место всероссийской каторги. Отрывное положение и отдаленность его почти исключали побег. Применение принудительного труда на угольных шахтах могло быть наказанием, средством исправления преступников, и позволило бы вывозить уголь на экспорт. Сосредоточение всех ссыльнокаторжных страны в одном месте позволяло сократить расходы на их содержание. Наличие на острове штрафной колонии и воинских частей служило средством освоения и закрепления Сахалина за Россией [2, с. 139].

Первые ссыльные появились на Сахалине в 1858 году – туда пешком по этапу было отправлено 20 человек. Еще через два года – вторая партия – 80 человек, за ними последовали другие группы [3, с. 128]. Осужденные, отработав 1-2 года, возвращались на материк. Некоторые из них не покидали Сахалин, а оставались на жительство. Решение было добровольным, никакого принуждения со стороны властей не было [4, с. 46].

Колонизационная судьба Сахалина была определена в апреле 1869 г., когда он был официально объявлен местом каторги и ссылки. По закону 18 апреля 1869 г. на каторгу в Сибирь направляются только каторжные из Сибири и зауральских частей Пермской и Оренбургской губерний. Осужденные на каторжные работы вместо отсылки в Сибирь помещаются в каторжных тюрьмах (так называемых «централах»). Главной целью объявлялось закрепление Сахалина за Россией, и его освоение. Аргументами нового закона были, помимо того, были следующие: 1. Отдаленность и уединенное положение острова делает ссылку на оный преступников безвозвратною и тем освобождает государство от вредных и опасных членов его. 2. Разработка местных каменноугольных копей обеспечит на долгое

время производительный труд для значительной массы ссыльнокаторжных. 3. Климатические условия местности, не представляли препятствий для сельскохозяйственного заселения.

Но были и противники принудительного заселения, которые считали нельзя не отнести и то, что «колонизация новой страны ссыльными... есть едва ли не худший способ и, особенно при туземном населении, может иметь самые губительные последствия» [4, с. 48].

На остров не большими партиями стали пребывать каторжане: 1870 г. – 250 человек, в 1871 г. – 165 человек и т.д. [5, с. 15]. Не большое количество каторжан можно объяснить тем, что не была подготовлена почва для широкой колонизации, да и статус острова того периода несколько сдерживал. Угольные богатства не были исследованы настолько хорошо, чтобы определить необходимое количество рабочих рук на копях. Также доставка осужденных на Сахалин сухопутным путем была слишком длительна и сложна.

В 1875 году весь Сахалин был окончательно закреплен за Россией и был взят курс на каторжную колонизацию, вольные переселенцы перестали интересоваться и правительство, и местную администрацию. Летом 1879 г. морским путем из Одессы на Сахалин была доставлена первая крупная партия каторжан в 600 человек с поселением на острове на постоянной основе. Это был первый рейс на Дальний Восток нового торгового флота России – Добровольного флота. В деле заселения Сахалина регулярная перевозка каторжан морем стала играть решающую роль. Численность преступников на острове стремительно возрастала. За 5 лет число каторжан выросло в 2,5 раза, и продолжало расти [4, с. 48].

После отбытия срока каторги арестант получал звание ссыльного поселенца, ему выдавали за счет казны орудия труда и деньги. Он был обязан построить себе дом и вести хозяйство [3, с. 129]. Через несколько лет ссыльнопоселенцы причислялись к «крестьянам из ссыльных», которые имели право покинуть остров, поселиться на Дальнем Востоке или в Восточной Сибири.

Как свидетельствуют данные, общее число каторжан в 1880–1890 гг. неуклонно росло, но их доля в составе населения снижалась. К середине 1890-х гг. их численность достигла 6,5 тыс. человек. В 1882 г. каторжане составляли более 62 процентов от всего остального населения, через 10 лет – уже только 27,4 процента. К началу XX в. доля каторжан уменьшилась до 16,2 процента. [4, с. 53]. Поэтому в правительстве понимали, что каторга себя изжила, они собирались переводить остров на вольное заселение. Но русско-японская война спутала их планы. Русская армия и ополчение быстро были разгромлены, одной из причин быстрого поражения было то, что основная часть войска состояла из ссыльнокаторжных. Многие из них сразу же бежали, получив оружие, другие занимались мародерством или переходили на сторону японцев [2, с. 235].

10 апреля 1906 г. был объявлен Закон об упразднении сахалинской каторги. На российской части Сахалина оставалось жить всего около 6 тысяч

человек (в том числе заключенные в единственной оставшейся на острове тюрьме — в Александровске). С южной части Сахалина русское население было вывезено на материк. Япония оплатила стоимость утраченного имущества. На этом использование каторги как средства колонизации Сахалина было закончено.

Библиографический список

1. Захаркин А. Ф. Сибирь и Сахалин в творчестве А.П. Чехова. М., 1966.
2. Сенченко И. А История Сахалина и Курильских островов: к проблеме русско-японских отношений в XVII-XX веках. М., 2005.
3. Подпечников В. Забвению неподвластны // Дальний Восток. Хабаровск, 1984. № 1.
4. Ищенко М. И. Формирование русского населения Сахалина (конец XIX — начал о XX вв.) // Краеведческий бюллетень: Проблемы истории Сахалина, Курильских островов и сопредельных территорий. Южно-Сахалинск, 1993. № 1.
5. Новомбергский Н. Я. Остров Сахалин (Очерк сахалинской жизни). СПб, 1903.

В.А. Пискотина

*Волгоградский государственный
социально-педагогический университет*

ОСОБЕННОСТИ УСТРОЙСТВА ВЫСТАВОК НА ВСЕРОССИЙСКИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ СЪЕЗДАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Археологические съезды (далее — АС) второй половины XIX века представляли собой, во-первых, особую форму организации археологической науки данного периода, во-вторых, научную площадку для ее развития. Помимо вопросов археологии на заседаниях обсуждались различные темы, касающиеся этнографии, музееведения, архивоведения. Специфической чертой являлась открытость заседаний съездов для любого проявляющего интерес к науке человека при уплате специального взноса. Кроме того, цель проведения съездов заключалась в изучении различных регионов нашей страны, в привлечении широкой аудитории, как профессиональных ученых, так и любителей. Для проведения съездов были составлены специальные Правила, предусматривающие создание Предварительного, Распорядительного и Ученого Комитетов при съезде, выбор Председателя Совета съезда и комиссий, разработку вопросов, которым предполагалось уделить особое внимание при подготовке докладов, выпуск «Трудов» съездов, а также организацию выставки. Мы остановимся поподробнее на вопросе об устройстве выставок при первых семи съездах.

Выставка при первом археологическом съезде была посвящена развитию русского книгопечатания до правления Петра Великого, включитель-

но. Выставочный материал состоял из трех отделов: «1.Первопечатание в Европе и у юго-западных славян; 2.Русская печать и гравюра до Петра I; 3. Русское книгопечатание и сделанные в нем преобразования при Петре Великом» [4, с. III-XIV]. Успех выставки был достигнут благодаря московскому меценату С.М. Голицыну, который предоставил для этого свой дом и музей [10, с. 106].

«Труды» второго АС знакомят нас с выставочным материалом этого съезда, в состав которого вошло уже 5 отделов: «древности первобытные, древности восточные, древности классические, древности западноевропейские, древности русско-славянские» [5, с. XXIII-XXIV]. На выставке было представлено «полное собрание всех изданий Императорского Археологического общества», что связано с празднованием 25-летнего юбилея этой организации [5, с. XXIV].

К участию в заседаниях третьего археологического съезда были привлечены кроме русских ученых все славянские общества и учреждения, некоторые из них предоставили предметы для выставки [6, с. XVII]. По программе выставка состояла из двух частей: выставка общеславянская и выставка русская. Причем каждая из этих частей делилась на отделы, общеславянская включала 5, а русская – 2 [6, с. 7].

Выставочный материал четвертого археологического съезда был разделен на 4 отдела, среди них: древности первобытные и вещественные памятники (распорядители: А.Ф. Лихачев, В.В. Радлов); памятники письма (И.Я. Порфирьев); восточные древности (И.Ф. Готвальд) и нумизматика (В.К. Савельев); этнография (Н.И. Ивановский, И.А. Износков) [1, с. 13].

Об устройстве выставки при пятом археологическом съезде мы узнаем из параграфа 8 Правил. Далее в «Трудах» есть указание времени (1 ч. 40 мин.), когда ученые приступали к осмотру представленного материала [8, с. II, XVI].

Что касается выставки шестого АС, то весь представленный материал был размещен в трех залах. Особенностью являлось то, что за несколько дней до открытия съезда выставочный материал дополнился новыми предметами, но из-за несвоевременности доставки поздние предметы не вошли в составленный каталог. Не смотря на краткость описания выставочного материала, оно в значительной степени подробнее по сравнению с предыдущими [9, с. LXIX-LXXVI].

Особенность организованной при седьмом съезде выставки проявилась уже в Правилах, где указано четкое время посещения выставки, в частности, в свободное от заседаний, «т.е. от 2 ч. по полудни до 6 ч. вечера», о чем планировалось своевременно всех проинформировать [2, с. 5].

Начиная с первого съезда, важную роль в проведении выставок играло Императорское Московское Археологическое общество (ИМАО), о чем свидетельствует «Историческая записка...» [3, с. 102-103].

Устройство выставок являлось неотъемлемой частью Археологических съездов, дополнением теоретических изысканий участников вещественны-

ми источниками. Кроме отмеченных особенностей нельзя забывать о трудностях, связанных с каталогизацией выставочного материала из-за поздней доставки предметов, краткости и ограниченности сроков изучения. Важным является тот факт, что на первых выставках использовался уже существующий материал, но позже распорядители стали привлекать предметы, собранные в период между съездами. Это создавало условия для ознакомления ученых и любителей с новыми, малоизвестными находками. Количество выставочных отделов варьировалось. Предполагается, что это связано со спецификой съездов и географией их проведения.

Библиографический список

1. Известия о занятиях четвертого Археологического съезда в Казани, К., 1877. 192 с.
2. Известия о занятиях Седьмого Археологического съезда в Ярославле № 1, Я., 1887. 8 с.
3. Историческая записка о деятельности Императорского Московского археологического общества за первые 25 лет существования. М., 1890. 305 с.
4. Труды Первого Археологического Съезда в Москве (1869). Т.1. 1871. 318 с.
5. Труды Второго Археологического Съезда в Петербурге. Вып. 2, Санкт-Петербург, 1881. 202 с.
6. Труды Третьего Археологического Съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 года. К., 1878. 352 с.
7. Третий съезд Археологический в Киеве. 2-го августа 1874 года. М. 1873. 15 с.
8. Труды V Археологического съезда в Тифлисе 1881. М., 1887. 411с.
9. Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.). Т.1. О., 1886. 317 с.
10. Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2005. 296 с.

Д.Г. Телеш

Самарский национальный исследовательский университет

РОССИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ПОХОД НА БАЛКАНЫ В 1912-1913 гг. И ОТНОШЕНИЕ К НЕМУ В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

В 1912-1913 гг. разразились две балканские войны. Причиной первой из них послужило ослабление Османской империи, чем не преминул воспользоваться Балканский союз, включавший Сербию, Черногорию, Грецию, Болгарию и в ходе военных действия практически полностью лишивший Османскую империю владений в Европе. Однако вскоре противоречия, вызванные условиями Лондонского мирного договора, привели к началу войны между Болгарией и бывшими ее союзниками, на стороне которых выступила и Турция. Болгария была побеждена и лишилась большей части своих приобретений за первую кампанию, а Османская империя вернула Адрианополь с окрестностями [1].

Особенность этой войны заключалась в том, что Российская империя не могла помогать военной силой союзникам, ибо это непременно втянуло бы ее в общеевропейский конфликт, поскольку сразу бы вмешались Великобритания, Франция и Германская империя. Однако это не мешало оказывать поддержку иного рода народам, пострадавшим в Балканских войнах.

Впервые выражение «русский гуманный поход на Балканы» прозвучало в устах русского дипломата и современника тех событий Н.В. Штрандмана. Тем самым, видимо, он хотел подчеркнуть их высокую этику. Сейчас уместнее говорить о «гуманитарном походе», поскольку предпринятые российским обществом действия подходят под современное определение гуманитарной помощи.

Надо сразу отметить, что эта помощь осуществлялась не на государственном, а на общественном уровне, и даже в гуманитарной сфере Россия не могла принять сторону кого-либо из участников конфликта. Большинство населения страны в целом и Самарского края в частности составляли православные люди, симпатизировавшие своим единоверцам [2]. Однако нельзя не учитывать значительный процент мусульман, проживающих в нашем государстве, у которых поддержка Балканского союза православных стран в войне против правоверной Турции вызывала негативную реакцию.

В России допускалось оказание гуманитарной помощи всем враждующим сторонам. Так, в Самаре активно действовало общество Красного Креста, которое возглавлялось губернатором с супругой, чиновниками и наиболее обеспеченными людьми, но при этом велась работа общества Красного Полумесяца, опекавшего мусульманских раненых, военнопленных и беженцев.

Одной из черт войн того времени была особая кровопролитность сражений, и как следствие – все возрастающая нужда в специалистах медицинского профиля, в том числе и добровольных. Именно к ним воззвал организатор медико-санитарной помощи А.И. Гучков, который подчеркнул острую необходимость участия в ней добровольцев. Его речь была напечатана в местной газете «Голос Самары», и его призыв нашел отклик в сердцах горожан.

Несмотря на напряженную внутреннюю политическую ситуацию в стране, внимание широкой общественности было приковано к разворачивающимся событиям на Балканах. Об этом говорили, об этом спорили и действовали в соответствии со своими принципами. Сочувствующие либо сами отправлялись на фронт в качестве медиков, либо делали весомые пожертвования, призванные финансово обеспечить закупку лекарств, обучение врачей и медсестер. Это возымело далеко идущие последствия. Во-первых, по выражению известного историка Е.Г. Костриковой, в связи с событиями Балканского конфликта произошел кардинальный поворот в настрое-

ниях части русского общества. Во-вторых, во время оказания гуманитарной помощи наши врачи и медсестры получили бесценный опыт работы с ранениями от современного на тот момент оружия, были сделаны новые открытия в медицине, которыми работавшие на фронте охотно делились. Благодаря этому опыту, наши врачи в Первую мировую войну быстро смогли наладить процесс спасения раненых и пострадавших.

Далеко не у всех эти события вызывали одинаковый душевный подъем. К примеру, журналист Н. Северский в своей статье «Жертвуйте на раненых» высказывал позицию, носившую яркий антивоенный характер [3]. В ней, прежде всего, осуждался разгул националистических настроений, которые могли привести к обострению отношений между проживающими на территории Российской империи православными и мусульманами.

Были и те, кто с горечью откликнулся на поражения Турции, у кого военная тема вызывала не меньший отзыв, чем у православных русских людей. В Самаре татарская община была тесно связана с Османской империей не только духовными, но и родственными связями. С болью в сердце воспринимали мусульмане опасность, нависшую над ее сердцем – Стамбулом [4].

Таким образом, существовали разные позиции по отношению к причинам и итогам этой войны [5]. Все же преобладала поддержка именно православных участников конфликта [6]. В пользу этого говорит тот факт, что всего в ходе Балканских войн Российский Красный Крест получил более 1 млн. рублей, из которых большая часть досталась странам Балканского союза, а Турция получила только 1,58% от общего объема этой помощи.

Проанализировав всю ситуацию, можно сказать, что гуманитарная помощь тех лет принесла определенную пользу нашей стране, но не решила внешнеполитических и внутренних задач, стоявших перед Россией. Польза была в том, что к началу Первой мировой войны в стране уже было немало людей, в том числе женщин, которые обладали знаниями по спасению раненых бойцов и навыками ухода за больными. Русские хирурги не понаслышке стали знакомы с ранениями от современного оружия. Укреплялись различные добровольные ассоциации, активизировалась общественная деятельность по мобилизации материальных и людских средств для помощи пострадавшим в войнах. Однако наше невмешательство не только позволило укрепить Австро-Венгрии, главному сопернику Российской империи на Балканах, свои позиции на международной политической арене, но и вызвало недовольство представителей многочисленных партий, которые желали принять активное участие в разрешении конфликта для того, чтобы извлечь для себя политическую выгоду. Все это только способствовало обострению противоречий, вместо решения которых принимались непродуманные меры, ускорившие приближение мировой войны.

Библиографический список

1. Кострикова Е.Г. Первая балканская война и российское общество // Вестник РУДН. Серия: История России. 2009. № 4. С. 97-110.
2. Артамонова Л.М. Организация в Самарской губернии помощи жертвам войны 1912-1913 годов на Балканах // Наука и культура России. 2013. Т. 1. С. 12-15.
3. Смирнов Ю.Н. Особенности восприятия Первой Балканской войны в провинциальном обществе (по материалам либеральной самарской прессы) // Наука и культура России. 2013. Т. 1. С. 44-47.
4. Ахсанов К.Г. Балканская война 1912-1913 гг. и татарская общественно-политическая мысль // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. Т. 149. № 4. С. 177-185.
5. Артамонова Л.М. Критика внешней политики правительства на Балканах и антивоенные выступления в самарской печати 1912-1913 // Внешнеполитические интересы России: история и современность: сб. материалов Всероссийской науч. конф. Самара, 2014. С. 10-19.
6. Смирнов Ю.Н. Без «всякого националистического романтизма»: отход от традиционных внешнеполитических представлений в русской провинции 1912-1913 годов // Внешнеполитические интересы России: история и современность сб. материалов II-й Всероссийской науч. конф. Самара, 2015. С. 153-164.

Е.С. Кормилицина

Самарский национальный исследовательский университет

О ЦЕЛЯХ СОЗДАНИЯ ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ВОЙСКОВЫХ ФОРМИРОВАНИЙ В РОССИИ В 1914-1917 ГГ.

Вопрос о создании и деятельности чехословацких формирований в России в 1914-1920 г. в последнее десятилетие стал предметом академических и общественных дискуссий. В ходе этих дискуссий корректируются, иногда существенно, представления о чехословацком легионе, незыблемо существовавшие в советской историографии. Эти изменения уже нашли отражение в нескольких дискуссиях, посвященных чехословацкому корпусу и в других работах [1].

Заметно, что внимание участников дискуссий сосредоточено почти исключительно на действиях корпуса после выступления в мае 1918 г. Значительно реже обращается внимание на цели, которые ставили перед собой организаторы чехословацких воинских формирований и идеологи чешского и словацкого национального движения. Между тем, недавнее появление фундаментальной публикации документов и материалов о пребывании чехословацкого корпуса в России дает возможность историку уточнить цели, неизбежно трансформировавшиеся в ходе политических и военных столкновений после событий 1917 г. [2].

В результате анализа документов и материалов о пребывании чехословацкого корпуса в России нами был сделан вывод, что политической целью было вооруженное выступление на стороне России и ее союзников, для достижения отторжения чешских и словацких земель от Австро-Венгрии. Именно поэтому Правление Союза Чехословацкого общества в России, и поставило своей целью формирование чешско-словацкого войска на российской территории [2, с.303].

Военная цель преследовала увеличение чешских и словацких частей, что позволило бы увеличить численность чешских и словацких формирований и внести более значительный вклад в победу России и Антанты над военно-политическими противниками. [2, с.304].

Кроме того, многие добровольцы вступали в чехословацкое формирование, стремясь изменить сложившиеся на тот момент условия жизни в Австрии. В то же время, различные газеты, такие как киевская «Чехослован» и петербургская «Чехословак», пропагандировали мысль о создании чехословацкого корпуса, который бы с помощью России смог создать независимое королевство со свободным чехословацким народом. Стоит отметить и идеологическое давление газет, отмечавших, что чехи, не воевавшие в рядах Антанты, не имеют права вернуться домой после ее уверенной победы [2, с.769].

Что касается культурных целей чехословацкого легиона, то в данном случае мы имеем в виду добровольный переход многих чехов к русским. В них они видели своих «славянских братьев», культура которых нравилась им «своей кириллицей, русской речью, фуражками, длинными папиросами, махоркой, пирожками, белым хлебом, постоянным чаевничанием», и которые были готовы помочь им в стремлении к возрождению демократического государства [3, с.272]. Тем самым, чехословаки добровольно разделяли русофильские настроения, видя в этом способ решения своих национальных задач.

Делая вывод, стоит отметить, что все цели, которые преследовал чехословацкий народ, сводились к стремлению восстановления народного единства чешского общества и создания независимого чехословацкого государства при содействии российского правительства и союзников.

Библиографический список

1. Недбайло Б.Н. Чехословацкий корпус в России (1914-1920): Дис. ...канд. ист. наук. 2004. [Электронный ресурс], 2004. Режим доступа: <http://regiment.ru/Lib/D/23/0.htm>, свободный. Загл. с экрана (дата обращения 10.11.2017г); Салдугеев Д.В. Чехословацкий корпус в России [Электронный ресурс], 2014. Режим доступа: <http://www.hasek.org/chekhi-v-rossii/saldugeev-dv-chekhoslovatskii-legion-v-rossii>, свободный. Загл. с экрана (дата обращения 8.1.2017 г); Прайсман Л.Г. Чехословацкий корпус в 1918 г. // Вопросы истории. 2012. №5. С.75-1034; Серапионова Е.П. Милан Растислав Штефаник в Сибири // Милан Растислав Штефа-

ник. Новый взгляд. Посольство Словацкой Республики в Российской Федерации, 2001. С. 113-126.

2. Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914-1920. Документы и материалы. Т. 1. Чешско-словацкие воинские формирования в России. 1917 г. М., 2013. 1016 с.

3. Серапионова Е.П. Восприятие России и русских чешскими и словацкими legionерами // Россия и русский человек в восприятии славянских народов. М., 2014. С. 262-279.

Д.С. Парфирьев

Московский государственный университет

«НА КРАЮ СВЕТА»: ЗАПАДНОУКРАИНСКИЙ ПОЛИТИК В СИБИРСКОЙ ССЫЛКЕ

В годы Первой мировой войны в глубоком тылу Российской империи отбывали административную ссылку сотни украинских общественных, культурных, религиозных, политических деятелей из австрийских Галиции и Буковины. К самым известным «сибирякам» (так их называли в ту пору) относился ученый и политик Владимир Охримович, один из основателей Украинской национально-демократической партии (УНДП) и депутат австрийского парламента (Рейхсрата) в 1907–1908 годах.

К началу сентября 1914 года русские войска оккупировали большую часть населенных украинцами земель Австро-Венгрии, Восточной Галиции и Буковины. Не дожидаясь прихода армии противника, почти все украинские политики, находившиеся во Львове, бежали в Вену или другие города, опасаясь репрессий со стороны русских военных властей. Охримович был одним из немногих оставшихся. В первые дни оккупации Львова он пытался издавать украиноязычную газету «Дело», но вскоре та была закрыта по распоряжению оккупационной администрации. Высылка «неблагонадежных» элементов из Галиции вглубь России началась в январе 1915 года. В. Охримовича арестовали во Львове в ночь на 18 февраля. В конце мая в составе группы арестованных украинских деятелей он был конвоирован в городок Броды. По словам Охримовича, уже тогда арестанты поняли, что их везут в Сибирь [1, с. 73]. Путь занял 18 дней: 4 июня заключенные поездом прибыли в Киев и к 15 июня добрались до Красноярска с пересадками в Москве, Екатеринбургe и Омске. 28 июня на пароходе заключенные покинули Красноярск и через три дня достигли уездного города Енисейска, откуда 2 июля 1915 года в сопровождении двух полицейских отправились на юг Енисейской губернии, к устью Ангары. Дальнейший их путь лежал в село Богучаны [1, с. 74–82]. Единственным способом попасть туда была Ангара. 13 июня пополудни ссыльные приплыли в село и на следующий день зарегистрировались у станового пристава [1, с. 88].

Галичан распределили по разным деревням Пинчугской волости, предварительно осмотрев в волостной больнице и выдав «кормовые деньги». Местом ссылки Охримовича была определена деревня Гольтявино неподалеку от Богучан. Туда политик прибыл 15 июля. В селе насчитывалось всего 40 домов. Охримович остановился у Дмитрия Колпакова, местного «чалдона», потомка первых русских поселенцев. За жилье и питание квартирант платил семь рублей в месяц [1, с. 89–91]. В письме В. Пристаю Охримович сообщал, что живет на «краю света»: «До ближайшей станции железной дороги у меня 700 верст, до ближайшего городка 400 верст, до ближайшей почты 60 верст. Но хуже всего то, что единственный способ коммуникации — это река, по которой летом плавают на лодках (на протяжении 3 месяцев), а зимой (на протяжении 5 месяцев) ездят на санках. Весной, когда река растаивает, и осенью, когда река замерзает [...], мы здесь полностью отрезаны от мира и тогда не получаем два месяца никакой почты» [2, с. 3]. Удручало политика и то, что в селе не было ни школы, ни церкви, ни магазина, ни корчмы, почта приходила только два раза в месяц, а газеты — с месячной задержкой. Покинуть Гольтявино Охримович не мог. Под угрозой ареста ему также возбранялось иметь оружие, участвовать в собраниях, читать лекции и доклады, учить крестьянских детей [1, с. 88–89].

4 декабря 1915 года Охримович писал брату: «Я, слава Богу, здоров, не мерзну, не голодаю, и не скучно мне, потому что есть что читать» [3, арк. 7зв]. От скуки политика спасало общение с местными жителями, в том числе с двумя политическими ссыльными, меньшевиком П. Колышовым и большевиком И. Воиновым. Сразу по прибытии Охримовича в деревню они нашли с ним общий язык, помогли донести багаж и найти жилье [1, с. 91]. Несмотря на это, галицийскому политику не хватало общения с земляками: «В том селе, где я сейчас живу, кроме меня нет больше ни одного австрийского подданного, ни кого-либо из российских украинцев, ни людей с высшим или хотя бы средним образованием» — писал он В. Пристаю, сетуя на «одиночество и потерянность» [2, с. 3]. Поскольку выехать за пределы села Охримович не мог, а этапированные вместе с ним украинские деятели жили в десятках верст от него, их общение ограничивалось перепиской. Иногда, впрочем, земляки гостили у него по несколько дней [3, арк. 8зв]. Получая от украинской диаспоры в США деньги при посредничестве Американско-украинского бюро («American Ukrainian Exchange»), Охримович помогал ими другим галицийским украинцам, отбывавшим ссылку в Сибири, посылая им безвозмездно или в долг те или иные суммы денег [4, арк. 29–38а, 45, 46].

В ссылке Охримович не терял надежд переселиться с Ангары куда-нибудь западнее. На свою отчужденность он жаловался в письмах более удачливым соотечественникам-однопартийцам: Т. Старуху, сосланному в Казанскую губернию [5, арк. 13зв], и Д. Стахуре, отбывавшему ссылку в Сим-

бирске [5, арк. 163в]. К 1917 году Охримович потерял надежду на скорое возвращение, в чем признавался в письме одном из писем жене [3, арк. 9]. Покинуть Сибирь ему удалось лишь после Февральской революции: в июне 1917 года новые власти позволили ему свободно жить во всей Сибири, а затем разрешили вернуться на Украину [3, арк. 103в]. После возвращения из Сибири Охримович стал ревностным католиком: знавший его политик К. Трилевский объяснял это пошатнувшимся психическим здоровьем [6, с. 114].

Библиографический список

1. Охримович В.Зі Львова на Ангару (Спомини) // Ілюстрований календар товариства «Просвіта» на переступний рік 1920. Львів, 1919.
2. Світлій пам'яті пок[іийного] д[окто]ра В. Охримовича // Діло. 22 грудня 1931. Ч. 286.
3. Центральний державний історичний архів України, м. Львів (ЦДАУЛ). Ф. 372. Оп. 1. Спр. 22.
4. ЦДАУЛ. Ф. 372. Оп. 1. Спр. 20.
5. ЦДАУЛ. Ф. 372. Оп. 1. Спр. 83.
6. Трильовський К. З мого життя. Київ – Едмонтон – Торонто, 1999.

М.Э. Карпов

Самарский государственный медицинский университет

ГОРОДСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ САМАРЫ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Повседневность жителей провинциальных городов является неотъемлемой частью современного процесса исследований Российской революции и Гражданской войны. Особенно актуально обращение к теме практик существования горожан в год 100-летия Великой Российской революции 1917 года. Для определения основных черт городской повседневности был выделен круг вопросов, который включает в себя исследование влияния военно-революционных событий и процессов 1918 – 1922 гг. на благосостояние самарцев и состояния общественного здоровья, а также мероприятий местной власти в области организации системы здравоохранения. В исторической литературе, кроме общих работ по периоду [2], стали публиковаться исследования, в которых вопросы формирования городской повседневности становятся предметом самостоятельного внимания [25]. Анализ преодоления социальных болезней в годы НЭПа представлен в работе Е.А. Ерендеевой [1, с. 3-28].

Известный социолог П.А. Сорокин пишет, что базисом жизни населения в мирное время является удовлетворение самых простых биологически детерминированных инстинктов: потребность в пище, защите, медицинской помощи, доме [26, с. 3-177]. В годы военного экстрима значение этих

потребностей удваивается. В 1919 г. население Самарской губернии переживало тяготы: голода, нехватки чистой питьевой воды, недостатка медицинской помощи. В губернии бушевали эпидемии тифа и холеры, ширилось заболевание туберкулезом [3, с. 1]; [5, с. 1]; [17, с. 3]. Отмечались случаи заболеваний дизентерией и чесоткой [6, с. 1]; [9, с. 2]. Признаки кризиса в снабжении города продовольствием и значительное ухудшение санитарного состояния города были вызваны событиями, которые происходили в данный период в Самарской губернии: завершалась борьба с КОМУЧем и разворачивалась полномасштабная война с крестьянскими восстаниями. В данное время была катастрофическая нехватка медицинского персонала и специализированного медицинского инструментария [18, с. 4]. Периодически нарушалась связь губернского центра с уездами. Фельдшеры не могли доехать в села и деревни [21, с. 2]. Настоящим бедствием стали эпидемии тифа в зимнее время, а летом распространялась холера [11, с. 3]; [12, с. 2].

Население города испытывало большие трудности, будучи ограниченным в медицинском обслуживании. В уездах вспыхивали эпидемии, нещадно уносившие человеческие жизни. В данное время, как писали очевидцы, медицинская помощь населению практически не оказывалась. Отчаявшись, крестьяне в надежде на помощь врачей уезжали на армейских подводах в другие села и разносили инфекцию [8, с. 3].

Существенной проблемой для медицинского персонала было отсутствие снабжения необходимой одеждой, медицинским оборудованием вплоть до отсутствия «спиртовой лампочки для кипячения инструментов». На фоне появления признаков голода среди местного населения медицинские работники получали скудное питание. Антисанитарные условия приводили к тому, что 30-35% фельдшерского персонала заболели. Рабочее время фельдшера в эпидемическом госпитале достигало 16 часов [3, с. 1]; [15, с. 3]; [16, с. 2].

В 1919 г. Самарский губисполком под председательством В.В. Куйбышева принимал меры по учету медицинских работников. Контрольно-учетным мероприятиям подверглись даже студенты 4-5 курсов медицинских факультетов. Им вменялась в обязанность регистрация в Губернском отделе народного здравоохранения [18, с. 4].

Начавшееся в 1919 г. отстранение от работы врачей из-за их мобилизаций в разнообразные комиссии вызывало протесты среди населения. Так, М. Батавин высказывал недовольство медицинским обслуживанием и писал о том, чтобы самарцам вернули «пожилых врачей, пользующихся доверием своих больных» [7, с. 2]. Горожане участвовали в смене властей, но от своих врачей отказывались не охотно.

В первой половине 1919 г., согласно статистическим данным представленным в газете «Коммуна», увеличивалось число больных сыпным тифом: в январе их было 338, в марте число достигло 570 [4, с. 2]; [9, с. 2]; [10, с. 3]; [13, с. 4]; [14, с. 3]. Редкими были вспышки холеры, дизентерии и чесотки.

Максимальный пик заболевших тифом пришелся на апрель-май 1919 г. [19, с. 3]; [20, с. 3]. Вспышки холеры приходились в основном на летнее время. Осенью и зимой в местной газете «Коммуна» часто публиковались статьи об опасности тифа [22, с. 1]; [23, с. 1]; [24, с. 1].

Городская повседневность самарцев в 1919 г. складывалась из массового обнищания, голода и эпидемий инфекционных болезней. Состояние местной системы здравоохранения в 1919 г. в Самарской губернии, являющейся важным фактором поддержания общественного здоровья населения, было зависимым от военно-революционной ситуации, испытывало общие недостатки, характерные для всех органов управления. Общее разорение, резко конфронтационный курс советской власти приводили к тому, что население страдало от нехватки квалифицированной медицинской помощи. Местные власти проводили мероприятия по формированию системы здравоохранения и социальной защиты, борьбе с эпидемиями, однако они не всегда носили эффективный характер.

Библиографический список

1. Ерендеева А.Н. Медицинские учреждения Самарской Губернии в противодействии социальным болезням в годы НЭПа : дис... канд. ист. наук. Самара, 2009.
2. Кабытова Н.Н., Кабытов П.С. В огне гражданской войны (Самарская губерния в конце 1917-1920 годах). Самара, 1997.
3. Коммуна. 1919. № 28.
4. Коммуна. 1919. № 29.
5. Коммуна. 1919. № 32.
6. Коммуна. 1919. № 33.
7. Коммуна. 1919. № 41.
8. Коммуна. 1919. № 42.
9. Коммуна. 1919. № 50.
10. Коммуна. 1919. № 58.
11. Коммуна. 1919. № 64.
12. Коммуна. 1919. № 66.
13. Коммуна. 1919. № 75.
14. Коммуна. 1919. № 82.
15. Коммуна. 1919. № 83.
16. Коммуна. 1919. № 85.
17. Коммуна. 1919. № 90.
18. Коммуна. 1919. № 96.
19. Коммуна. 1919. № 109.
20. Коммуна. 1919. № 111.
21. Коммуна. 1919. № 221.
22. Коммуна. 1919. № 263.
23. Коммуна. 1919. № 264.
24. Коммуна. 1919. № 291.
25. Рогач А.А. Городская повседневность Самаро-Саратовского Поволжья в 1918-1920 гг.: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Самара, 2009.
26. Сорокин П.А. Голод как фактор. Москва, 2003.

ТРАГИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА В 1917–1945 гг.

История казачьего офицерского корпуса относится к числу малоизученных страниц военной истории России. В предлагаемой вниманию читателей статье речь пойдет об офицерском корпусе Оренбургского войска — одного из крупнейших казачьих войск России.

С конца 1917 года территория Оренбургского казачьего войска на два года стала ареной ожесточенной братоубийственной борьбы. Казачье офицерство сыграло в этих событиях особую роль. За годы Первой мировой войны офицерский корпус Оренбургского казачьего войска понес значительные потери и сумел сохранить подавляющее большинство кадрового офицерского состава. Этот факт сыграл определяющую роль в переходе оренбургского казачества практически в полном составе на сторону антибольшевистских сил. Казачьих офицеров, перешедших на сторону красных, были единицы. Это, прежде всего, братья есаул Н.Д. Каширин и подъесаул И.Д. Каширин, есаул А.Г. Нагаев, работавший в казачьем отделе ВЦИК, подъесаул Н.Г. Енборисов, казненный за большевизм своими же казаками, подъесаул Ф.Г. Пичугин и есаул И.А. Юдин. В среде казачьих офицеров эти люди воспринимались как изгои. На стороне белых в то же время сражалось несколько сот оренбургских казачьих офицеров [1, л.140].

Какова была общая численность оренбургских казачьих офицеров — участников антибольшевистского движения? Точных данных на этот счет не имеется в связи со сложностью разделения казачьих и неказачьих офицеров. Тем не менее, некоторые статистические сведения все же имеются. По нашим подсчетам, в антибольшевистском движении принимало участие 46 оренбургских казачьих генералов, причем подавляющее большинство из них (33 человека) получило генеральские чины уже в ходе Гражданской войны. Лишь один дослужился до чина полного генерала (генерал от артиллерии М.В. Ханжин), 6 офицеров (М.П. Бородин, А.И. Дутов, Г.П. Жуков, В.М. Панов, Н.Т. Сукин, Л.П. Тимашев) закончили службу с чином генерал-лейтенанта, остальные — генерал-майорами. 11 генералов принадлежали к потомственному дворянству. Права потомственного дворянства давало также награждение орденом Св. Георгия и Георгиевским оружием [2, с.210].

Оренбургские казаки сражались и на других театрах военных действий — участвовали в Сибирском Ледяном походе и в боевых действиях на Дальнем Востоке (вплоть до конца 1922 г.). В период Гражданской войны подготовка казачьих офицерских кадров осуществлялась в Оренбургском военном училище. В связи с нехваткой офицеров специальных частей

и отсутствием базы для создания специализированных учебных заведений училище из казачьего было преобразовано в универсальное, в котором помимо подготовки казачьих офицеров были сформированы пехотная рота, кавалерийский эскадрон, артиллерийский взвод и инженерное отделение [3, с.6].

Когда 7 февраля 1921 года в Суйдине был убит атаман Дутов, возникла проблема сохранения преемственности атаманской власти. Заместителем атамана с 1 марта 1921 года стал генерал-майор Н.С. Анисимов. После гибели Дутова резко усилилось разложение белых отрядов в Западном Китае, прежде всего отряда самого атамана в Суйдине. Пьянство, кражи, драки и разврат стали чертами повседневной жизни. Новый атаман генерал Акулинин считал необходимым «употребить все усилия на то, чтобы казаки, разметавшись по разным странам, не превратились в человеческую пыль, а наоборот сохранили между собою тесную спайку и в нужный момент выявили свое казачье лицо» [4, л.2]. Свой пост Войскового атамана зарубежных оренбургских казаков Акулинин, судя по всему, сохранял до самой смерти в 1944 году [5, с.3].

С исходом в эмиграцию антибольшевистское движение оренбургского казачества не прекратилось, а лишь приобрело иные формы. Само существование Зарубежной России стало вызовом большевистскому режиму. Уже в 1920 году в Харбине оренбургскими казаками была создана Рабочая артель, переименованная в 1922 году в Оренбургскую казачью дальневосточную станицу – первое казачье объединение в Маньчжурии (атаман – есаул А.Я. Арапов). В 1924 году в Харбине была образована Оренбургская имени атамана А.И. Дутова станица (атаман – генерал-майор В.В. Кручинин). В 1927 году обе станицы объединились в одну. Оренбургские казаки в 1923 году вошли в состав Восточно-Казачьего союза с центром в Харбине (председатель правления – оренбургский казак, полковник Г.В. Енборисов). Наиболее благоприятным периодом существования оренбургской казачьей эмиграции на Дальнем Востоке были 1930-е годы, когда казаки уже сумели адаптироваться к новым условиям существования, активизировали исследовательскую и просветительскую работу. В этот период в Харбине выходили однодневные газеты и сборники «Оренбургский казак».

В общей сложности в эмиграции оказалось около 1500 офицеров – участников антибольшевистского движения оренбургского казачества (не только казачьих офицеров). В 1930-х годах в составе Союза казаков на Дальнем Востоке числилось 109 офицеров-оренбуржцев, проживавших в Маньчжурии [6, с.181]. Сколько из них было природными казаками, сейчас сказать трудно. В годы Второй мировой войны часть оренбургских казаков, включая генерала Акулинина, поддержала Германию в борьбе с СССР. Со вступлением советских войск в 1945 году в Маньчжурию основные центры антибольшевистского движения оренбургского казачества были ликвидированы, часть казаков бежала на Филиппины, в Австралию, США.

Судьбы казачьих офицеров, оставшихся в Советской России или возвратившихся в СССР из эмиграции сложились подчас не менее трагично, в сравнении с судьбами тех, кто был вынужден навсегда покинуть родину. Практически все они были уничтожены в период репрессий 1930-х годов.

Библиографический список

1. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 40215.
2. Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена в Российской Империи. Л., 1991.
3. Оренбургский казачий вестник. 1918. № 43. 24.08. С. 6.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5872. Оп. 1. Д. 214.
5. Часовой. 1939. № 228-229. 01.02. С. 3.
6. Справочник-список руководящего и рядового состава – членов белогвардейского «Союза казаков на Дальнем Востоке», находившегося на территории Маньчжурии. Хабаровск, 1950.

В.Б. Романова

Самарский национальный исследовательский университет

СТРАТИФИКАЦИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ «ПЕРВОЙ ВОЛНЫ» В ПАРИЖЕ

Русская эмиграция – это феномен в истории. Покинувшие Россию из-за несогласия с политикой новой власти составляли Русское Зарубежье. Предстоит выяснить, как и почему они стали не просто группой людей, спасающихся от политических репрессий, а именно сообществом, «обществом в изгнании». Также нужно рассмотреть, почему именно Париж стал негласной «столицей» русской эмиграции и как складывалась жизнь эмигрантов в этом городе.

Основной поток русских эмигрантов сформировался в годы Гражданской войны и сразу после нее. Многие думали, что покидают родину временно: «Мы, русские, не верили тогда, что изгнание затянется надолго, самое большое это несколько месяцев, а там большевиков свергнут, и мы вернемся домой» – отмечала великая княгиня Мария Павловна. [2, с. 352]. Поэтому исходя из этой уверенности брали с собой только самое необходимое: «Покидая Россию, беженцы чаще всего не уносят с собой ничего, кроме родной земли на подошвах своих башмаков» [4, с. 57].

Стоит сказать, что для большинства беженцев решение об отъезде из России было спонтанным: «Вопрос об эвакуации – а для многих, в сущности, вопрос жизни и смерти – решался в последние дни, иногда в последние минуты. К тому же для многих русских, воспитанных в высших по-

нятиях чести и достоинства, представлялась унижительной сама идея бегства с собственной родины» [3, с. 30-31].

Благодаря фильмам и литературе укоренился определенный стереотип русского эмигранта: «это бывший богатый аристократ, вынужденный добывать пропитание, работая водителем такси, официантом или швейцаром ночного клуба» [6, с. 40]. Это имеет мало общего с реальностью. Разумеется, что князей и графов там было достаточно, но это лишь верхушка эмиграции. Довольно большой процент составляла интеллигенция и городская буржуазия. Крестьяне также в лице казаков были представлены в эмиграции. В Русском Зарубежье был, несомненно, выше, чем в России уровень образованности: 2/3 взрослых эмигрантов имели среднее образование, почти все – начальное, а каждый седьмой университетский диплом [6, с. 41].

Решение «перезаждать бурю» по мере укрепления в России советской власти превращалось в отчаяние и невозможность вернуться на родину. Мало-помалу многие эмигранты перекочевывали в Париж. Этому способствовал ряд факторов. Во-первых, культурный: «Здесь им было легче выжить благодаря традициям и структурам, которые они унаследовали от своих соотечественников, квартировавших в этих местах в XIX в. и в самом начале XX в.» [4, с. 7]. Во-вторых, политический: «Посольство прежней России в Париже утрачивает свои дипломатические полномочия, но становится сердцем этого нового государства, а бывший посол – кадет Василий Маклаков играет неизменно важную роль в общественной, культурной и политической жизни русского общества» [4, с. 40]. К тому же большинство благотворительных организаций находилось в Париже. Париж вселял успокоение в душу эмигранта: «здесь было с кем посудачить о пережитом, было кому поплакаться об утратах, было, куда обратиться за советом, было, наконец, где при крайности получить кусок хлеба и миску благотворительной похлебки. Было где поставить свечу...» [3, с. 203]. «Жизнь русской эмиграции, во всяком случае, во Франции, в этот период стала напоминать жизнь сжавшейся до крошечных размеров России. Это была как бы уменьшенная копия бывшей Российской империи» [3, с. 42].

Русский эмигрант вел в Париже интересную и насыщенную событиями жизнь. Русские разбредались по различным «салонам», кружкам, просто ходили в гости к друзьям. Для литераторов местом притяжения стал кружок «Зеленая лампа» З.Гиппиус и Д.Мережковского. По воскресеньям литераторы собирались на квартире у Гиппиус и Мережковского и обсуждали различные вопросы, «чаще всего под свойственным Мережковскому «метафизическим углом зрения» [5, с. 64]. Кружок посещали В. Ф. Ходасевич, Н. Берберова, Теффи, Бердяев, А. Ф. Керенский. Он просуществовал практически до Второй мировой войны.

Эмиграция выплескивала свои размышления о своем будущем и о России в многочисленных журналах и газетах. Выходили еженедельно две крупные газеты «Последние новости» и «Возрождение», издавались «толстые»

журналы: «Современные записки», «Иллюстрированная Россия», «Числа». В 1925 г. зарегистрировано 364 периодических издания на русском языке [3, с. 260]. Но много на издательском деле не заработаешь. Приходилось овладевать профессией и искать работу. Многие эмигранты шли работать на заводы «Ситроен» и «Рено». Особой статьей заработка эмигрантов было такси. Вопреки распространенному мифу о том, что за рулем такси можно встретить русских князей, на такси работали в основном молодые русские офицеры и солдаты Добровольческой армии. Также трудились у руля врачи, адвокаты, прокуроры. Устроиться работать в службу такси было чрезвычайно трудно, но русские шоферы благодаря своим знаниям, хорошим манерам и воспитанию очень импонировали французским хозяевам гаражей, а так же их клиентам [4, с. 186-188].

Женская часть эмиграции тоже помогала. Женщины пошли в сферу моды. Эмигрантки обладали двумя главными качествами для работы в модной индустрии: умели работать с тканью, шить, вышивать и природной грацией, умением подать себя. Те, кто постарше, работали портнихами, а молодые девушки шли в манекенщицы. «Таким образом, мамы шили, а девушки показывали моду» [1, с. 207]. Наиболее удачливые и предприимчивые открывали в Париже свои дома моды. «Ирфе» был открыт супругами Ф. и И. Юсуповыми в 1924 г. Для «Шанель» работал дом вышивки «Китмир», созданный великой княгиней Марией Павловной.

Таким образом, изгнанникам приходилось туго и на чужбине, но они смогли стать в полном смысле обществом со своими идеалами. Этому способствовали два фактора: в эмиграции были представлены практически все слои дореволюционного общества, хотя в несколько измененных пропорциях; само общество стремилось жить русской жизнью и очень неохотно ассимилировалось в культуру страны-хозяйки. Русский мог жить в Париже абсолютно русской жизнью: «Здесь возник и просуществовал до самого начала второй мировой войны целостный русский мир, сохранивший русский быт, характер и культуру» [3, с. 209]. Эмигрант мог чувствовать себя в России, находясь слишком далеко от нее.

Библиографический список

1. Васильев А.А. Судьбы моды. М., 2016.
2. Великая княгиня Мария Павловна. Мемуары. М., 2015.
3. Костиков В.В. Не будем проклинать изгнанье... М., 1990.
4. Менегальдо Е. русские в Париже. 1919-1939. М., 2001.
5. Одоевцева И. На берегах Сены. СПб., 2017.
6. Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919-1939. М., 1994.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В Г. КУЙБЫШЕВЕ В 1941–1945 гг.

В условиях Великой Отечественной войны народнохозяйственные интересы страны имели не только социально-экономическое, но и оборонное значение. Поэтому одним из значимых направлений деятельности правоохранительных органов в рассматриваемый период являлось противодействие хозяйственным преступлениям. На основе рассекреченных документов Центрального государственного архива Самарской области, местной периодической печати и опубликованных нормативно-правовых актов мы попытались классифицировать хозяйственные преступления в г. Куйбышеве и определить их уровень в 1941-1945 гг.

Были выявлены такие виды хозяйственных преступлений как спекуляция, растрата денежных средств, хищения материальных ценностей, а также нарушение правил торговой деятельности [4, с.79], [3, с. 346; 4, с. 79-80, 86].

Наиболее распространенной являлась спекуляция. На наш взгляд, она не являлась характерным видом преступления военного времени, так как встречалась и до начала и после окончания войны [1, с. 4]. Однако с середины 1941 г. случаи спекулятивных действий куйбышевцев участились: за 8 месяцев войны зарегистрировано 472 инцидента [11, л. 254]. В основном это были мелкие рыночные спекуляции продуктами питания и продовольственными товарами первой необходимости. В течение одного дня работы на рынках города сотрудники милиции обычно регистрировали более 100 случаев незаконного товарообмена [11, л. 376].

Наибольшее распространение спекуляция получила в 1942 г. Только за январь этого года было заведено 89 уголовных дел, по которым привлекли к ответственности 103 человека [11, л. 204]. Постановлением Верховного Суда СССР в декабре 1942 г. был расширен состав спекуляции. Теперь к этому виду преступления отнесли продажу махорки и самогона в больших количествах [2, с.10]. В Куйбышеве наряду с хлебной продукцией были распространены незаконные продажи именно этих товаров [5, л. 202; 7, л. 68-69].

Анализ статистических данных и специальных сообщений прокуратур города свидетельствует о снижении уровня спекуляции со второй половины 1943 г. и до конца 1945 г. [12, л. 76, 138]. Исчезает этот вид хозяйственных преступлений и со страниц местной периодики.

Другими видами хозяйственных преступлений являлись хищения и растраты. Обвиняемых судили по действующему уголовному кодексу, а также к ним применяли закон от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества

государственных предприятий, колхозов и кооперативов и укреплении общественной собственности», больше известный как закон о «трех колосках» [3, с. 346]. С началом военных действий возросло количество хищений продуктов питания, и, прежде всего, хлеба. Так, во втором полугодии 1941 г. привлекли к ответственности 951 человек, а за 5 месяцев 1942 г. – 1049 человек, т.е. на 10,3% больше по сравнению с первым военным годом [7, л. 54].

Вопиющим примером расхищения материальных ценностей в городе Куйбышеве являлось преступление, длившееся на протяжении сентября 1941 г. – апреля 1942 г. на авиационном заводе № 1. Группа рабочих завода совместно с торговыми работниками в количестве 32 человек, расхищали, а затем продавали ценные для военного производства материалы (дюралюминий, олово, электрошнуры, победит) и даже авиаприборы. В результате преступного сговора начальника отдела снабжения, двух техников и старшего вахтера охраны ВОХР, в сентябре 1941 г. с территории завода на грузовой машине вывезли 3 тюка авиационного полотна и 200 катушек ядерных ниток, которые затем зарыли под полом дома упомянутого вахтера. Украденные материалы обменяли на муку через знакомых продавцов, которые получали ее путем обвешивания горожан и подделки продуктовых карточек. Ущерб государству по итогам следствия составил более 200 тыс. руб. [5, л. 98-102]. Данный пример интересен тем, что к хищениям и растратам были причастны не только простые рабочие, будь то грузчики, охранники, продавцы [8, л. 43-44; 10, л.1-2], но и ответственные работники важнейших отраслей народного хозяйства.

В отличие от спекуляции, уровень хищений и растрат в Куйбышеве оставался высоким на протяжении всей войны. Приказ главного прокурора области от 1943 г. предписывал усилить борьбу с растратами, хищениями и недостачами [9, л. 11]. Указывалось, что только в подразделениях УОС НКВД за 1943 г. выявлено 8456 случаев хозяйственных преступлений, суммарный ущерб государству от которых оценивался в 1 млн. 141 тыс. руб. [9, л. 12-17].

В условиях Великой Отечественной войны борьба с хозяйственными преступлениями стала одной из важнейших задач, поставленных перед правоохранительными органами города Куйбышева [6, л. 134], от решения которой зависело материальное обеспечение, как фронта, так и тыла, а также сохранение правопорядка в крупном областном центре.

Библиографический список

1. Волжская Коммуна. 1938. 8 декабря.
2. Голякова И.Т. Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР (1942 г.). М.: Юридическое изд-во НКЮ СССР, 1947. 310 с.
3. Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 года «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении социалистической собственности» // Собрание Законов СССР. 1932. № 61. 370 с.

4. Уголовный кодекс РСФСР. М.: Госиздат юридической литературы, 1950. 256 с.
5. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф-Р. 2558. Оп. 6«с». Д. 96.
6. ЦГАСО. Ф-Р. 2596. Оп. 1. Д. 64.
7. ЦГАСО. Ф-Р. 2972. Оп. 2. Д. 29.
8. ЦГАСО. Ф-Р. 3266. Оп. 1. Д. 133.
9. ЦГАСО. Ф-Р. 2596. Оп. 1. Д. 1993.
10. ЦГАСО. Ф-Р. 4958. Оп. 4. Д. 234.
11. ЦГАСО. Ф-Р. 2558. Оп. 6«с». Д. 95.
12. ЦГАСО. Ф-Р. 2558. Оп. 6«с». Д. 167.

А.И. Елисеев

Самарский национальный исследовательский университет

ПАРТИЙНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А.А. РОСОВСКОГО

Алексей Андреевич Росовский являлся выдающимся административным и общественным деятелем Самарской (Куйбышевской) области. Сформировать представления о политическом портрете Росовского было бы невозможно без рассмотрения его партийной деятельности.

Говоря о современной историографии по исследуемой теме, следует обратить внимание на историко-биографические исследования, в которых описывается жизнь и деятельность различных представителей местной политической элиты [1], [4]. Статья написана также на основе работ, в которых освещаются общие вопросы функционирования региональных элит [2] и деятельности местных партийных организаций [3]. Но в историографии, как правило, уделено внимание деятельности региональных партийных органов, и фрагментарно описывается партийная деятельность А.А. Росовского.

К источникам по данной теме, в первую очередь, мы можем отнести мемуары самого Росовского А.А. [5]. В свои воспоминаниях Росовский не просто описывает вехи своей биографии, а на фоне истории Куйбышевской области. Важным источником является делопроизводственная документация, хранящаяся в Самарском областном государственном архиве социально-политической истории (СОГАСПИ) [6], [7], [8]. Таким образом, источниковая база позволяет рассмотреть выбранную тему.

Еще до прибытия в Куйбышев в 1938 году Росовский вступил в ВЛКСМ, в котором он состоял до 1944 года [6, с. 7]. В 1946 году его приняли в коммунистическую партию. В протоколе заседания бюро Кировского райкома ВКП(б) г. по вопросу приема в партию Росовского констатируется: «На заводе №1 работает с 1941 г., в качестве руководителя группы. В об-

щественной жизни принимает участие – агитатор, член совета ДСО. Принять в члены ВКП (б) Росовского А.А. Партстаж считать с 11 января 1946 г.» [7, с. 68].

В 1951 году партийная организация завода избрала 28-летнего специалиста заместителем секретаря парткома по агитации и пропаганде [4, с. 164]. Эту должность можно считать первой ступенью восхождения А.А. Росовского по партийной «лестнице». Так в характеристике, подписанной секретарем обкома партии М. Ефремовым, отмечается, что за время работы на заводе им. Сталина Росовский проявил себя, как растущий работник и умелый организатор. С порученной ему работой справлялся. Повышал свой идейно-политический уровень. В этой связи Куйбышевский обком рекомендовал Росовского А.А. для утверждения в должности парторга ЦК КПСС на заводе им. Сталина [6, с. 29]. В 1952 году Росовский был утвержден в должности парторга на родном предприятии. Отметим, что согласно воспоминаниям Росовского он никогда не ставил своей целью занятие той или иной должности, его выбирали или назначали за профессиональные и личностные качества.

Более 4-х лет Росовский возглавлял партийную организацию завода им. Сталина. Он всегда стремился вникать в суть проблем и не боялся жестко критиковать руководителей как на заводе, так и в городе. В характеристиках, выданных Росовскому, даны высокие оценки его профессиональных и личностных качеств. Райком, горком и обком партии поддержали его дальнейшее продвижение по партийной линии. В 1956 году он был назначен на должность первого секретаря Кировского райкома КПСС [4, с. 164]. Пребывание на первой властной работе было своего рода экзаменом, в ходе которого Росовский проходил проверку на лояльность режиму, на соответствие определенным требованиям, на понимание «правил игры» аппарата и т. д. [2, с. 199].

Позднее Алексей Андреевич вспоминал: «От ежедневных забот о выполнении плана производства самолетов пришлось окунуться в решение множества вопросов районной жизни, свалившихся на меня «как снег на голову». Среди них не было ни мелких, ни второстепенных» [5, с. 56]. Районные комитеты занимали важное место в структурах местного управления. Они наряду с районным советом депутатов трудящихся занимались решением вопросов экономического и культурно-политического развития город. Историки А.Д. Напалков и А.Ф. Сметанин отмечают, что в районах главной властной структурой были именно районные комитеты партии. Хотя в стратегическом плане и Советы, и органы партии были едины [3, с. 22-23].

Во время работы на посту секретаря Кировского райкома Росовский параллельно учился в Заочной высшей партийной школе при ЦК КПСС. Такая подготовка имела свое значение, поскольку повышала статус партийного работника [2, с. 179].

Четыре года работы прошли столь успешно, что в 1960 году Росовского выдвинули на пост второго секретаря Куйбышевского горкома партии, в обязанности которого входило курирование всей промышленности города, строительства и транспорта [4, с. 164]. К 1962 году относится инцидент, который был связан со строительством Дворца культуры на площади им. Кирова. В своих воспоминаниях Росовский писал, что на одном из оперативных совещаний по строительству дворца говорилось о том, что здание Дворца Культуры на площади им. Кирова выглядит как-то убого и совсем не похоже на дворец. В связи с этим было принято решение «облагородить» здание, приблизив его архитектурный облик к классическим образцам зданий подобного назначения [5, с. 45]. Всю ответственность Росовский взял на себя. Позднее за это решение он подвергся критике и 12 июня 1962 года секретариат ЦК КПСС объявил А.А. Росовскому выговор [8, с. 1]. Но вскоре, 6 июля 1963 года данное партвызыскание с Росовского было снято [6, с. 48].

В январе 1963 года Росовский стал заведующим отделом партийных органов Куйбышевского промышленного обкома КПСС. Он находился на этом посту вплоть до отставки Н.С. Хрущева, после чего было упразднено деление областных комитетов партии на сельские и промышленные обкомы [1].

Таким образом, работа в райкоме, горкоме, и обкоме наделила Росовского опытом работы в политических органах управления, которые занимались широким кругом вопросов. Кроме этого, это позволило ему вникнуть в суть проблем города и принять участие в их решении. Данный опыт способствовал в его дальнейшей административной деятельности.

Библиографический список

1. Ерофеев В. В. Росовский Алексей Андреевич, руководитель г. Куйбышева, переживший 5 секретарей обкома КПСС // <http://samaratoday.ru/news/252247> (режим доступа 27.11. 2016)
2. Мохов В.П. Региональная политическая элита (1945-1991 гг.). Пермь, 2003.
3. Напалков А.Д., Сметанин А.Д. Место и роль КПСС в советской политической системе (1918-1991) (на материалах Коми областной коммунистической организации). Сыктывкар, 2011.
4. Почетные граждане города Самары XIX-XX веков: Биографический справочник. Самара, 2008.
5. Росовский А. А. О времени и о себе. Самара, 2006.
6. Самарский государственный архив Самарской области (СОГАСПИ). Ф. 656. Оп. 188. Д.36.
7. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 120. Д. 367.
8. СОГАСПИ. Ф. 8755. Оп. 5. Д. 380.

СЕКЦИЯ III.
**ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ,
ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ, ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ
И ОРГАНИЗАЦИЙ. IX – НАЧАЛО XX В.**

Я.В. Моргунов

Самарский национальный исследовательский университет

**СОХРАНЕНИЕ И ПОДДЕРЖАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ НА ПРИМЕРЕ
ПРАЗДНОВАНИЯ ЮБИЛЕЯ ВОЙНЫ 1812 ГОДА**

Не так давно Россия отмечала двухсотлетие Отечественной войны 1812 года, которая оставила свой отпечаток в судьбах многих тысяч подданных Российской империи. До начала XX в. это было крупнейшим военным столкновением в мире. Не удивителен тот факт, что Отечественная война 1812 года повлияла на развитие не только истории нашей страны, но и на ее культуру.

Отголоски этого эпохального события начала XIX века не затерялись в круговороте событий последующих десятилетий и даже столетий. Чего стоит грандиозное празднование столетия Бородинской битвы по всей России.

Полагаем, что война 1812 года, была тем ключевым событием для Российской Империи, которое вслед за Пьером Нора можно назвать «местом памяти» [1]. Исследование сохранения памяти о победе в Отечественной войне интересно, главным образом, тем, что на этом примере наглядно можно проследить политику дореволюционного российского правительства по поддержанию официальной идеологии средствами «героизированной истории», если уместно так выразиться. «Место памяти» — это, прежде всего, единство духовного и материального, которое со временем и непосредственно по воле людей стало символическим наследием национальной памяти социума. Его главная функция — сохранение памяти целой группы людей.

Естественно, за XIX век было возведено немало памятников архитектуры в честь событий 1812 года. Достаточно напомнить хотя бы Храм Христа Спасителя в Москве [2, с. 243–244]. В живописи и литературе эти тревожные события были также отражены надлежащим образом. Уместно назвать

галерею героев войны 1812 года в Зимнем дворце или роман «Война и мир» Л.Н. Толстого.

В начале XX в. столетие Отечественной войны в целом и Бородинской битвы в частности представлялось очень удобным поводом для консолидации общества после неудачной Русско-японской войны 1904-1905 гг. и Революции 1905-1907 гг. Решение о праздновании юбилея столь эпохального события, как изгнание захватчика из земель русских, даже не обсуждалось. Да и как можно было бы просто забыть победу в Отечественной войне 1812 года, если ее современникам она казалась нерукотворной, примером небесной благодати, ниспосланной России. Не удивительно, что большинство памятников носят религиозный характер. Хотя, стоит отметить и тот факт, что монументов, не имеющих религиозного подтекста, имелось тоже достаточное количество [3].

Торжества по случаю столетнего юбилея победы в Отечественной войне 1812 года отличались большим размахом. Празднования проходили повсеместно на территории всей страны.

Центром торжеств стало Бородинское поле. Туда прибыла императорская фамилия, а также непосредственные очевидцы и участники тех боевых действий. К юбилею была изготовлена и памятная медаль, вручавшаяся участникам праздничных мероприятий. Ей награждались все воинский чины тех военных формирований, которые были задействованы в сражениях 1812 года.

Существенным отличием в проведении торжеств между столицами и провинциальными городами было степень воздействия и вовлеченности непосредственно в них молодежи. В Москве и Санкт-Петербурге большее внимание отводилось военным, научным, дипломатическим и придворным мероприятиям.

В провинциальных городах Российской Империи, таких как Самара, Пенза, Чебоксары, празднование проводилось немного иначе. Ответственность на организации торжеств лежала, прежде всего, на образовательных учреждениях городов. Здесь заметнее была направленность, по замыслу властей, на привлечение молодежи к патриотическим мероприятиям, чему должно было послужить ее массовое участие в юбилейных торжествах [4, с. 57].

Для подготовки празднования в различных частях страны были созданы специальные комиссии из представителей административных, земских и городских учреждений, церкви и благотворительных организаций. [5, с. 23]. Мероприятия, входившие в программу торжеств, можно разделить на несколько групп: «духовно-религиозного и военно-патриотического воспитания, официально-государственного и мемориального назначения, просветительской и культурно-художественной деятельности» [6, с. 69].

Большое внимание было уделено духовно-религиозной составляющей праздника. Учащимся было рекомендовано посещать церковные службы в храмах при их учебных заведениях.

Главным событием официально-государственной части 26 августа должен был стать торжественный акт. Его открывала речь руководителя учебного заведения, учителя истории или другого лица из педагогического персонала, посвященная разъяснения значения Отечественной войны [7, с. 98].

К просветительской части торжества относится закупка книг для учебных заведений, относящихся к событиям 1812 года, а так же раздача их учащимся. Так, в Самаре, для этих целей была закуплена книга Н.П. Дучинского «Император Александр I; его жизнь и царствование».

Это было одно из последних крупных торжеств Российской Империи. Уже через 2 года, мир окажется в пламени невиданной до тех пор войны – войны мировой. После нее многое изменится до неузнаваемости. Рухнут четыре империи, а Россию охватит гражданская война, жестокая и кровопролитная.

Библиографический список

1. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память. Санкт-Петербург, 1999. С. 17-50.

2. Смирнов Ю.Н. Победа в войнах с Наполеоном в мемориальной топографии двух столиц России // Городская культура и город в культуре. Материалы Всероссийской научно-практической конференции: в 3 ч. Самара: СГАКИ, 2012. Ч. 1. С. 239-248.

3. Смирнов Ю.Н. Особенности культурно-исторических комплексов как пространств памяти об Отечественной войне 1812 года: Петербург, Москва, Бородино // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 1(14). С. 165-170.

4. Захарова М.Е., Захарова И.И. Воспитательный аспект празднования 100-летия победы над Наполеоном (на примере Пензенской губернии) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т.16. № 3. С. 56–60.

5. Дмитриева О.О., Иванова Т.Н. Празднование 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года как пример реализации коммеморативных практик // Вестник Чувашского университета. 2014. № 4. С. 21–26.

6. Артамонова Л.М. «Общенародное торжество» 1912 года и провинциальная школа (по материалам Самары) // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы. Материалы II Всероссийской науч.-практ. конф. Нижневартовск, 2013. С. 69-72.

7. Артамонова Л.М. Придать предстоящему юбилею характер общенародного торжества: столетие Отечественной войны 1812 года в Самарском учительском институте // Самарский земский сборник. 2012. № 1. С. 96–104.

«ОБРАЗ СОЮЗНИКА» В РОССИЙСКОЙ ПРЕССЕ ПЕРИОДА РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877-1878 ГГ.

Мифологизация представлений о мире в массовом сознании, проявляющаяся в том числе по отношению к союзнику, весьма ярко воплотилась в годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Российские публицисты и журналисты проявили большой интерес и сочувствие к судьбам балканских народов, исходя из «искренних, братских чувств и давних дружеских связей» [10, с. 197-198]. Еще до начала войны «болгарские ужасы» вызвали волну возмущения; на страницах газет и журналов различных направлений в самых ярких красках описываются зверства турок против славян, содержится призыв к оказанию помощи балканским народам, которые «дерутся, как львы, бьют турок повсюду» и ведут неравную борьбу с турками «с замечательным умением, энергией и мужеством» [3, с. 368-369].

С началом войны в прессе стали появляться многочисленные этнографические очерки. А.Н. Пыпин в одной из статей анализирует впечатления немца, который много лет жил в восточной Болгарии и вынес самое благоприятное впечатление относительно болгарского народа: нигде не видал он «таких добрых, хороших людей, с такими скромными честными нравами» [8, с. 703]. Повсеместно отмечаются и боевые качества повстанцев, затеявших борьбу против османского национального гнета на Балканах: «Дай Бог всем так драться, молодцы: первый раз попали они в жаркое дело, а шли вперед точно старые солдаты, как львы бросались в бой, за то и легло их столько, половины не осталось в строю» [11, с. 748].

Звучало, однако, и немало опасений относительно отношения балканского населения к России и перспектив освобождения угнетенных народов. И.С. Аксаков неоднократно упрекал политическую элиту Сербии и Болгарии в том, что, установив союзнические отношения с западными странами, они предают славянскую идею, будущее славянского мира. Весьма любопытны размышления Ф.М. Достоевского: «Не будет у России, и никогда еще не было таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными!...» [5]. Интересно, что и в либеральном «Вестнике Европы» мы можем видеть мысль, несколько перефразирующуюся с таким мнением: «...и в материальном развитии, и в образованности нас могут пересилить в среде болгар влияния других народов... Факт единоплеменности и единоверия дает нам впредь большое преимущество; но, — увы, — его можно потерять» [4, с. 285].

В ходе войны неизбежно происходило переосмысление восприятия славян, к которому во многом привели заметки непосредственных участников

боевых действий – первых российских военных корреспондентов. Так, если перед войной был сформирован образ бедного, разоренного болгарина, который находится под тяжким турецким гнетом, то в реальности благосостояние сельского населения вызвало удивление очевидцев: «Простодушные корреспонденты... изумились, увидев, что „угнетенный“ болгарин жил так, что ему очень мог бы позавидовать не только бедный русский крестьянин, но и западный... Мелькала мысль, нуждаются ли болгары в освобождении?» [9, с. 886–887]. Как отмечал В.В. Верещагин: «Невольно явилась и стала высказываться мысль, что мы напрасно “кроем чужую крышу, когда своя хата течет”» [2, с. 126].

Сомнениям начинают подвергаться и боевые качества балканских народов, и их дружественное отношение к русским: «братья-славяне» зачастую превращались в восприятии русских в недисциплинированных воинов, плохих борцов за свою же собственную свободу. Серьезной критике подвергались, в частности, разведывательные услуги болгар [1, с. 353-354; 12, с. 157]. Большое недовольство у корреспондентов вызывало намеренное повышение румынами цен на продовольствие, перевозку, переправу [6, с. 235; 7, с. 4].

Несмотря на разногласия на страницах газет и журналов, не вызывает сомнений массовость и искренность движения в поддержку славянских народов. Однако первоначальные установки претерпели ряд изменений в ходе войны. Несмотря на сохранение в целом позитивного восприятия местного славянского населения, выступавшего «естественным союзником» России, корреспондентами, писавшими свои заметки с театра боевых действий, были отмечены в том числе и негативные или не соответствующие первоначальным ожиданиям черты балканских народов.

Библиографический список

1. Боткин С.П. Письма С.П. Боткина из Болгарии 1877 г. СПб., 1893.
2. Верещагин В.В. На войне: Воспоминания о русско-турецкой войне 1877 года. М., 1902.
3. Воевать или не воевать? // Отечественные записки. 1876. №5.
4. Давность славянской идеи в русском обществе // Вестник Европы. №5. 1878.
5. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1877 год // [Электронный ресурс] – <http://croquis.ru/2216.html>
6. Крестовский В. Двадцать месяцев в действующей армии (1877-1878). Письма в редакцию газеты «Правительственный вестник». СПб., 1879. Т. 1.
7. Немирович-Данченко В.И. Год войны: Дневник русского корреспондента 1877-1878. СПб., 1878. Т.1.
8. Пыпин А. Н. Болгария и болгары перед войной: Литературные очерки. Нравы и порядки управления // Вестник Европы. 1878. № 3.
9. Пыпин А.Н. Наша печать и болгарские дела // Вестник Европы, 1877. № 10.

10. Улуныя А.А. Апрельское восстание 1876 г. в Болгарии и Россия (очерки). М., 1978.

11. Утин Е.И. Болгария во время войны. Заметки и воспоминания. Тяжелые дни: Эски-Загра и наше отступление // Вестник Европы. №4. 1878.

12. Шаховской Л. В. С театра войны (1877–78). Два похода за Балканы. М., 1878.

Н.С. Кучер

Московский государственный университет

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛАВЯНСКИХ КОМИТЕТОВ В РОССИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОГО ВОСТОЧНОГО КРИЗИСА 1875-1878 ГГ.

Восточный кризис 70-х гг. XIX века стал одним из важнейших международных событий в Европе во второй половине века. Он был вызван, с одной стороны, усилением процесса внутреннего разложения Османской империи, с другой, усилением национально-освободительной борьбы балканских народов, а также обострением противоречий между великими державами в отношении их политического и экономического влияния на Балканах.

Восточный кризис начался летом 1875 года восстанием в Боснии и Герцеговине, затем повлек в 1876 году войну Сербии и Черногории с Турцией, а потом и русско-турецкую войну 1877-1878 гг. Славяне во время национально-освободительной борьбы испытывали большие трудности. Россия организовала для них три вида помощи: материальная, отправка солдат и офицеров на Балканы и организация медицинской помощи. Наиболее подробно мы остановимся на организации материальной помощи славянам.

Цетинский благотворительный комитет неоднократно обращался к России за помощью [2, с. 37]. Главными «жертвователями» в пользу славян были газеты и славянские комитеты в Москве и Петербурге, которые поначалу организовывали поставки в основном хлеба и сухарей [2, с. 162-163], а впоследствии с разрешения императора Александра II начали собирать денежные пожертвования. С целью сбора средств устраивались благотворительные концерты, спектакли и лекции, издавались книги, брошюры, альбомы [1, с. 144]. Начальника III отделения с. е. и. в. канцелярии Н. В. Мезенцов отмечает, что главное – чтобы действия славянских комитетов не выходили за рамки простой благотворительности и не ушли в рамки политики, т.к. официально действует принцип невмешательства третьих государств в конфликт Османской империи со своими христианами [2, с. 151].

Председатель Московского славянского комитета И. С. Аксаков сравнивает Россию с ивановским тяжелым колоколом – долго раскачивать, но,

если раскатать, то загудит так, что нескоро унять. В Москве во всех церквях было прочитано воззвание митрополита сербского. Это воззвание вместе с возванием митрополита черногорского и возванием славянского комитета отпечатано и разослано по всей России. Священники в церквях были призваны рассказывать прихожанам о том, кто такие славяне и почему они нуждаются в помощи. Действовал и Московский дамский славянский комитет, в основном занимающийся сбором вещей [2, с. 154].

В ноябре 1875 разрешение от обер-прокурора св. Синода Д. А. Толстого для сбора средств в церквях было получено председателем Петербургского славянского комитета И. П. Корниловым [3, с. 78]. 28 июня 1876 в «Московских епархиальных ведомостях» опубликовано воззвание Московского славянского комитета к русскому обществу о сборе пожертвований в пользу славян Балканского полуострова: «Начинается страшная, кровавая, последняя борьба славянства с исламом. Для славян эта борьба на жизнь и смерть, они решили добиться независимости или погибнуть. Нет у них ни оружия в достатке, ни денег, некогда возделывать поля, ни призирать жен и детей, оставшихся без крова и пищи» [3, с. 124].

Кроме настроений всеобщего сочувствия, деятельность славянских комитетов и церкви по сбору помощи славянам вызывала и негативные эмоции. В частности, правительство было недовольно тем, что русские офицеры просят отпуска, чтобы поехать на Балканы [1, с. 317] или и вовсе уходят в отставку. В письме министра внутренних дел Милютина прямо говорится о нежелательности увольнения офицеров в отставку. Не только не поощрять офицеров и даже предостерегать их от этого [3, с. 366]. А 18 сентября 1876 и вовсе было издано запрещение офицерам уходить в отставку [1, с. 413]. Комитеты проводили усиленную агитацию, порой заходя в запретную для них политическую плоскость [1, с. 140].

Деятельность славянских комитетов и вообще кампания по сбору помощи иногда вызывала неблагоприятные впечатления и у русского общества. Из записки III отделения о стремлениях в русском обществе к ограничению помощи населению Герцеговины узнаем, что в обществе открыто поговаривают о чересчур сильных симпатиях России к герцеговинскому восстанию в сравнении с остальными европейскими государствами, даже заставляющих забывать собственные нужды [1, с. 152]. Показателен случай, когда в городе Ахтырке местный исправник не дал поставить кружку для сбора пожертвований в пользу южных славян [1, с. 280]. К 1876 году стало ясно, что запросы растут, а пожертвования иссякают, потому кампания по сбору помощи начинает идти на спад [1, с. 477].

В общем и целом, подъем общественной деятельности по оказанию помощи национально-освободительному движению южных славян действительно был огромным и потрясающим. Во многом это происходило благодаря пропагандистской деятельности церкви и периодической печати. Средства шли большим потоком, а способы оказания помощи были самыми

разными. Однако всему есть предел, и в какой-то момент организация помощи славянам столкнулась с разного рода трудностями — от ограничительных мер правительства до нарастания общественного недовольства.

Библиографический список

1. Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 1. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953.
2. Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875-1878. Документы.- М.: Индрик, 2008.
3. Россия и национально-освободительная борьба на Балканах. 1875-1878. М.: Наука, 1978.

А.А. Андросова

Самарский национальный исследовательский университет

СЕКРЕТ «СЕРЕДИННОГО МИРА» САМАРЫ ПО КАРТИНКЕ ДАГЕРРОТИПА

Период о котором пойдет речь вторая половина 19 — начало 20 века. Его воспринимают как мирную эпоху, вероятно потому что с ее уходом начнется совсем уж тревожное время. Часто современниками этот периода даже оценивается как скучный: без полета, без героики, без внешних признаков драмы.

Но за фасадом самодовольной стабильности, как отмечает Венедиктова в своей статье «Секрет серединного мира...» развивался, набирая темп, процесс внутренних преобразований. Не случайно так легко приклеивались к этому, на первый взгляд, малоподвижному времени этикетки — «век перемен», «век перехода». «Знаки времени» уже не стоят перед глазами, а скользят, мелькают, мельтешат. В контексте бурно развивающейся индустриальной революции немислимое вчера становится сенсацией сегодня, завтра — привычкой, как марка на почтовом конверте, или пароходное сообщение через океан, или фотография, телеграф, телефон, газовое, а затем электрическое освещение. Способность искусства «остановить мгновение», оформить, подчинить себе поток опыта остро и по-новому востребована в обществе.

Одно из важнейших в культурном отношении изобретений прошлого века — фотография. Современниками она была воспринята поначалу как апофеоз «нового» видения, научно-рационального и беспримесно объективного. «Пластика дагерротипа бесконечно точнее живописного полотна, — восхищается Э.А. По. — Обычное произведение искусства, рассмотренное под сильным микроскопом, утрачивает всякое сходство с природой, — но даже самое пристальное взглядывание в фотографическое изображение выявит нам лишь тем более абсолютную правдивость, тем более совершенное соответствие образа представленному явлению». Константин

Павлович Головкин, самарский купец, покупает себе автомобиль, чтобы иметь возможность выезжать на нем за город и писать этюды, однако уже очень скоро он отказывается от этой идеи и обращается к фотографии, понимая что так он успеет «захватить» тот момент на Волге, который «ускользает» от его кисти. Позже, придя домой в свой кабинет, он пишет этюды с фото.

Безусловно, самарцы «не поспевали», но все же старались не отставать от постоянно изменяющегося, движущегося времени. Общество как бы разделяется на передовое, как Головкин и на ретроградное, как натурщики Репина, считающие, что когда с них пишется картина, они отдают дьяволу частичку своей души.

Поначалу и вплоть до 1860-х годов фотографирование оставалось делом профессионалов, несмотря на все технические усовершенствования. Естественно, приобретение фотопортрета стоило немалых затрат и считалось роскошью, поэтому сфотографироваться можно было лишь несколько раз за всю жизнь. Люди пытались запечатлеть самые важные события их жизни, они копили деньги на это мероприятие, они готовили свои платья и продумывали позу (но решающее слово, безусловно, оставалось за фотографом).

Люди на фотографиях редко улыбаются. Возможно, люди считали, что для таких случаев серьезное выражение лица подходит как нельзя лучше. С упрощением в начале 20-го века процесса фотографирования увеличилось и количество счастливых лиц на снимках. Также существует теория, что люди того времени не любили улыбаться, так как их зубы были не в лучшем состоянии. В 1800-х годах стоматологические услуги стоили очень дорого и не были широко распространены. Пульпит, кариес, сломанные зубы лечились одним методом – удалением. Так что люди с отсутствующими или сколотыми зубами, скорее всего, предпочитали фотографироваться с плотно сжатыми губами.

Сосредотачивая свое внимание на таком визуальном источнике, как фотография, стоит поговорить о еще одном аспекте. О семейном альбоме. История семейного альбома берет свое начало с альбомов Диздери и публикаций серий фотоснимков «видов» или знаменитых людей, собранных в тетради-альбомы. Первый из семейных фотоальбомов был создан супругами Сидни и Анной-Марией Ватерлоо в 1849 году. Помимо фотографий он включал в себя театральные билеты и приглашения на особенно престижные званые обеды, например на прием к султану Турции. Такой исторический источник может сочетать в себе как визуальные, так и текстовые источники и даже документы.

Нуркова отмечает, что функция семейного альбома – симулякр «большой» семьи, которая не существует в реальности. Семейная фотография, таким образом, может рассматриваться как важная разновидность реализации функции создания виртуального сообщества. Ведь правда, традиционный семейный альбом – замкнутая система, где каждый член виртуальной

семейной общности представляет интерес только как референт группы. Становление социально удачливых членов семьи, умалчивание о девиантных судьбах, удостоверения их совместного существования с помощью групповых снимков – вот стандартное содержание семейного альбома. Получается, что событие воспринимается реальным только если этому есть подтверждение в виде фотоснимка. Семейный альбом как таковой вообще приобретает смысл только в том случае, если не существует возможности собрать всех членов семьи вместе.

Знаком освоения фотографий как неотъемлемого компонента фиксации семейной истории становится проникновение в нее темы смерти. В 50-60-е гг XIX века возникла мода на посмертную фотографию. В обязательный перечень услуг фотоателье возникла фотография умерших. При этом дизайн фотографии оставался еще пограничным, умерший изображался на снимке как живой. В данном случае снимок маскировался под представителя индивидуальной фотографии, хотя на деле он становился достоянием фотографии семейной, так как объект съемки уже не мог ей воспользоваться. К тому же, в посмертной фотографии находит свое воплощение потребность социума в маркировке всех значительных этапов человеческого существования, в том числе его начала и конец.

Именно поэтому большое распространение получает фотография младенцев и умерших родственников. Но ведь сфотографировать детей, – дело довольно сложное, поэтому существовала целая специальная техника, – в качестве «подпорок» для детишек использовались их матери. Эта техника студийной фотографии в 19-м веке так и называлась: «спрятанные мамы». Ребенка садили на коленки, маму накрывали тканью или каким-нибудь одеялом, а полученные фотографии впоследствии подвергали ретуши, однако в студиях оставались и неотретушированные изображения, которые выглядят почти что зловеще и в целом весьма необычно.

В настоящее время не прекращается полемика: можно ли рассматривать фотографию как исторический источник, который передает людей и их быт таким, какой он был, ведь на фотографиях люди «ненастоящие», а такие, какими бы они хотели быть. Людке считает, что можно, только рассматривая совместно с остальными источниками и в сравнении с другими фотографиями.

Библиографический список

1. Венедиктова Т.Д. Секрет срединного мира: культурная функция реализма XIX века. Эл. ресурс <http://forlit.philol.msu.ru/lib-ru/venediktova3-ru>
2. Нуркова В. «Зеркало с памятью». М., 2008
3. Альф Людке. Как работать с историческими фотографиями. Эл. ресурс <https://urokiistorii.ru/article/1077>
4. Ролан Барт *Camera lucida* Барт Р. *Camera lucida* / пер., коммент. и послесловие М. К. Рыклина. М., 1997.
5. Нарский И.В. Фотокарточка на память. Челябинск, 2008.

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ОТКРЫТКА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX вв. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Первые почтовые карточки, открытые письма, или просто открытки, появились в России намного позже, чем в остальных странах Восточной Европы – лишь в 1871 году – и не имели особого спроса среди населения. Право на выпуск открыток принадлежало почтовому ведомству, в 1894 году ситуация изменилась, когда бланки открытых писем смогли выпускать частные производители [4, с.10]. Документальные открытки стали первыми иллюстрированными почтовыми карточками. Они классифицировались по содержанию и характеру запечатленных объектов: на событийные (иллюстрирующие отдельные моменты повседневной жизни населения или значимые события, происходившие в городе), видовые (изображающие главные улицы городов России, парки и скверы, отдельные памятники архитектуры) и портретные (фотографии одного или нескольких лиц) [3, с.162].

Открытое письмо хранит в себе много уникальных сведений об объектах культуры и искусства, конфессиях, событиях и происшествиях, позволяющих изучить социокультурное пространство Российской провинции к началу XX столетия. Долгое время открытки использовались в трудах историков как вспомогательный материал в качестве иллюстрации к письменным источникам и комплексного исследования им не посвящалось. Однако в последние десятилетия историки, искусствоведы, музейные сотрудники все больше обращают внимание на документальные открытые письма и посвящают им свои научные изыскания. В данной статье мы рассмотрим открытое письмо в качестве исторического источника при изучении социокультурного пространства Среднего Поволжья в начале XX века.

В городах Российской империи были улицы, которые концентрировали в себе всю многовековую историю городского пространства. Они вбирали в себя основные события и происшествия, всегда шли на шаг впереди аллей, бульваров и скверов, были идеалом благоустройства и первопроходцем в области технического оснащения, задали ритм всему городскому пространству [5, с.59]. Историко-событийные почтовые карточки запечатлели облик деловых центров Среднего Поволжья: улица Московская в Саратове, улица Большая в Сызрани, улица Дворянская в Самаре. Открытки несут в себе уникальные изображения зданий и памятников, расположенных на главных городских улицах, которые на сегодняшний день не сохранились, либо утратили свой первоначальный облик. Таким является здание Дворянского собрания в Саратове, памятник Александру II и дома купца Юдина в Самаре, Спасская башня в Сызрани [1]. Из изображений на почтовых

карточках мы видим, что на главных улицах располагались не только административные центры, но и большое число торговых рядов, лавок, магазинов, выставлявших на свои прилавки самые дорогие товары – от скобяных изделий до драгоценных металлов и мехов. Помимо архитектурных сооружений фотографы снимали события и уникальные происшествия, которые отражали различные направления социокультурной жизни городских обывателей. Такими были первый полет аэроплана в Саратове, пролетка извозчика на улице Большой в Сызрани, открытие катка на улице Дворянской в Самаре. Места отдыха также нашли свое место на лицевой стороне открытых писем: Струковский сад в Самаре, главный городской парк в Саратове, сад на Кузнецкой площади в Сызрани.

По мере развития железнодорожного транспорта в России стали постепенно появляться и фотооткрытки, посвященные данной теме. Открытки сохранили изображения различных видов первых железнодорожных вокзалов городов Среднего Поволжья. Так, только открытое письмо донесло до нас вид первого небольшого железнодорожного вокзала Саратово-Тамбовской железной дороги, вокзала Самаро-Златоустовской железной дороги, Александровского железнодорожного моста.

Открытые письма показывают, что население Среднего Поволжья было многоконфессиональным и уделяло большое внимание духовной жизни. Об этом свидетельствуют изображения Еврейского молитвенного дома, Польского костела Сердца Св. Иисуса, Иверского женского монастыря в Самаре, Сретенского женского монастыря в Сызрани, Лютеранской церкви в Саратове. Открытки донесли до нас первоначальный архитектурный облик религиозных учреждений. Мы видим, что горожане не жалели денежных средств на строительство храмов и монастырей, поскольку они были источниками духовного и нравственного воспитания.

Таким образом, документальные открытки являются востребованным, но малоизученным историческим источником. Они донесли до нас достоверный облик городского пространства начала XX столетия, сделав акцент не только на изображении деловых центров, редких и уникальных зданий, храмовой архитектуры, но и на историко-событийной составляющей повседневной жизни населения Среднего Поволжья. Это позволяет сделать вывод о богатой информационной составляющей документальных открыток.

Библиографический список

1. МБУК г.о. Самара «СЛМ им. М. Горького». Коллекция документальных открыток Российской империи.
2. Самбур М.В. Почтовая открытка как источник по истории и культуре // Вестник МГУКИ. № 4. Москва, 2013. С. 65 – 70.
3. Самбур М.В. Интерпретация открыток в выставочном пространстве // Исторические, философские, политические и юридические науки, культуроло-

гия и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 2 (40). Ч. 1. Тамбов, 2014. С. 161 – 164.

4. Тагрин Н.С. Мир в открытке. М., 1978.

5. Чепурнова Е.И. Улица Дворянская. Формирование и развитие делового центра Самары// Самарский земский сборник. №1 (26). Самара, 2016.С. 59-63.

Д.О. Русин

Московский государственный университет

«ГОЛОС РОССИИ ДОЛЖЕН БЫТЬ УСЛЫШАН»: КРИТСКИЙ ВОПРОС В ПЕРЕПИСКЕ МАРИИ ФЕДОРОВНЫ И НИКОЛАЯ II

Восточный вопрос являлся одним из главных направлений внешней политики Российской империи в XIX веке, который был связан, прежде всего, с обеспечением выгодного режима Черноморских проливов (Босфора и Дарданелл). Не последнюю роль для России играла и судьба христианских народов Балкан, все более активно выступавших против господства Османской империи. Одним из таких очагов национально освободительного движения был Крит, который, располагаясь между тремя частями света, имел важное стратегическое и политическое значение [1, с. 7].

Христианское население острова дискриминировалось, проводилась политика натравливания мусульманского меньшинства на православное большинство, а преобразования, предусмотренные Берлинским трактатом 1878 года, саботировались османскими властями [1, с.15; 2, с.108]. Затягивание преобразований в итоге привело к восстанию на Крите в январе 1897 года, а Греция, в свою очередь, высадила на острове десант. Несмотря на вмешательство великих держав, потребовавших от Греции вывода войск, а от султана – предоставления автономии Криту, в апреле вспыхнула греко-турецкая война.

Согласно Основным законам Российской империи, «Государь Император есть верховный руководитель всех внешних сношений Российского Государства с иностранными державами. Им же определяется направление международной политики Российского Государства» [3, с.457]. Соответственно, в конце XIX века ключевую роль в принятии внешнеполитических решений в России играл Николай II. В его переписке с матерью, Марией Федоровной, критскому вопросу уделяется особое внимание (нюанс заключается в том, что вдовствующая императрица являлась сестрой греческого короля Георга I). На ее основе можно проследить логику принятия решений Николаем II и понять, насколько этот процесс корректировался Марией Федоровной. Иными словами, можно ответить на вопрос, имела ли она то влияние на своего сына, которое ей приписывалось многими современниками (в частности, государственным секретарем А.А. Половцовым [4, с. 174] и сановником А.А. Бобринским [5, с. 129]).

Анализ переписки показывает, что Николай II объективно смотрел на положение дел и не шел на поводу у матери, которая, напротив, эмоционально оценивала критский вопрос, что, вероятно, обуславливается ее личным родством с греческим королем. Император всецело выступал за мирное решение конфликта. И это неудивительно: в конце XIX века все внимание России было сосредоточено на Дальнем Востоке, поэтому правительство было заинтересовано в поддержании мира и спокойствия на Ближнем Востоке [6, с.120]. 28 марта 1897 года, за несколько дней до начала греко-турецкой войны, император писал Марии Федоровне: «Надо надеяться, что ни Греция, ни Турция не начнут военных действий после извещения всех держав о том, что «агрессор понесет всю ответственность и последствия». При таких условиях не всякий захочет лезть драться! И потом спрашивается, из-за чего же им воевать? Они же хотели отнять Крит у турок без объявления войны, а теперь сами первые же кричат о войне! Нет, милая мама, эти греки – испорченный дрянной народ, гордости непомерной» [7, л. 267]. Из этого эмоционального письма видно, что император выступает против военных действий между Грецией и Османской империей, к тому же критикуя греков за излишнюю воинственность.

Однако 18 апреля война разразилась. Турецкая армия, вооруженная германской артиллерией и имевшая германских инструкторов, за месяц разгромила греков. Греческая королева Ольга Константиновна умоляла своего племянника Николая II «ускорить посредничество для прекращения безумного кровопролития» [1, с. 27]. Об этом же просила и мать российского императора: «Дядя Вилли (Георг I – Д.Р.) мне телеграфировал, умоляет поскорее заключить мир. Так как турки продолжают посылать войска, он боится, что они возобновят военные действия, когда 15 дней перемирия пройдут. Ради Бога, будь сильным, голос России должен быть услышан ... Надо настоять, чтобы войска турок немедленно покинули греческую территорию» [8, л. 421]. В словах Марии Федоровны, в отличие от Николая II, прослеживается симпатия к грекам и стремление смягчить последствия их поражения. Однако следующее письмо демонстрирует, что император не прислушался к своей матери: «Мне очень грустно, что Россия приняла 6-ю статью по требованию Турции и Германии ... турецкие войска останутся, поэтому, навсегда, по крайней мере, в течение неограниченного времени в Лариссе и Воло!» [8, л. 433]

В письме от 12 сентября Мария Федоровна выразила недовольство условиями прелиминарного мирного договора на основе довоенного статуса-кво с незначительным исправлением границы в Фессалии и выплатой Турции умеренного вознаграждения: «Мир, скорее предварительный, был наконец подписан, но с такими условиями, что просто ужас, и по мне невозможный для Греции, чтобы принять их» [8, л. 428]. Императрица излишне драматизирует: стоит отметить, что в мае султан Абдул-Хамид требовал отказа каких бы то ни было претензий Греции на Крит, передачи ему Фессалии и уплаты большой контрибуции. Только благодаря личному обраще-

нию Николая Пк турецкому султану, чтобы тот умерил свои претензии [2, с. 109]. По условиям же Константинопольского мира 4 декабря 1897 года Крит стал автономией, а в 1898 году на остров в качестве верховного комиссара был назначен сын греческого короля принц Георг. Его кандидатура была предложена Николаем II, что во многом было обусловлено личным обязательством: Георг спас наследника русского престола от нападения на него японского фанатика во время их визита в Японию в 1891 году [1, с. 29].

Исследователи сходятся во мнении, что политика русской дипломатии была вполне реалистичной и отвечала интересам критян [1, с. 29, 6, с. 128]. Во многом это заслуга Николая II, который не прислушался к эмоциональным требованиям матери о немедленном выводе турецких войск, что могло бы привести к эскалации конфликта.

Библиографический список

1. Соколовская О.В. Россия на Крите. Из истории первой миротворческой операции XX века. М., 2006.
2. Игнатъев А.В. История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века (от русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997.
3. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание третье. Том XXV. 1905. Отделение I. № 27805.
4. Из дневника А.А. Половцова // Красный архив. М., 1934. Т. 67.
5. Дневник А.А. Бобринского // Красный архив. М.-Л., 1928. Т. 26.
6. Меньшиков В.П. Российская дипломатия и автономия Крита 1898 г. // Балканские исследования. Вып. 12.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 642. Оп. 1. Д. 2324
8. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1295

А.С. Парахин

Самарский национальный исследовательский университет

ПАРТИЯ И ФРАКЦИЯ «СОЮЗ 17 ОКТЯБРЯ» В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ IV СОЗЫВА

Союз 17 октября – депутатское консервативно-либеральное объединение. С самого начала работы IV ГД, где число членов фракции было 80 человек, а в феврале 1913 года численность депутатов возросла до 100 человек [1, с.580].

В 1912 году октябристы начали проводить политику левения, которая заключалась в том, чтобы первоочередными были реформы: сената и административной юстиции, законопроектов о неприкосновенности личности, волостном земстве, улучшении земско-городских финансов, вероисповед-

ного законодательства и пересмотр бюджетных правил [2, с.3]. Члены Союза 17 октября планировали свой курс на эффективную работу с центральной властью, но позже, находясь в союзе с прогрессистами, начали еще больше требовать исполнения положений манифеста 17 октября 1905 года [3, с.121].

Весьма показательны также широко распространившиеся накануне выборов опасения, почти уверенность, что власть задумала превратить Думу в законосовещательный орган [4, с.89].

В октябристах разочаровались буржуазия, и часть помещиков. В результате на выборах в IV Думу октябристы потерпели тяжелое поражение: их представительство уменьшилось вдвое – с 148 депутатов до 80. Позже число увеличилось до 98. Более того, московская первая городская курия забаллотировала А.И. Гучкова, избрав вместо него в IV Думу правого кадета М. М. Новикова. Это было самое серьезное выражение недоверия и разочарования со стороны московской буржуазии [5, с.163].

Интересные сведения о выборном процессе оставил октябрист М.И. Симонов. Он рассказывал о том, что обер-прокурор Священного Синода В. К. Саблер принимал меры к массовому привлечению священников к выборному процессу, принуждая голосовать за правых, угрожая лишением прихода [6, с.657].

В ноябре-декабре 1913 года из-за разногласий в вопросе сотрудничества с правительством фракция раскололась. Правая часть-фракция земцев-октябристов, а левая часть – группа союз 17 октября. Левые были настроены более оппозиционно [1, с.581].

ЦК Союз 17 октября активно влиял на деятельность своей фракции в ГД. В 1913 году произошло выселение 1000 русских монахов из Афонского монастыря. Центральный комитет «Союз 17 октября» предложил думской фракции направить запрос министру иностранных дел, министру внутренних дел, министру юстиции и обер-прокурору Священного Синода. Записка была рассмотрена 22 ноября в Бюро думской фракции, которое постановила передать ее на фракционное обсуждение. 20 января 1914 года земцы-октябристы постановили внести запрос в Государственную думу на афонских монахов [7, с.32]. Комиссия по запросам единогласно приняла этот запрос. В мае 1914 года депутат Ковалевский обратился с письмом в департамент полиции, после чего монахам были возвращены паспорта, таким образом, партия и фракция октябристов облегчили тяжелое положение арестованных [7, с.38].

С первых дней первой мировой войны октябристы были согласны с позицией власти и были готовы ее поддерживать [8, с. 109]. Правда уже в 1915 году, после поражения на фронтах, встал вопрос о том, чтобы создать в Думе оппозиционное большинство, где были бы октябристы, кадеты и прогрессисты [9, с. 27]. Несколько земцев – октябристов вошли в бюро «Прогрессивного блока»: С.Т. Варун-Секрет, И. И. Дмитриуков, Д,П Кап-

нист, Н.А. Ростовцев, В. И. Стемповский. С.И. Шидловский возглавил бюро прогрессивного блока [9, с. 96]. А.Д. Протопопов возглавил думскую делегацию в Англию, Францию и Италию [10, с.85].

26 февраля 1917 года буржуазные партии, в т.ч. и октябристы надеялись на согласие царя создать «министерство доверия», и их точка зрения тогда еще господствовала [11, с.67]. Позднее два октябриста вошли в состав Временного Комитета Государственной Думы [11, с.72]. Если еще поговорить об октябристах (партии, фракции) в 1917 году, то можно сказать следующее, после февральской революции понятие «Манифест 17 октября» потеряло свою силу, поэтому с похожим названием было даже страшно оставаться так как это напоминало о старых порядках [12, с.58-59]. Необходимо подчеркнуть, что эта партия сосредоточилась только в государственной думе, достигла такого пика радикализации, что именно выходцы из этой партии создали Либерально-республиканскую партию, когда похожие объединения себя либералами не называли [12, с.61].

В заключение можно сказать о том, что партия Союз 17 октября и ее фракция в Государственной думе IV созыва показала, что может менять свою позицию в особые моменты политической жизни страны. Партия через фракцию выдвигала наиболее актуальные вопросы страны на рассмотрение. Если рассмотреть эту партию как промежуток между властью и либеральным движением, то можно быть полностью уверенным в том, что партия и фракция были верны своим взглядам вплоть до Февральской буржуазной революции 1917 года.

Библиографический список

1. Демин В.А. «Союз 17 октября» фракция // Государственная Дума Российской империи 1906-1917.: Энциклопедия / В.А. Демин; под ред. Б.Ю. Иванова [и др.]. М., 2008. С. 578-581.
2. Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года // Вопросы истории. 1999. С. 3-29.
3. Павлов Д.Б., Шелохаев В.В. Союз 17 октября // Политические партии России: история и современность: Учеб. для ист. и гуманитар. фак. вузов / под ред. А.И. Зевелева, проф. Ю.П. Свириденко, проф. В.В. Шелохаева. М., 2000. С.109-121.
4. Соловьев Ю.Б. Стратегия самодержавия и состояние политических сил на местах в период выборов в IV Думу // Непролетарские партии в трех революциях / под ред. К.В. Гусева. М.: Наука, 1989. С.88-95.
5. Савич Н.В. Воспоминания. СПб.: Издательство «Logos»; Дюссельдорф «Голубой всадник», 1993. 496 с.
6. Симонов М.И. Первые дни государственной думы IV созыва // Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи (Воспоминания современников. Материалы и документы) / под ред. А.В. Иванченко. М., 2008. С.657-659.
7. По поводу событий на Афоне // Отчет ЦК Союза 17 октября о его деятельности с 1 октября 1913 года по 1 сентября 1914 года. М., 1914.

8. Павлов Д.Б., Шелохаев В.В. Союз 17 октября // История политических партий России: учеб. для студентов / под ред. А.И. Зевелева. М.: Высш. шк., 1994. 447 с.

9. Кузьмина, И.В. Прогрессивный блок в IV Государственной думе (1915-1917 гг.) / Дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.

10. Кустов В.А. Прогрессивный блок и внешняя политика России в августе 1915 – феврале 1917 года // Известия Саратовского университета. 2011. Т. 11. Вып. 2. Ч. 1. С.83-91.

11. Спирин Л.М. Россия 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М.: Мысль, 1987. – 333 с.

12. Жердева Ю.А. Пресса как инструмент политических технологий русского либерализма в 1917 году. Самара: СГЭУ, 2013. 324 с.

А.А. Шашкова

Самарский национальный исследовательский университет

СМЫСЛ ИСТОРИИ В ТРУДАХ Н.А. БЕРДЯЕВА И Л.П. КАРСАВИНА

Николай Александрович Бердяев и Лев Платонович Карсавин – религиозные философы, представители русского Зарубежья и русского религиозно-философского Ренессанса. Н.А. Бердяев – яркий представитель персоналистической разновидности экзистенциализма; проблемы личности, свободы и творчества, смысла жизни и смерти всегда были в центре его философских размышлений. Л.П. Карсавин – историк религиозной мысли Средневековья, религиозный мыслитель, разработавший, как и его предшественники, русский вариант философии всеединства [1, с. 348] и рассматривавший весь мир как личность, строя оригинальную концепцию «симфонической» личности.

Оба философа, каждый по-своему, осмысляют исторический процесс. В данной работе анализируются труды мыслителей, изданные в 1923 г. Бердяев и Карсавин были высланы из России в 1922 г. на «философском пароходе», соответственно, рассматриваемые работы были изданы в эмиграции.

Н.А. Бердяев сравнивает исторический процесс с этапами жизни человека: детство, юность, возмужалость, зрелость, старость. Тема истории – судьба человека. «В основе исторического процесса лежит отношение человеческого духа к природе» [2, с.116]. Бердяев выделяет три этапа: человек во власти природной стихии, язычества; христианин, который духовно борется с силами природы и противопоставляет себя природе; и человек нового времени, который стремится поработить природу в угоду личному интересу. «Опыт нового человека, поставившего себе задачей владычество над миром, сделал его рабом мира» [2, с.142]. Философ считает, что с возникновением машины человек становится рабом созданной им материаль-

ной социальной среды. Он призывает людей к тому, чтобы обратиться к Богу, признать в себе Божий образ. Признавая «божественное» над собой, человек сможет утвердить свою индивидуальность. Бердяев рассматривает историю как сохранившееся в народной памяти воспоминание о прошлом. «История не есть объективная эмпирическая данность, история есть миф» [2, с. 18]. История для него – это путешествие человеческого духа сквозь время. Существование личности в историческом развитии и «исторического» в личности Бердяев рассматривает как неразрывную взаимосвязь. Человек является творцом истории. Человек заключает в самом себе исторический опыт. В своей философской автобиографии «Самопознание» мыслитель пишет: «Я пережил мир, весь мировой и исторический процесс, все события моего времени как часть моего микрокосма, как мой духовный путь» [3, с. 17].

Сходную мысль высказывает Л.П. Карсавин. Он считает, что «высшей задачей исторического мышления является познание всего космоса, всего тварного всеединства как единого развивающегося субъекта» [4, с. 81]. Для Карсавина темой истории является не судьба человека, а судьба человечества в своих проявлениях – конкретных людях. Мыслитель пишет: «субъект исторического развития – всеединое человечество, человечество как конкретное всевременное и всепространственное единство всех своих моментов или индивидуализаций, вплоть до условно-последней, до конкретного индивидуума» [4, с.102]. Карсавин считает, что история изучает социально-психологическое, т.е. духовную жизнь человечества. «История оставляет вне своей области всю материальную сторону человеческой жизни, хотя и пользуется ее фактами как средствами для достижения своей цели» [4, с. 99]. В философии Карсавина заложен жесткий «социоцентризм», примат коллективного над индивидуальным. Человек, индивидуальная личность выступает здесь как симфоническая личность самого низшего порядка, подножие всей иерархической пирамиды. Бердяев отмечает: «Учение о симфонической личности означает метафизическое обоснование рабства человека» [5, с. 155-156].

Субъект истории для Бердяева – это личность, отдельный человек. Бердяев гораздо более близок к индивидуализму, несмотря на то, что он тоже причисляет отдельного человека ко всему остальному миру, к историческому процессу. Но для него интересы отдельной личности стоят выше чего-либо. Именно реализация творческой индивидуальной энергии важна для мыслителя. Карсавин выдвигает идею о симфонической личности – личности социальной. Он считает, что в таком соединении людей не будет происходить ущемления отдельного человека, а произойдет органическое единение, так как все человечество представляет собой единство. Несмотря на то, что философы представляют разные концепции, их усилия направлены на воссоединение человека с Богом и с собственным духом. История мира воспринимается ими как история человеческого духа. Поэтому Бер-

дьяв заявляет о том, что история — это миф, то есть не «материальность», а представление; Карсавин пишет о том, что «душевность является основной стихией истории». Смысл истории, по мнению мыслителей, состоит в сопричастности человека к всеобщему историческому процессу, проживании собственной исторической судьбы в масштабах всего мира.

Библиографический список

1. Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991.
2. Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990.
3. Бердяев Н.А. Самопознание. М., 1990.
4. Карсавин Л.П. Философия истории. СПб., 1993.
5. Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии. СПб., 1994.

Т.Б. Емельянова

Самарский государственный социально-педагогический университет

НЕМЕЦКИЕ КОЛОНИИ НА ТЕРРИТОРИИ ПОВОЛЖЬЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1920-Х – 1930-Х ГГ.

1917 г. был поворотным в истории России и населяющих ее народов. После крушения самодержавия во всех частях империи наблюдался небывалый подъем политической активности населения, которая опиралась на декреты Временного правительства о равенстве всех народов, о политических свободах, о праве на самоопределение [1] и т.д.

Научный интерес к теме колониистского движения возродился в связи с возникновением Автономной Советской Социалистической Республики Немцев Поволжья (АССР НП) в составе РСФСР. Еще в апреле 1918 г. в Саратове был создан Поволжский Комиссариат по немецким делам, который подготовил и провел с 24 по 30 июня 1918 г. первый съезд Советов депутатов немецких колоний Поволжья, который определил места компактного проживания поволжских немцев в трех новых уездах: Голо-Карамышском (на правом берегу Волги), Ровенском и Екатериненштадтском (на левом берегу Волги).

После издания СНК РСФСР декрета [2] о создании Трудовой коммуны области немцев Поволжья появляются первые работы историков, посвященные проблемам немецкой автономии [3,4, 9]. Так, Ф.С. Серебряков издал брошюру, которая была составлена на основе личных наблюдений автора и официальных документов [3, с. 5]. Особое внимание автор уделил сельскому хозяйству немцев Поволжья. В отдельной главе рассмотрено меннонитское хозяйство, как «высококультурный уголок экстенсивного хозяйства» [3, с. 12]. Также в публикации рассматриваются колониистская промышленность, причины упадка немецкого хозяйства, голод 1921-

1922 г., ставшим тяжелейшим испытанием для населения автономии, как и жителей многих регионов страны.

В довоенный период появились содержательные труды, посвященные немецким переселенцам. Среди них заслуживает внимания книга П.К. Галлера «Воспоминания. Быт немцев-колонистов в 60-х годах XIX века» [5]. Она относится не только к источникам личного происхождения, но и является историческим исследованием, в котором собран обширный этнографический и исторический материал по теме.

Представляет интерес и сравнительно небольшая по объему работа М. Гульчака [6]. В ней представлен глубокий и квалифицированный анализ сельского хозяйства республики, а также форм и методов работы партийных и советских органов в немецкой деревне. Статистические данные, полученные автором в результате обследования Марксштадтского и Бальцерского кантонов, позволили сопоставить уровни развития сельского хозяйства, достигнутые в 1929 г. и в 1914 г.

Появляются первые диссертационные исследования по теме. В 1935 г. А.И. Клибанов защитил кандидатскую диссертацию по истории меннонитской колонизации в России в XVIII–XIX вв. [7]. И это была единственная историческая диссертация довоенного времени по немецкой проблематике.

Нельзя не отметить такую своеобразную публикацию как доклад председателя ЦИК и СН АССР НП Г.А. Люфта [8]. В нем содержится важная информация, касающаяся состояния экономики Республики немцев Поволжья накануне Второй мировой войны, рассматриваются проблемы, стоявшие перед жителями автономии, а также возможные пути их разрешения, учитывается опыт досоветского периода истории колонистского движения.

Безусловным достоинством указанных работ является то, что все они написаны непосредственными очевидцами, активными участниками событий, происходивших в немецких колониях. Тем не менее, нельзя не отметить и недостатки рассматриваемых трудов: основанные во многом на личных воспоминаниях и впечатлениях, они содержат много описательных и эмоциональных моментов.

К сожалению, значительное количество публикаций, посвященных немцам Поволжья, были утрачены. Часть из них подверглась уничтожению, другие — переведены в специальные хранилища в связи с ликвидацией в 1941 г. Автономной республики немцев Поволжья и депортацией ее населения на Урал, в Сибирь, Казахстан и Алтайский край.

В заключение следует отметить, что историография данной проблемы в указанный период не очень обширна. Механизмы управления иностранными колониями в России фактически не исследовались. Кроме того, изучение колонистского движения в целом было осложнено как внутренними, так и внешними факторами.

Библиографический список

1. Россия (1917, февраль-октябрь). Законы и постановления. Сборник указов и постановлений Временного правительства [электронный ресурс]: Вып. 1-2. Пг., 1917 – 1918.
2. История российских немцев в документах (1763-1992 гг.) / сост. к.и.н. В.А. Ауман, д.и.н. В.Г. Чеботарева [электронный ресурс]. М., 1993. 448 с.
3. Серебряков Ф.С. Немецкая коммуна на Волге и возрождение юго-востока России. М.: Типо-Литография М.С.Н.Х., 1922. 30 с.
4. Юнг Ф. Бедствующее Поволжье. Петроград: Изд-во Коммунистического интернационала, 1922. 122 с.
5. Галлер П.К. Воспоминания. Быт немцев-колонистов в 60-х годах XIX века [электронный ресурс]. Саратов: Саратовский университет, 1927.
6. Гульчак М. Немецкая деревня, как она есть. Саратов: Саратовский университет, 1929. 53 с.
7. Клибанов А.И. Меннонитская колонизация на юге России в XVIII-XIX вв. [электронный ресурс]: тезисы диссертации. Л.: тип. Акад. наук СССР, 1935. 5 с.
8. Об итогах II сессии Центрального Исполнительного Комитета СССР и задачах советов АССР НП в 1936 году: доклад председателя ЦИК и СНК АССР НП тов. Г.А. Люфт на IV сессии ЦИК АССР НП 8 февраля 1936 года. М.: Немгосиздат, 1936.
9. Штрандт Л. Как ведут свое хозяйство немцы Поволжья / под ред. зам. пред. Немреспублики при Президиуме ВЦИК Д. Шмидт. М.-Л.: Гос. изд-во, 1926. 43 с.

Д.В. Петров

Самарский государственный социально-педагогический университет

СТЕНОГРАММА ОБСУЖДЕНИЯ КНИГИ А.М. НЕКРИЧА «1941, 22 ИЮНЯ» В ИНСТИТУТЕ МАРКСИЗМА ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В сентябре 1965 г. была издана книга А.М. Некрича «1941, 22 июня». В ней он одним из первых среди отечественных историков доказывал виновность сталинского руководства в разгромных поражениях СССР в начальный период Великой Отечественной войны. К сожалению, выход книги пришелся на период восстановления сталинизма в политике советского государства, начавшийся после ухода Н.С. Хрущева с поста генерального секретаря ЦК КПСС. Новому руководству было необходимо свернуть линию XX-XXII съездов партии, на которых прозвучала критика И.В. Сталина, в том числе и обвинение в огромных потерях в начале войны. Поэтому появление книги и исследователя, уделяющего внимание этой проблеме, встревожило верхушку партии. Работу решили раскритиковать, с целью чего организовали ее обсуждение в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС [5, с. 530].

16 февраля 1966 г. прошло обсуждение книги, на котором присутствовало около 200 человек. «Разгромить» книгу не удалось – 21 из 22 докладчиков оценили ее положительно [2, с. 235]. Через несколько дней после указанного мероприятия появилась «Краткая запись», стенограмма дискуссии, которую мы попытались рассмотреть в качестве историографического источника [2, с. 237].

Текст стенограммы был опубликован А.М. Некричем во второй редакции книги «1941, 22 июня», выпущенной в 1995 г. Стенограмма дана, по его собственному утверждению, с незначительной стилистической правкой, и основана на документах, хранящихся в РЦХИДНИ (ныне РГАСПИ) – Ф. 71. Оп. 22. Д. 202. [3, с. 107]. В.И. Дашичев, ссылаясь на стенограмму, указывает номер дела 292, а не 202, что, скорее всего, является опечаткой [1, с. 136].

Автором «Краткой записи» принято считать Л.П. Петровского [4, с. 30], так как именно его КГБ обвиняло в ее составлении [5, с. 534]. Однако, 28 июня 1967 г. состоялось заседание Контрольной партийной комиссии при ЦК КПСС, на котором Леонид Петрович отклонил эти обвинения, поэтому вопрос об авторстве остался открытым [2, с. 280].

Для определения степени достоверности стенограммы было проведено сравнение нескольких доступных ее вариантов. Отрывки «Краткой записи» приводят В.И. Дашичев [1, с. 137-140], А.М. Некрич в своих воспоминаниях [2, с. 233, 234-235, 237] и Л.П. Петровский [5, с. 531-533]. Отрывки, используемые Дашичевым и Некричем, идентичны тексту стенограммы. Л.П. Петровский использовал более разговорный, «живой» стиль записи, но и в этих отрывках, пусть и не дословно, повторяется исходный текст «Краткой записи».

Предположения о причинах расхождения в вариантах записи стенограммы и ее архивного источника выдвинул Л.П. Петровский. Он объяснил их тем, что Александр Моисеевич составил свой вариант стенограммы из записей, присутствовавших на обсуждении, а стенограмма, находящаяся в архиве, была правлена под руководством председателя обсуждения Е.А. Болтина для смягчения ответственности перед партией за провал разгрома книги А.М. Некрича [4, с. 66-67].

Нельзя не упомянуть о противоположной точке зрения. По мнению КГБ, отличие «Краткой записи» и официальной стенограммы заключается в том, что первая «составлена тенденциозно, с провокационной целью бросить тень на деятельность партии и правительства в период, предшествующий началу Великой Отечественной войны» [4, с. 73-74].

Таким образом, стенограмма, приведенная А.М. Некричем, является достаточно достоверной.

По содержанию стенограмму можно разделить на три части. Первая часть – научная полемика. Г.А. Деборин, критиковавший книгу А.М. Не-

крича, обвинял ее в излишней концентрации внимания на личной ответственности Сталина за провал начала Великой Отечественной войны [3, с. 109-110]. Прочие выступавшие оценивали книгу положительно и отмечали отдельные недочеты, которые автор мог бы исправить.

Вторая часть представляет собой два выступления, А.В. Снегова и Л.П. Петровского, вызвавшие неоднозначную реакцию участников обсуждения. Перед их выступлениями организаторы дискуссии попытались завершить обсуждение. Это свидетельствует о том, что организаторам обсуждения не были нужны столь ярые защитники критики «культы личности». Снегов и Петровский открыто критиковали любые попытки уменьшить ответственность И.В. Сталина за неудачи начала войны [3, с.141].

Третья часть стенограммы – заключительное слово самого автора книги. 1941 год для него – одна из самых тяжелых и важных тем отечественной истории, которая всегда будет интересовать исследователей и обычных людей. «Там, где неограниченная власть, там могут быть неограниченные ошибки» – как нельзя точно выразил свою позицию Александр Моисеевич. Какие бы ни были мысли и позиции у советского руководства в тот период, единственным человеком который окончательно решал судьбу страны был И.В. Сталин. А.М. Некрич занимал последовательную и принципиальную позицию по отношению к проблеме сталинизма: историки должны писать правду, не оглядываясь ни на что, кроме нее самой [3, с. 143-144].

В заключение следует сказать, что изученная стенограмма – необходимый источник при исследовании развития советской исторической науки после «оттепели», но она не обладает полнотой информации и нуждается в дополнении данными других источников.

Библиографический список

1. Дашичев В.И. К истории одной дискуссии // Новая и новейшая история. 2016. № 1. С. 136-140.
2. Некрич А.М. Отрешишься от страха: Renounce fear: Воспоминания историка. London: Overseas publ. interchange, 1979. 414 с.
3. Некрич А.М. 1941, 22 июня: [Пробл. участия СССР во второй мировой войне]. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Памятники ист. мысли, 1995. 333 с.
4. Отрешившийся от страха: Памяти А.М. Некрича: Воспоминания, статьи, документы / сост.: Альперович М.С. и др. М.: ИВИ РАН, 1996. 216 с.
5. Петровский Л.П. Дело Некрича // Вестник РАН. М., 1995. Т. 65, № 6. С. 528-539.

МЕМУАРЫ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В ГЕРМАНИИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ

Итоги Второй мировой войны создали ряд совершенно новых прецедентов в практике международных отношений, уникальность которых, недостаточная разработанность в исследовательской литературе, в сравнении с более обыденными случаями внешней политики, определяют актуальность дальнейшего раскрытия данных сюжетов. Одной из таких проблем является деятельность оккупационных администраций в целом, и Советской военной администрации в Германии (далее – СВАГ) в частности.

На данный момент вышеобозначенные сюжеты нашли отражение во многих состоятельных и «отраслевых» исследованиях [2, 7, 8]. Важным свойством исторической науки является ее кумулятивность. Поэтому для приращения нового исторического знания и всестороннего изучения рассматриваемых объектов исследователям следует прибегнуть к следующим решениям: расширить проблемный спектр, привлечь новые источники или апробировать другие методы и подходы вместо предыдущих. Так, в работах автора данной статьи были рассмотрены ранее неизученные проблемы и источники [3]. В настоящем исследовании предпринимается попытка взглянуть на мемуары военнослужащих СВАГ с постмодернистских позиций, а именно с точки зрения исторического нарратива.

Постмодернистская философия истории (П. Вен, Х. Уайт, Ф. Анкерсмит) подвергла сомнению постулат «объективности» исторической реальности по отношению к исследователю. Так, Анкерсмит предлагает понимать исторические нарративы как репрезентации исторического прошлого. В исторических нарративах репрезентируется прошлое. То или иное историческое событие обладает смыслом, значением только в контексте исторического нарратива, само по себе оно – и это особенно подчеркивает Анкерсмит – никаким собственным смыслом не обладает. Исторические репрезентации, по мысли Анкерсмита, противоречат не столько самой исторической реальности, сколько другим историческим репрезентациям [1, с. 36.].

Теперь же следует рассмотреть, как же теоретическая позиция Анкерсмита реализуется в заявленной теме. Анализ воспоминаний военнослужащих СВАГ выявляет существование двух репрезентаций исторического прошлого – исторический нарратив советского и постсоветского периода.

Исторический нарратив советского периода создавался преимущественно с подачи государства. Более того, образ Восточной Германии, а впоследствии ГДР, значительно мифологизировался. В мемуарах, изданных в со-

ветскую эпоху, те «золотые голодные годы» интерпретировались как время гармоничного сотрудничества и культурного общения. Возрождение Германии и избрание ей особого и верного пути развития, братание советских оккупантов и подавленного нацизмом немецкого населения, чуткое внимание к общим проблемам, негативная характеристика действий и предательство союзников антигитлеровской коалиции — имена так создавался образ исторической реальности в советскую эпоху. «Посредниками» в его формировании стали воспоминания профессиональных военных, офицеров высшего звена [5, 6, 11]. Публикация этих эго-документов была тесно связано с процессом, который начался во второй половине 1960-х и на протяжении 1970-х гг., когда советское государство превращается в «диктатуру воспоминаний» («Erinnerungsdiktatur»), используя память о великих достижениях эпохи сталинизма — победы во Второй мировой войне и создании основ социалистического строительства — в качестве главных стратегий регенерации доверия масс к режиму [10, s. 53, 114-120]. Другой же причиной этого процесса стало постепенное угасание военного поколения и «живой» памяти о Великой Отечественной войне.

Исторический нарратив постсоветского периода уже не является единым, он уже распадается на несколько репрезентаций прошлого. Он наполняется иным, не всегда противоположным, но более конкретным содержанием. Отличительной чертой является индивидуализация версий исторической реальности, которым присуща рефлексивная и эмоциональная окраска. Авторы — это выходцы из средних и низших слоев советского населения, оккупационное прошлое которых было вытеснено из коллективной памяти [4, 9]. Мемуаристы сообщают именно свой осмысленный исторический опыт, который, однако, часто претендует на коллективный. Появление разных репрезентаций прошлого также было вызвано борьбой с той «ложью» и тенденциозностью, которая обрушилась на историю тех лет.

Таким образом, на примере двух ярко выраженных исторических нарративов можно увидеть как прошлое конструируется внутри той доминирующей языковой формы, с помощью которого оно предстает перед обществом.

Библиографический список

1. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
2. Болдырев Р.Ю. Советская оккупационная политика в Германии, 1945-1949: экономический аспект. Saarbrücken, 2011.
3. Власов А.В. Германия и немцы в рецепциях военнослужащих СВАГ // Проблемы российской цивилизации и методики преподавания истории: Межвуз. сб. науч. тр. — Саратов: Изд-во «Наука», 2017. Вып. IX. С. 71-78.
4. Ермолаев В.А. «Без гнева и пристрастия»: Записки историка. Саратов, 2009.
5. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 2 т. Т.2. М., 2002.
6. Колесниченко И.С. Битва после войны. М., 1987.

7. Тимофеева Н.П. Немецкая интеллигенция и политика реформ: Система образования в Восточной Германии 1945-1949 гг. Воронеж, 1996.
8. Филипповых Д.Н. Советская военная администрация в Германии: военно-политический аспект деятельности 1945-1949 гг. М., 1996.
9. Чубинский В.В. Моя оккупация Германии. Русский офицер в Берлине и окрест. 1946-1950 гг. СПб., 2004.
10. Merl S. Politische Kommunikation in der Diktatur. Deutschland und die Sowjetunion im Vergleich. Güttingen, 2012.
11. Tjulpanow S. DeutschlandnachdemKriege (1945-1945). Berlin, 1987.

Е.М. Телешевская

Самарский государственный медицинский университет

«ФИЛОСОФИЯ ЗДОРОВЬЯ» ЕВГЕНИЯ ИВАНОВИЧА ЧАЗОВА И ФЕДОРА ГРИГОРЬЕВИЧА УГЛОВА

В современном мире здоровье человека в иерархии мировоззренческих ценностей занимает лидирующее положение. Как жить долго и счастливо? Ответна этот вопрос кроется не только в медицинских предписаниях, но и в мировоззренческом наследии выдающихся врачей. Для анализа данной проблемы выбрано наследие двух крупнейших фигур советской медицины – академиков Е.И. Чазова и Ф.Г. Углова. Важно рассмотреть ценностное отношение двух крупных представителей советской медицины, Е.И. Чазова и Ф.Г. Углова, их понимание факторов сохранения здоровья человека. В качестве источников были использованы научные работы, автобиографии и материалы интервью, принадлежащие перу Е.И. Чазова и Ф.Г. Углова.

Федор Григорьевич Углов (1904-2008) – советский и российский хирург, доктор медицинских наук, общественный деятель. Ф.Г. Углов одним из первых в стране успешно выполнил сложнейшие операции на внутренних органах, разработал искусственный клапан сердца, обладал уникальными хирургическими навыками, был полон энергии до конца своей жизни.

Нравственные ориентиры советской эпохи и идеологические приоритеты, принятые в СССР, оказали заметное влияние на педагогическую и просветительскую деятельность Ф.Г. Углова. Еще до Великой Отечественной войны Ф.Г. Углов начал борьбу за трезвость в стране: читал лекции, писал статьи, письма в ЦК ВКП(б) и Правительство. Убеденный сторонник трезвости, Углов активно выступал за искоренение привычек к употреблению алкоголя и табака рассказывал читателю о действии спиртного и табачного дыма на важнейшие внутренние органы, подкрепляя свои тезисы многочисленными примерами из собственной врачебной практики [3,4].

Борьба за трезвость, возрожденная Угловым, иногда доходила до крайности – была направлена не только на взрослое население, но и заключа-

лась в мерах по предотвращению потребления алкоголя в младенческом возрасте через кефир, который содержал сотые доли алкоголя.

Тема алкогольного воздействия на организм человека проходит красной нитью через все научно-публицистические работы Ф.Г. Углова. Его знаменитая статья «О недопустимости потребления алкоголя» (1983) посвящена вредному влиянию любых доз алкоголя и восстановлению в общественном сознании понятия о трезвости как необходимом условии народного благополучия. Книга Ф.Г. Углова «Самоубийцы», вышедшая в 1995 г., стала «разрушителем мифов» о потреблении алкоголя и табака. В ней академик опровергает общественные заблуждения об употреблении табака и спиртного. Сложившийся миф, что алкоголь в умеренных дозах безвреден развенчан академиком [2, с.112]. Отметим, что в позиции Ф.Г. Углова не существует слова «индивидуально», когда дело касается здоровья человека, так же как и не подразумевается никакой свободы в решении самого человека о его образе жизни. Тем не менее, работы Ф.Г. Углова о вреде алкоголя и табака правдивы и внесли огромный вклад в попытки вырастить и сохранить здоровую советскую нацию. Просветительская деятельность Ф.Г. - Углова коррелировалась с идеологическими курсом СССР. Например, к наркотикам, помимо алкоголя и табака, Углов относил и рок-музыку, которую считал западным, развращающим и разрушающим здоровье советской молодежи веянием [5, с.245].

Венцом просветительской деятельности Ф.Г. Углова стал свод правил, призванный продлить жизнь и достичь здоровья [5,с.302]. Основная часть предписаний касалась нравственности и этики поведения в обществе, другие регламентировали необходимость вести здоровый образ жизни, как единственное условие выполнения всех остальных «заповедей». Углов утверждал представления о принципах уважительного отношения в семье и на работе, устанавливал ценность Родины, семьи, и, конечно же, человеческого добра.

Евгений Иванович Чазов (1929) — кардиолог, профессор, главный врач знаменитой «Кремлевки», министр здравоохранения (1987-1990). В его руках многие годы находилось здоровье политической элиты СССР — от маршалов до генеральных секретарей. Несмотря на то, что Е.И. Чазов большую часть своей жизни находился в эпицентре политики, сам он оставался в первую очередь врачом, борцом за человеческое здоровье и жизнь. Е.И. Чазов писал: «Я лечил девятнадцать лидеров пятнадцати стран мира. Я никогда не думал, кого я лечу. Все для меня были больные» [6, с.76]. Пожалуй, это признание является несущим принципом, составляющим его философию здоровья, а именно уважительное и беспристрастное отношение к пациентам. В 1980 г. американский профессор Бернард Лаун и Е.И. Чазов организовали движение «Врачи мира за предотвращение ядерной войны», чем немало поспособствовали подписанию соглашения о прекращении гонки вооружений. И за это в 1985 г. они отмечены Нобелевской премией мира.

Значимы представления Е.И. Чазова о едином для всех здоровом образе жизни. Задаваясь этим вопросом, Чазов подчеркивает индивидуальные черты и особенности поведения человека: «А что это такое? ... У каждого человека своя диета, своя норма. Главное не переесть...». На вопрос о том, как избежать болезней и прожить долгую, здоровую жизнь, академик отвечает: «Надо с детства создавать тот образ жизни, который больше всего подходит именно вам....Самое страшное заболевание человека – острая душевная недостаточность» [1]. Таким образом, Ф.Г. Углов и Е.И. Чазов в качестве важнейшего принципа сохранения физического здоровья выдвигают духовную целостность и гармонию, которые должен уметь воспитать в себе каждый человек.

Библиографический список

1. Рейтер Светлана. Правила жизни Евгения Чазова // Esquire.ru
2. Углов Ф.Г. Самоубийцы : [Правда о алкоголе]. СПб. : Б. и., 1995.
3. Углов Ф.Г. Образ жизни и здоровье. Л.: Ленингр. орг. о-ва «Знание» РСФСР, 1985.
4. Углов Ф.Г. Сердце хирурга / [Вступ. ст. И. Дроздова]. СПб.: Журн. «Защита и безопасность», 1997.
5. Углов Ф.Г. Человеку мало века. СПб.: Наука С.-Петерб. изд. фирма, 2001.
6. Чазов Е.И. Здоровье и власть: воспоминания кремлевского врача. Москва: Центрполиграф, 2015.

А.Е. Кульков

МБУ ДО «ЦДО «Экология детства» г.о. Самара

ПУТИ РЕШЕНИЯ «ВАРЯЖСКОГО ВОПРОСА» В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Стремление к решению загадок «варяжского вопроса» насчитывает уже более двухсот пятидесяти лет. В общественном сознании, в публицистике и научных работах доминирует представление о противостоянии некоего «норманизма» и некоего «антинорманизма», которое началось в середине XVIII в. и будто бы продолжается до сих пор в том же биполярном формате. Однако, если такое представление можно с натяжкой использовать для периода XVIII – середины XIX вв., то уже для второй половины XIX в. оно явно не отвечает действительности, не говоря уже о современном состоянии «норманнской проблемы». К отказу от такого понимания вопроса призывал еще В.А. Мошин в 1931 году. Подобные неопределенные категории дают исследователям возможность определять «характер» исторических работ в удобном для себя ключе [1].

Большая масса историографических работ посвящена развитию «варяжского вопроса» в XVIII – начале XX вв. Советский период развития про-

блемы менее изучен, а вокруг его осмысления идут горячие споры [2, с.111-113]. Современное же состояние норманнской проблемы изучено на наш взгляд, крайне недостаточно, а вышедшие работы обладают ярко выраженным оттенком субъективности [3, 4]. Кроме того, устаревшее представление об абстрактных «норманизме» и «антинорманизме» затрудняет научное осмысление современного состояния варяжского вопроса. На наш взгляд, рассмотрение проблемы с точки зрения отдельных подходов или направлений, применяемых к решению норманнской проблемы, позволяет более объективно классифицировать взгляды современных исследователей и выделить несколько условных направлений или концепций.

Представители первой – «славяно-скандинавской» концепции представляют варягов скандинавами, отделяя их от русов. Многие исследователи этого направления локализируют русов на Среднем Днепре, считая их славянами.

В вопросе происхождения названия «русь» историки принимают либо «южную версию», которая связывает этноним с иранскими или индоарийскими корнями, либо следуют версии о соединении «северного» и «южного» названия русь. Главным моментом «варяжского вопроса» они считают не этническую принадлежность варягов, а ту роль, которую они сыграли в процессах складывания Древнерусского государства. Историки этого направления считают, что определенный вклад в создание государства они внесли, но это был далеко не первостепенный фактор [5,6,7].

«Норманнская» концепция связывает имена варягов и руси со скандинавами, считая русь теми скандинавами, которые пришли с Рюриком «по ряду», а варягов – обозначением всех других скандинавов на Руси, которые служили в дружине князя и приносили клятву верности.

Исследователи этого направления отмечают раннее проникновение норманнов на север Восточной Европы, что сопровождалось основанием торгово-ремесленных поселений с присутствием скандинавского компонента. Северные племена славян и финнов пригласили варягов, которые стали военной элитой Древнерусского государства, затем возглавившей государство [8, 9].

«Славяно-южнобалтийская» концепция, основанная на исследованиях XIX в., связывает варягов со славянскими племенами варинов или вагров. Имя руси здесь отождествляется с племенами ругов. Представители этой концепции стремятся показать высокий уровень развития южнобалтийских славян, которые переселялись на Русь несколькими волнами. Варягам отводится значимая роль в истории Руси как создателям Древнерусского государства – крупнейшего государства Средневековья [10].

Еще один подход, который соотносит варягов с населением Южной Балтики, это концепция А.Г. Кузьмина. Исследователь сближает варягов и русь с различными неславянскими народами Европы, которые впоследствии подверглись славянизации. Имя варягов А.Г. Кузьмин связывает с

варинами – северными иллирийцами, чье имя происходит от корня «var», связанный с обозначением воды.

Русь представлена в концепции А.Г. Кузьмина тремя народами, которые основали многочисленные «Русии» по всей Европе. Первый из них – рутены, кельтское племя, второй – руги, кельтические племена, потомки рутенов, и третий – это русы-аланы (роксоланы). Под натиском франков указанные племена стали мигрировать на восток, вовлекая в свое движение варингов. Постепенно они славянизировались, а на Руси сформировали «род русский», с которым А.Г. Кузьмин связывает установление вертикали власти. Это привело, по его мнению, к противостоянию «Земли» (местного населения) и «Власти» иноплеменного «рода русского» [11].

Представленные пути решения норманнской проблемы – концепции или направления, существующие в российской исторической науке, не могут охватывать всех исследователей, поэтому проблема современного состояния «варяжского вопроса», безусловно, требует дальнейшего изучения и классификации попыток его решения.

Библиографический список

1. Мошин В.А. Варяго-русский вопрос // Варяго-русский вопрос в историографии. М., 2010.
2. Кульков А.Е. «Варяжский вопрос» в советской исторической науке как особый этап развития проблемы // Платоновские чтения: материалы и доклады XXII Всероссийской конференции молодых историков (Самара, 9-10 декабря 2016 г.) / Отв. Редактор П.С. Кабытов. Самара, 2017.
3. Фомин В.В. Варяжский вопрос: его состояние и пути решения на современном этапе // Сборник Русского исторического общества. Т.8 (156). Антиномизм / Под ред. Кузьмина А.Г. М., 2003.
4. Клейн Л.С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009.
5. Горский А.А. Русь. От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004.
6. Свердлов М.Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб., 2003.
7. Седов В.В. Русы в VIII-IX вв. // Этимология. 1997-1999. М., 2000. С.146-152.
8. Скрынников Р.Г. История российская IX – XVII вв. М., 1997.
9. Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Скандинавы на Руси и в Византии в X-XI веках: к истории названия «варяг» // <http://www.ulfdalir.ru/literature/735/3378>
10. Фомин В.В. Варяги и варяжская русь: к итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005.
11. Кузьмин А.Г. Начало Руси. Тайна рождения русского народа. М., 2003.

ВЫЯВЛЕНИЕ И ХАРАКТЕРИСТИКА ЗНАЧИМОГО ЧУЖОГО В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СМИ: ВРАГ, ЧУЖОЙ-УГРОЗА, ЧУЖОЙ-ЖЕРТВА

Сегодня средства массовой информации являются в политике государств мощным инструментом, с помощью которого можно влиять на восприятие людьми других стран и народов и, формируя их образы и имиджи, способствовать решению внешнеполитических и внутривнутриполитических задач. Имидж может приобретать разные оттенки, например, образ врага, угрозы и жертвы. В своей работе я попробую понять как формируются образы «значимых чужих» в правительственных СМИ современной России. Для проведения исследования мной была выбрана «Российская газета», так как именно это издание отражает официальную позицию РФ и занимает лидирующие позиции по тиражу и просмотрам в Интернете. К исследованию привлекались материалы газеты за период с 20 января по 20 марта, поскольку после инаугурации Дональда Трампа ожидалась перемены во внешней политике этой страны, которые повлияли также на политику других стран. Исследование проводилось с помощью количественного контент-анализа, который позволяет создавать таблицу-матрицу с необходимыми конструктами, сосредоточивать внимание на содержательной интерпретации и выявлять закономерности.

Исследование показало, что в представлениях о партнерах по международным отношениям, которые транслируются населению РФ «Российской газетой», главными «чужими-угрозами» этого периода показаны США, Украина и КНДР. «Угроза» США в первую очередь определяется непредсказуемостью действий нового президента, поэтому обстановка характеризовалась как «ощущение ужаса и глобальной политической катастрофы, подготовка к сложным временам странами Восточной Европы» [1]. Сам Дональд Трамп характеризовался как «не наш человек» [2], потому что его действия и намерения не отвечали интересам РФ в сфере безопасности. На страницах «Российской газеты» отмечались: отсутствие четкости в доктрине ядерного оружия, которая несет опасность, отсутствие желания продлять договор СНВ-3 и размещением американских ракет в Южной Корее и Румынии. А стремления России установить положительный контакт с США сталкиваются с действиями недоброжелателей в Конгрессе США, которые «стараясь изо всех сил растоптать любые ростки позитива в отношениях стран» [3]. Украина предстает перед читателем как угроза, благодаря постоянным провокациям, а именно появлению украинских самолетов над территорией РФ, а также резким обострением конфликта с непризнанными республиками ДНР и ЛНР именно в этот период. Подчеркивает-

ся «образ жертвы», с помощью которого Украина надеялась наладить отношения с новым руководством США и втянуть в свои проблемы и привлечь большее финансирование. В марте 2017 для читателя в России Украина становится жертвой, которая терпит большие убытки из-за экономической блокады с ДНР. Обостряется в этот период угроза на Востоке – КНДР запускает ракеты, которые провоцируют новое руководство США.

Много говорится об одном из главных врагов РФ – ИГИЛ (организация запрещенная в России) – это участник международных отношений, который совершает насилие по отношению к другим и получает ответное насилие по отношению к себе, совершающий «варварские действия» и характеризуется как «рассадник терроризма, который несет угрозу нашей стране и зараза, с которой надо покончить» [4].

Главными «чужими-жертвами» являются Сирия и ДНР (непризнанное государство в Восточной Европе). Сирия – пассивна в решении своих проблем, связанных с безопасностью, и нуждается в помощи извне со стороны сильных государств. Захват Пальмиры, разрушение Римского амфитеатра, казнь людей боевиками ИГИЛ – основные конструкты, которые сообщают о бедственном положении государства. РФ оказывает Сирии гуманитарную помощь, а также проводит переговоры по ситуации в Сирии. Данным переговорам уделяется большое внимание в январе 2017. ДНР принимает на себя «агрессивные, варварские боевые действия, которым нет никакого оправдания со стороны украинской армии». Как следствие – 7 упоминаний в статьях о количествах жертв. Государственная дума РФ призывает Украину прекратить кровопролитие и геноцид в Донбассе. Присутствуют аналогичные с Сирией конструкты о массированных и интенсивных артобстрелах, штурмах, использование запрещенных средств и методов войны – применение против мирного населения тяжелой техники. Бедственному положению в ДНР были посвящены статьи, где рассказывалось о развитии у людей посттравматического синдрома и атрофированного чувства страха. Используется такой конструкт как «ДНР и ЛНР отторгнуты своим государством» [5]. Министерство иностранных дел Российской Федерации называет действия Украины «противоречащими человеческой совести» [6].

Таким образом, статьи «Российской газеты» четко с помощью определенных конструктов, подчеркиваний действий актора формируют образы государств и организаций, которые легко воспринимаются читателем.

Библиографический список

1. Песков ответил на слова Чубайса про ужас в Давосе // РГ. URL: <https://rg.ru/2017/01/20/peskov-otvetil-na-slova-chubajsa-pro-uzhas-v-davose.html>
2. Москва будет рассчитывать на разумный диалог с США // РГ. URL: <https://rg.ru/2017/01/21/moskva-budet-rasschityvat-na-razumnyj-dialog-s-administraciej-trampa.html>

3. В Кремле рассказали о планах контактов Путина и Трампа // РГ. URL: <https://rg.ru/2017/01/23/v-kremle-rasskazali-o-planah-kontaktov-putina-i-trampa.html>
4. Песков рассказал о борьбе с «ИГ» без участия США // РГ. URL: <https://rg.ru/2017/03/04/peskov-rasskazal-o-borbe-s-ig-bez-uchastii-ssha.html>
5. В Кремле прокомментировали национализацию предприятий в Донбассе / / РГ. URL: <https://rg.ru/2017/03/01/kreml-nacionalizaciiu-v-donbasse-nekorrektno-nazyvat-otzhimom.html>
6. Лавров назвал лишенной здравого смысла блокаду Донбасса // РГ. URL: <https://rg.ru/2017/03/15/lavrov-nazval-lishennoj-zdravogo-smysla-blokadu-donbassa.html>

СЕКЦИЯ IV. РУССКАЯ КУЛЬТУРА, ИСТОРИЯ ЭТНОСОВ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Е.В. Кулакова

Самарский национальный исследовательский университет

О МИРЕ «ЧУВСТВОВАНИЙ» И РОЛИ ЖЕНЩИНЫ-ДВОРЯНКИ В СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В 20-50 гг. XVIII в.

Историческая наука, занимаясь русским средневековьем, была в значительной степени лишена исследований, касающихся внутреннего мира человека. Поскольку наука была лишена самого необходимого — источников... Лишь XVIII век предоставляет возможности для развития данного направления исследований. Н.Л. Пушкарева заметила, что именно XVIII в. можно по праву считать «золотым веком частной жизни, веком приоритета индивидуальности» [6, с. 43]. В XVIII в. в России появляются первые женские дневники, воспоминания, благодаря которым возможно реконструировать мир чувств женщины, особенности мировосприятия, повседневную жизнь и быт, по тому, как они сами его описывали.

Цель данной работы — рассмотреть факторы изменения положения женщины-дворянки в семейно-брачных отношениях во второй трети XVIII в.

Задачи: охарактеризовать мир чувств женщины-дворянки в середине XVIII в. и обозначить изменения, которым он подвергается вследствие трансформации русского общества.

Историография по рассматриваемому вопросу не столь обширна. Наиболее плодотворным следует обозначить дореволюционный период, который обозначен классическими для современной исторической науки трудами В.О. Ключевского, Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.И. Михневича. Советский историографический этап характеризуется затишьем в изучении исследуемой проблемы, хотя уже 80-90-е гг. были отмечены комплексными исследованиями основательницы «женской истории» России Н.Л. Пушкаревой. Также советский период отмечен трудами Ю.М. Лотмана и М.К. Цатуровой. Работа Н.Л. Пушкаревой продолжается и в современном историографическом периоде, где также можно отметить труды О.Ю. Захаровой, А.В. Беловой, Л.Н. Семенович и других историков.

Источники личного происхождения становятся наиболее обширной группой — это многочисленные воспоминания, мемуары и записки лю-

дей, которые оставили для потомков свои мысли и описания повседневной жизни.

XVIII в. привносит в жизнь женщины главное новшество – понимание самостоятельности и наличия отличительных черт от мира мужчин, что, в первую очередь, помогает осознать целостность «женского» мира, его индивидуальность.

Индивидуальность, и одновременно, общность мира женщины в середине XVIII в. – это семья, искренняя любовь к мужу. Семейная жизнь женщины-дворянки становилась классическим примером, поскольку была «освещена особым светом любви к ней ее мужа», и это подтверждается и признаниями самого мужчины: «любовь юной моей подруги осветляла все мгновения и каждый шаг бытия моего...» [2, с. 247]. Описывая собственное чувство к «своему Иванушке» в 30-е гг. XVIII столетия Наталья Борисовна Долгорукова пишет: «Я не имела привычки, чтоб сегодня любить одного, а завтра другого... а я доказала свету, что я в любви верна: во всех злополучиях я была своему мужу товарищ» [7, с. 261]. Любовь княгини историк конца XVIII – начала XIX вв. В.И. Михневич называет действительно высоким, классическим образцом самоотверженной любви, многократно воспетой потом в поэзии [4, с. 145].

Таким образом, изменяется отношение к женщине и ее роли в семье – теперь в женах все меньше ищут подчинения как в допетровский период, теперь от жены ждут умения понять и проникнуться помыслами, поддерживать в трудную минуту, т.е. ищут друга. Хотя этим не ограничивался необходимый набор качеств «идеальной жены» для дворянина 30-50-х гг. XVIII века.

В женских мемуарах встречаются описания жены, какой она должна быть, С.В. Скалон определяет перечень характерных черт – это «отличная мать», «добрая жена», и «поистине добродетельная женщина» [8, с. 614]. Это подтверждается и действительными рассказами. Например, Н.Н. Мордвинова делится воспоминаниями о своей матери: «Матушка, неразлучная с батюшкой, всегда находила большое удовольствие разделять труды его в устройстве хозяйства» [5, с. 408]. Или графиня Р.С. Эделинг так описывает жизнь своей матери и всей семьи: «Батюшка, от природы склонный к меланхолии, стал поддаваться горести и... матушка поселилась в... поместии с пятью человеками детей. Ума живого и настойчивого, она принялась за новую деятельность, расширяла круг своих познаний, читала, воспитывала детей, предавалась благородному занятию сельским хозяйством...» [9, с. 195]. Общее мнение об идеале жены выражает Ф.В. Берггольц: «Смирна как агнец, делова, как пчела, красна, что райская птица, верна, что горлица» [1, с. 17].

Девицы в середине XVIII в., следуя традиции и православным церковным «постановлениям», нередко выходили замуж за мужчин, которые были старше их. Тогда в своих мужьях они старались найти руководителя и на-

ставника в благополучии своей жизни, а часто характеризовали их и как «ангела-хранителя». Так пишет княгиня Н.Б. Долгорукова, вспоминая свои отношения со своим «Иванушкой»: «Я все в нем имела: и милостивого мужа, и отца, и учителя, и старателя о спасении моем» [3, с. 65].

В связи с изменением отношения к роли женщины и жены в браке русское дворянство начинает по-другому оценивать соотношение жизненных ценностей. Так С.Н. Глинка пишет о «зоркой догадливости» женщины и силе ее интуиции, об их умении найти выход из сложной жизненной ситуации, необходимое решение проблемы, и пойти на компромисс, тогда как у мужчин «леность усыпляет способности, а отчаяние, ближайший сосед уныния, увлекает Бог знает куда и во что» [2, с. 243, 311]. Это же подтверждает и Н.Б. Долгорукова, рассуждая о воспитании и общественных настроениях, когда предназначение женщины заведомо определялось духовной поддержкой и опорой ее мужа [3, с. 57].

Следует сказать, что мир чувств женщины второй четверти XVIII в. остается не самой изученной темой для исторической науки XXI века. Но все же, необходимо отметить, что русская женщина «благородного» сословия, постепенно обретая сознание индивидуальности «женского мира», одновременно живет в русле традиционных установок для русской женщины-дворянки XVIII века.

Библиографический список

1. Берхгольц Ф.В. Дневник камер-юнкера Ф.В. Берхгольца. Т. 1-2. М., 1902-1903.
2. Глинка С.Н. Записки. СПб, 1895.
3. Долгорукова Н.Б. Своеручные записки // Записки русских женщин XVII – первой половины XIX века. М., 1990.
4. Михневич В.И. Русская женщина XVIII столетия. Исторические этюды. Киев, 1895.
5. Мордвинова Н.Н. Воспоминания об адмирале Николае Семеновиче Мордвинове и о его семействе. Записки дочери // Записки и воспоминания русских женщин XVIII – первой половины XIX века. М., 1990.
6. Пушкарева Н.Л. Частная жизнь русской женщины XVIII века. М., 2012.
7. Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгоруковой, дочери г. фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева // Безвременье и временщики: воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720-е – 1760-е годы) / сост. Е.В. Анисимов. Л., 1991.
8. Скалон С.В. Воспоминания С.В. Скалон (урожденной Капнист) // Исторический вестник. 1891. Т. 44. № 4.
9. Эделинг Р.С. Из записок графини Эделинг, урожденной Стурдзы // Русский архив. 1887. Кн. 1. № 2.

**КОНТРОЛЬ ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ХРИСТИАНСКИХ ОБЯЗАННОСТЕЙ
В ШКОЛАХ КАЗАНСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА
ПРИ ПОПЕЧИТЕЛЕ М.Л. МАГНИЦКОМ**

В России в основе воспитания и образования традиционно лежали каноны веры, правила нравственности и семейные ценности, основанные на православии. Начальное образование до конца XVIII в. дети получали или дома, или у служителей церкви, или под руководством частных учителей. Оно носило в значительной мере религиозный характер, основывалось на чтении текстов Священного Писания, богослужебных книг, молитв [2, с. 14-15].

Реформа в области образования, проведенная Екатериной II в 1780-1790-х гг., положила начало государственной системе общеобразовательных школ в России – главных и малых народных училищ. Среди прочих предметов в них на разных уровнях и в разные годы изучались сокращенный катехизис, пространный катехизис, священная история, объяснение Евангелия, христианские нравоучения, то есть все то, что со временем было объединено в одну дисциплину – Закон Божий. Вступив на престол в 1801 г., Александр I продолжил реформы в сфере просвещения. Все учебные заведения были разделены на 4 разряда: приходские и уездные училища, гимназии и университеты.

Руководство школьным делом в общероссийском масштабе было возложено на Министерство народного просвещения. Страна была поделена на учебные округа, руководителями которых были высокопоставленные чиновники – попечители учебного округа. Учебным делом в округе заведовал один из университетов страны, по которому назывался и сам округ. Губернии Поволжья входили в Казанский учебный округ, центром которого в 1804-1835 гг. был Казанский университет. Во главе округа стоял его попечитель.

В 1811 г. Закон Божий был введен во все общеобразовательные учреждения России как основной предмет. Количество часов на его преподавание увеличилось. Существовавшая при Екатерине II «практика не привлекать священников в качестве учителей казенных училищ и не выделять время на предметы духовно-религиозного содержания в старших классах средней школы» изменилась. Стало обязательным привлекать «священников в учебные заведения в качестве законоучителей», то есть преподавателей Закона Божьего. Это вело к росту «значимости их предмета в учебных заведениях» [3, с. 56, 63].

Более того, начиная с правления Александра I, предметы, связанные с вероучением, могли вести только преподаватели из числа священнослужи-

телей. Многие из них осуществляли благотворительные деяния на нужды школ в виде материальных пожертвований на строительство учебных заведений, бесплатного предоставления помещений для обучения в собственных домах, священники отказывались от положенного учительского жалования, жертвуя эти деньги на покупку книг для бедных учеников и другие школьные нужды [4, с. 111-112].

В 1817 г. было создано объединенное Министерство духовных дел и народного просвещения. Его возглавил князь А.Н. Голицын. Попечителем Казанского учебного округа был назначен в 1819 г. М.Л. Магницкий, который отличался религиозностью и консервативными убеждениями [5, с. 61, 63].

Высокопоставленный чиновник последовательно проводил политику государства, которое «видело в церкви духовного пастыря общества, инструмент влияния на все сословия» [6, с. 16]. Рассылаемые по его требованию запросы из Казанского университета в губернские дирекции училищ и в казенные учебные заведения должны были напоминать учителям о необходимости соблюдения ими и их учениками христианских обязанностей.

Отчеты о выполнении таких обязанностей, прежде всего, исповеди и причастия составляли директора гимназий и штатные смирители, руководившие деятельностью уездных училищ и приходских школ. Приводились сведения, когда учителя и ученики приходили к исповеди и причастию, предоставлялась информация о времени и месте совершения этих обязанностей, поступали сведения о тех, кто их не выполнил и по какой причине. В дальнейшем эти сведения поступали директору Казанского университета, который получил соответствующее поручение об их сборе от попечителя учебного округа.

Из рассмотренных нами отчетов директоров и штатных смотрителей за 1825 г. видно, что во всех учебных заведениях почти все учителя и ученики ходили к исповеди и причащались Святых тайн. Как правило, это происходило во время Великого поста. В случае нарушения этих правил, приходилось давать объяснения своего поведения и поступков. Чаще всего невозможность исповедаться и причаститься болезнями и «слабостью здоровья» [1, л. 5-5 об.].

Встречались случаи пренебрежения исповедью и причащением со стороны учителей без уважительных причин. А ряд учеников отказывались от исповеди и причастия «по воле родителей», которые были приверженцами старообрядчества и не признавали официальную церковь [1, л. 5-5 об., 20-20 об.]

Судя по имеющимся документам, не применялось никаких административных мер воздействия к тем, кто не был у исповеди и причастия по какой-либо причине. Власти удовлетворялись мерами морального воздействия: устным напоминанием о необходимости выполнения христианских обязанностей и перечислением допущенных проступков в письменных отчетах.

Таким образом, в начале XIX в. усилилась роль преподавания религиозных предметов в училищах в деле образования и воспитания школьников. К работе в школах стали активно привлекать священнослужителей, которые признавались первыми руководящими лицами в духовно-нравственном воспитании учащихся.

Религиозная компонента в народном просвещении усилилась во времена управления школьным делом в России министром А.Н. Голицыным, а в Казанском учебном округе – попечителем М.Л. Магницким. Директора и штатные смотрители учебных заведений должны были представлять властям не только отчеты о состоянии подведомственных школ и о результатах их ревизий, но и об исполнении христианских обязанностей исповеди и причащения Святых тайн как учителями, так и учениками.

Библиографический список

1. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 977. Оп. Ректор. Д. 57.
2. Артамонова Л.М. «Учили меня еще во младенчестве». Принципы и традиции образования молодых дворян в XVIII столетии // Родина. 2010. № 11. С. 13-15.
3. Артамонова Л.М. Закон Божий в школах России и Поволжья при Александре I // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2013. № 8-2 (109). С. 55-64.
4. Артамонова Л.М. Участие духовенства в открытии и деятельности общеобразовательных школ Казанского учебного округа в первой трети XIX века // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2012. № 8-2 (99). С. 110-117.
5. Климкина Э.В. Религиозное воспитание в России последних лет царствования Александра I // Культура и история в компаративном измерении: материалы I Всероссийского научно-методологического семинара. Самара, 2012. С. 61-66.
7. Карнишина Н.Г. Государственно-церковные отношения в России во второй половине XIX в. // Вестник Томского государственного университета.
8. История. 2014. № 5 (31). С. 16-22.

Е.В. Полубоярова

Самарский национальный исследовательский университет

«КАЮЩИЕСЯ ДВОРЯНЕ» И НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ НА СТРАНИЦАХ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ ПОРЕФОРМЕННОГО ПЕРИОДА

Проблема крепостного права и его исторических последствий была одной из основных в общественной мысли императорской России, она нашла отражение во многих художественных, публицистических, фольклорных произведениях, в исторических исследованиях. Источниками для освещения этой темы здесь послужила публицистическая литература, а именно,

выпуски журналов «Современник» (1861 г.) и «Отечественные записки» (1869 г.), авторы которых рассматривали на страницах издания насущные общественные проблемы, в том числе вопрос о положении народа на протяжении всей его истории. Особое внимание уделялось таким аспектам, как сравнение народной жизни в Древней Руси и жизни при Московских князьях; формальное и фактическое осуществление реформы 1861 года; «виды» помещиков после отмены крепостного права; деревенские школы и отношение народа к образованию [2; 8; 6; 1].

Одним из важных социокультурных последствий крепостничества стало появление таких людей, как «кающиеся дворяне». Выражение «кающийся дворянин» впервые ввел Н.К. Михайловский [3, с. 210], определив тем самым тип русского дворянина 40-60-х годов XIX в., страдавшего от осознания, что он и его предки — крепостники, и считавшего своим нравственным долгом «служение народу». Это были люди, раскаивающиеся в своем социальном положении и страстно желающие загладить свою историческую вину перед закрепощенным народом. Важность «вины перед народом» для формирования социокультурного облика русской интеллигенции отмечали такие исследователи, как И. Паперно, М. Могильнер, А. Эткинд [5; 4; 10]. Этика «кающихся дворян» во многом определяла программу данных журналов.

Казалось бы, после проведения крестьянской реформы вину дворян можно было бы считать заглаженной — народ освобожден. Однако, например, в одной из статей «Отечественных записок» за 1869 г. так описывается влияние крепостничества, сохраняющееся уже после его отмены: «Оно до сих пор остается единственным живым местом в нашем организме. Оно живет в нашем темпераменте, в нашем образе мыслей, в наших обычаях, в наших поступках. Хищничество — вот наследие, завещанное нам крепостным правом» [8, с. 207].

Увидев в скором времени «подводные камни» реформы и «хищничество» помещиков, сумевших приспособиться к новым условиям, «кающиеся дворяне» стремятся найти путь спасения народа от помещичьих уловок [6] и воспитать в нем способность к самостоятельной жизни. Одним из способов этого должна была стать просветительская работа. Сотрудники журналов рассуждали таким образом: «Вместо фантастических образов и понятий, народу нужны простые, сознательные мысли: вместо улучшенного Кириши Данилова и Голубиной книги ему нужна понятная история и география, вместо какой-нибудь старой “Толковой” книжицы для него полезнее будет новая толковая книга для чтения» [7, с. 33].

На страницах журналов уделялось внимание реакции самого народа на развернувшееся обучение крестьянских детей: «После долгих сходов и рассуждений у них явилось вот какое мнение: одни говорили, что детей будут грамоте учить, чтобы после взять их на фабрики; другие, что выучивши детей читать и писать, отправят куда-то далеко учителями к нехристям» [1,

с. 353]. Здесь явно прослеживается недоверие народа к обучению крестьянских детей, однако совсем скоро уже сами дети стали положительно относиться к школьным занятиям, мечтая стать художниками, военными, учеными или даже помещиками. Деревенские школы сумели обучить детей еще и умению делать правильный выбор, в соответствии с моралью и совестью. Об этом говорит приведенный в журнале отрывок стихотворения Л.Трефолева, где главный герой, отказавшись от собственных возможных выгод, выбирает делом всей жизни – науку: «Нет, я для блага узнаю науку, / Ближних моих горячо полюблю, / Множество азбук для них накуплю, / Духовника разутешу тогда я, / Крепко обнимет меня он, рыдая; / Скажет он, слез не стираючи с век: / “Малый! Я вижу, что ты – человек?”<...>Был я в мечтаниях, отдавшись разчетам / Паном, уланом и кем-то еще там? / Буду хоть биться и мучаться век, / Все же я буду мужик-человек!» [9, с. 278-284].

Таким образом, на страницах пореформенной прессы просвещение трактовалось как один из возможных путей к ликвидации последствий крепостного права, к сглаживанию социальной и культурной пропасти между «кающимися дворянами» и народом.

Библиографический список

1. Елисеев Г.З. Внутреннее обозрение // Современник, 1861. Т.85. № 1-2.
2. Елисеев Г.З. Когда благоденствовал русский мужик и когда начались его бедствия? // Отечественные записки, 1869. Т. 182. № 1-2.
3. Михайловский Н.К. Вперемешку // Михайловский Н.К. Полн. собр. соч. Т.4. СПб.: Русское Богатство, 1869.
4. Могильнер М. Мифология подпольного человека: радикальный микроскоп в России начала XX века как предмет семиотического анализа. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – 208 с.
5. Паперно И.С. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 207 с.
6. Пиотровский Н.И. Погоня за лучшим. Критические очерки // Русская литература // Современник, 1861. Т.86. № 3-4.
7. Пыпин А. По поводу исследований г. Буслаева. О русской старине // Современник, 1861. Т.85. № 1-2.
8. Салтыков-Щедрин М.Е. Практические последствия крепостного права. Учение о хищничестве. Затруднения в будущем // Отечественные записки, 1869. Т.182. № 1-2.
9. Трефолев Л. Деревенская школа // Отечественные записки, 1869. Т.183. № 3-4.
10. Эткинд А. Хлыст: секты, литература, революция. М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 644 с.

С.Я. ПАРНОК – «РУССКАЯ САФО» СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА?

Кто такие «русские Сафо»? Следовало бы выделить их общие черты, а также проследить сходство с архаической Сафо. С.Я. Парнок, малоизвестная в широких кругах поэтесса Серебряного века, в своем творчестве открыто заявляла о любви к женщинам и по-новому использовала античные образы, описывая свою жизнь, полную трудностей и мыслей о смерти (1885-1933).

Мифологизировался сам образ Парнок как «старшей подруги», поэтессы «лесбийской направленности» [8].

Отношения между С.Я.Парнок и М.И.Цветаевой «обнародовала» С.В.Полякова в своей монографической статье «Незакатные оны дни...» [6], в ней же говорится и о сафических мотивах в ее поэзии. Американская исследовательница Д.Л.Бургин в названии книги о С.Я.Парнок [2] использовала словосочетание «русская Сафо». В глазах же современников С.Я.Парнок представлялась скорее мужественной амазонкой, нежели жизнерадостной «певицей» женского сообщества.

С.Я.Парнок ассоциировала себя с Пенфесилеей, царицей амазонок в Малой Азии. Стихотворение «Возвращение» («Сафические строфы»), где лирическая героиня – вышеназванная предводительница, было опубликовано Парнок в сентябре 1916 года в петербургском журнале «Северные записки». Некоторые исследователи находят в нем повествование об утрате поэтом подруги-Цветаевой, об ее возвращении к мужу. «Письмо к амазонке» М.И.Цветаевой подтверждает эту гипотезу [1]. Интересно, что основание полиса Митилены на Лесбосе, родине древнегреческой Сафо, легендарная традиция приписывает именно амазонкам.

Выявление должного места С.Я.Парнок в истории русской литературы и определение значения «русская Сафо» по отношению к ней – одна из первоочередных задач, которая может стоять перед исследователем историко-филологической направленности.

Библиографический список

1. Бургин Д.Л. Мать-природа против амазонок. Эл.ресурс: <http://brb.silverage.ru/zhslovo/sv/sp/?r=about&id=3>
2. Бургин Д.Л. София Парнок. Жизнь и творчество русской Сафо. СПб., 1999.
3. Мир античности в зеркале русской поэзии. Антология. Т. 1. Мифология. М., 2014.
4. Парнок С.Я. Собрание стихотворений. СПб., 1998.
5. Пахомова О. С.Я. Парнок. 1932-1933 гг. Эл.ресурс: <http://parnok.ru/?p=199>

6. Полякова С.В. Незакатные оны дни: Цветаева и Парнок. Эл.ресурс: <http://brb.silverage.ru/zhslovo/sv/sp/?r=about&id=15>
7. Романова Е.А. Опыт творческой биографии Софии Парнок. «Мне одной предназначенный путь...». СПб., 2005.
8. Саакянц А.А. О любви. Эл. ресурс: <http://brb.silverage.ru/zhslovo/sv/sp/?r=about&id=4>
9. Свясов Е.В. Сафо и русская любовная поэзия XVIII – нач. XX вв. СПб., 2003.
10. Ходасевич В.Ф. София Парнок // Ходасевич В.Ф. Избранная проза в двух томах. Т.1. С. 202–204.
11. Цветаева М.И. Письмо к амазонке // Собрание сочинений в семи томах. Т. 5. М., 1994.

Л.Г. Мкртчян

Самарский национальный исследовательский университет

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ АРМЯНСКИХ БЕЖЕНЦЕВ В САМАРСКОМ КРАЕ В 1915-1920-х гг.

Армянская диаспора Самарского края приобрела юридический статус общины в период второй волны Геноцида армян 1918-1923 гг. Это было обусловлено резким увеличением численности диаспоры в связи с притоком беженцев из Армении. На основе хранящегося в ЦГАСО дела с паспортами армянских подданных [1] нами была создана база данных, с помощью которой удалось реконструировать социальный портрет армянских беженцев.

Архивные источники включают в себя 214 удостоверений армянских беженцев. Часть из них выдавалась за пределами России, другая же – в Самаре [1]. Удостоверения можно классифицировать по году их получения: общий период получения удостоверений – с 1915 г. по 1921 г. Из 182 беженцев, указавших год получения удостоверения, 146 (80%) указали 1919 г. 13 % беженцев указали 1920 г., 4% –1918 г. [1]. Период получения паспортов в Самаре составлял несколько месяцев оформления; в некоторых случаях они выдавались сразу.

Пик миграций приходится на весну 1919 г. в период массовых миграций преимущественно из Восточной Армении (Эриванской, Елизаветпольской, Карсской губерний), когда там происходили турецкие погромы после ухода русских войск в 1918 г. Местами выбытия армянских беженцев являлись Армения (181 человек или 84%), в том числе Елизаветпольская губерния (15 человек или 6%), Эриванская губерния (13 человек или 5%), Эрзерум (1%). 72% подданных Армении не указали конкретное место выбытия. Оставшаяся часть беженцев включала выходцев из Грузии (7%, в том числе

из Тбилисской и Кутаисской губерний) и Азербайджана (все 7% беженцев были из Баку) [1].

Параметр «Распределение армянских беженцев (глав семей, членов семей и одиноких) по полу» позволил определить численность армянских беженцев, данные о которых сохранились в архивных документах. Более половины беженцев (54% – 222 человека) составили мужчины, 35% (147 человек) – женщины, для 11% (44 человека, речь шла о детях) пол не был указан. Общее число беженцев составило 413 человек [1].

Семейное положение указали 39% армянских беженцев. Семья чаще всего состояла из близких родственников (родители, дети, дяди, тети). Почти половина (43%) не указала данных о семье. Поскольку графа «Семейное положение» могла пониматься в разных аспектах, некоторые беженцы писали, состоят ли они в браке или нет (женатые и замужние составили 4%, неженатые молодые люди – 9%, вдовы – 5%).

Отметим, что 89% владельцев удостоверений беженцев и получивших российские паспорта (то есть абсолютное большинство) указали свой возраст и возраст членов семьи. Преобладающую возрастную группу (62%) составляет молодое поколение от 20 до 44 лет [1].

Численность детей беженцев составила 103 человека, причем у 68% из них был указан возраст. Четверть из указавших возраст составили дети до 9 лет (13% – до 5 лет, 12% – 5-9 лет). Почти половину (43%) составили дети подросткового возраста (20%) и совершеннолетние (23%) [1]. То есть, большинство составили дети от 15 до 18 лет.

Следует отметить, что сохранилось лишь 11% заполненных армянскими беженцами анкетных листов иностранцев. В них указывался род занятий на родине и в России. Были указаны следующие занятия на родине: садоводство, учеба, служба, лесничество, чувяшничество (изготовление обуви), сапожничество, портновское и парикмахерское дело [1]. В Самаре их род занятий незначительно отличался от прежнего: 4 человека из 7, указавших род занятия «чувяшник», сохранили род деятельности в Самаре. 3 человека указали, что служат в Горпотребе. Также были указаны следующие занятия: служба на Самарской железной дороге, в Отделе военачальника Самары, в Самарском губернском бюро, парикмахерское дело, учеба, хлебопашничество, черноработий.

Анализируя данные из анкетных листов, можно заметить две особенности. Во-первых, в них избегали приводить данные, подтверждающие статус беженца. Под графой «Цель прибытия» указывались личные причины (учеба, служба и пр.). Однако имена заполнявших анкетные листы лиц были обнаружены и среди билетов и удостоверений беженцев. Например, Аваков Карапет Сергеевич в анкетном листе указал, что в Россию прибыл в 1905 г. по работе [1, л.29]. Вместе с тем на его же имя есть билет беженца, выданный Самарским отделом Датского Красного Креста в апреле 1919 г. [1, л.76].

Во-вторых, указывалась лояльность по отношению к советской власти, которую было необходимо подтвердить через организации или конкретных людей. Это наводит на мысль о том, что власти было удобнее не афишировать вопрос об армянских беженцах и масштабах проблемы в условиях заполненности Самары тысячами различных беженцев.

Таким образом, архивные данные позволяют сделать вывод о том, что армянские беженцы с семьями стали массово прибывать в Самарский край в 1919 г. Центром прибытия была Самара, но беженцы были также во всей Самарской губернии и сопредельных регионах. Армянские беженцы были выходцами преимущественно из Восточной Армении. По социальному составу это были представители средних ремесленных слоев, в основном молодого поколения. Четверть от общего числа беженцев составили дети (до 5 лет и подростки).

Библиографический список

1. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф.Р-193. Оп.4. Д.8.

А.В. Бочарова

Самарский национальный исследовательский университет

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО ГОРОДА В 1920-Е ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ САМАРЫ)

Революционные события 1917 г. и последующее формирование советской государственности являются одним из самых драматичных периодов в истории взаимоотношений религиозных институтов и государства в нашей стране. После захвата власти, большевики были вынуждены обратиться к сознанию той части общества, которая придерживалась религиозных обрядов. Этот традиционно ориентированный социум являлся основой в российском государстве и главной задачей власти было заменить религиозную обрядность русского народа на идеологию марксизма, затронув при этом все слои общества, все народы и конфессии.

Уровень религиозности населения Российской империи до революционных событий 1917 г. несомненно, был достаточно высок, однако процесс секуляризации жизни, начавшийся еще с середины XIX века, не мог не повлиять на ослабление значения религиозных обрядов и освобождение от власти религиозных запретов большинства населения страны [8, с.326]. К 1916 г. по данным Синода, происходило массовое отпадание от веры [1]. Наблюдалась тенденция индифферентного отношения к православию со стороны крестьянского населения. Конечно, еще по-прежнему

горожане следовали религиозным обрядам, участвовали в церковных праздниках, посещали церковь по воскресениям, однако за общей картиной благочестия можно было увидеть постепенный отход от соблюдения всех имеющихся предписаний. Например, к 1910 г. вырос процент пропусков исповеди и причастия по неуважительной причине, а пост понимался населением, прежде всего, как воздержание от определенной пищи и интимных отношений [8, с.327].

Все это происходило от низкой религиозной просвещенности простого народа в России, от слепого следования обрядам и традициям. Как писала Зинаида Гиппиус: «Народ русский никогда не был православным. Никогда не был религиозным сознательно. Он имел данную форму христианства, но о христианстве никогда не думал. Этим объясняется та легкость, с которой каждый, если ему как бы предлагается выход из отчаянного положения — записаться в коммунисты, — тотчас сбрасывает всякую «религиозность». Отрекается, не почесавшись» [2, с.145].

Октябрьская революция изменила отношение к религии. Уже в 1917 г. были выпущены два декрета, регулирующих сферу религиозных отношений. И постепенно, в советской России началось перевоспитание всех слоев населения. Смена господствующего в обществе мировоззрения прошла для большевистского руководства в довольно короткие сроки, так как «значительная часть населения страны в силу патриархальности мировоззрения отождествляла идеалы христианства и коммунизма» [6, с.147].

Один из партийных теоретиков того времени Арон Залкинд, в своем труде по психологии, где формулировал пролетарскую этику, использовал прямые заимствования из религиозной сферы [6, с.147]. «Десять христианских заповедей — своеобразный теистический моральный кодекс — вполне подходят для этических нужд социалистического государства, необходимо лишь изменить их классовую направленность» [4], писал он в своей работе.

Но прежде чем внедрять новые устои жизни и новую мораль, руководству страны требовалось ослабить и уничтожить влияние старых предрассудков, очернить прежнюю религиозную обрядность. После провозглашения новой экономической политики, с ее относительной свободой в различных областях общественной жизни, с возвращением ряда прежних традиций и даже праздников, руководству новой России было важно не потерять достигнутых результатов в религиозной модификации, не прекращая и внедрение новой идеологии [7, с.31]. В задачах и методах пропаганды безбожия в Самарской области можно было встретить такие слова: «В деревне возобновляется исполнение религии даже в новых формах, при новой обстановке — кулаками и нэпманами в своих классовых интересах» [14, с.21].

В июле 1921 г. отдел пропаганды и агитации при ЦК ВКП(б) и его национальные отделения получили установку на проведения антирелигиозной пропаганды. Немного позже, В.И. Лениным в работе «О значении

воинствующего материализма», опубликованной в марте 1922 г. была конкретизирована данная идея [3, с.26]. Антирелигиозная кампания, включала в себя целый ряд мероприятий, направленных на искоренение религиозных практик из жизни общества.

В стране начали проводить собрания, лекции и беседы, посвященные борьбе с религиозными предрассудками. Стали готовиться к масштабным антирелигиозным празднествам и в Самаре. Опыт проведения Комсомольского Рождества был дан по всей Республике и, в частности, в Самаре он дал положительные результаты. Идея получила дальнейшее развитие и возникла мысль затронуть один из важнейших церковных праздников православных христиан — Пасху.

Проведение Комсомольской Пасхи решено было устроить в форме карнавала, который устраивался в первый день Пасхи. Участие в Комсомольской Пасхе было добровольным [12, л.51], но очевидно желательным. Карнавал собирался организованно на Ильинской площади к 3 часам дня. А к вечеру уже при свете факелов и звезд процессия шла к собору, где происходит митинг-парад: торжественное сжигание макетов церкви, попа, муллы, будды и др. Далее читался антирелигиозный доклад, устраивались грандиозные антирелигиозные постановки [11, л.68]. Видные архитекторы и художники принимали активное участие в художественном оформлении города во время проведения революционных праздников [5, с.215].

С середины 1920-х гг. в Самарской губернии начинает играть заметную роль в общественной жизни страны «Союз безбожников», задачей которого было объединить всех сознательных трудящихся для организации активной борьбы против религии во всех видах и формах [10, с.2]. Из отчета Самарской губернской организации безбожников за 1926 г. можно узнать, что в декабре 1925 г. в городе был организован антирелигиозный музей, который посещало большое количество людей [10, □10].

Однако, несмотря на все приятые меры, религиозность населения Самарской губернии к концу 1920-х гг. оставалась по-прежнему высокой, хотя в ней и прослеживались новые идеологические отголоски. В июле 1928 г. в Самарском округе числилось 198 обществ и групп разного вероисповедования [9, с.109]. Однако, как бы власть не боролась с религиозными традициями, в середине 1920-х гг. больше половины населения исполняло старые обряды.

Таким образом, 1920-е гг. в религиозном плане представляли собой смесь двух дискурсов, двух типов сознания населения: традиционного религиозного и нового идеологического, направленного против первого. И в условиях зарождающегося советского государства и формирования общества, их борьба только начиналась.

Библиографический список

1. Андреева А.А. Элбакян Е.С. От бога ли закон Божий? Газета Независимая. http://www.ng.ru/ng_religii/2012-03-07/7_zakon.html
2. Гиппиус З.Н. Дневники. Варшава, 1920.
3. Дмитриенко В.Д. Торговая политика Советского государства после перехода к НЭПу 1921-1924. М., 1971.
4. Залкинд А.Б. Революция и молодежь. М., 1925.
5. Каркарьян В.Г. Самара-Куйбышев-Самара или Три портрета одного города. Самара, 2004.
6. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии 1920-1930 гг. СПб., 1999.
7. Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1975.
8. Мионов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX века). Т.2. СПб., 2000.
9. Подмарицын А.Г. Очерки истории Самарской епархии. Самара, 2008.
10. Самарский центральный государственный архив Самарской области (ЦГА-СО). Ф.20. Оп.1. Д.21.
11. Самарский областной государственной архив социально-политической истории (СОГАСПИ) Ф.53. Оп.1. Д.363.
12. СОГАСПИ. Ф.4. Оп.1. Д.140.
13. СОГАСПИ. Ф.1141. Оп. 42. Д.176.
14. СОГАСПИ. Ф.3. Оп.1. Д.378.

Г.А. Зыбанова

Самарский национальный исследовательский университет

ДЕТСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ САМАРЫ 1920-х гг. ГЛАЗАМИ ПИОНЕРВОЖАТОЙ АННЫ УСТИНОВОЙ

В Самарском областном государственном архиве социально-политической истории мной были обнаружены два уникальных дела, ранее не вводимых исследователями в научный оборот, повествующих о детской повседневности Самары 1920-х гг.

Первое дело – «Воспоминание Устиновой А.П. об отправке голодающих детей Поволжья на Украину» [5]. В 1921 году 19-летняя Анна Устинова была отправлена в качестве сопровождающей группы детей на Украину, чтобы спасти их от голодной смерти. Вместе с Анной и еще тремя воспитательницами эшеленом из Самары выехало более двухсот детей возрастом от одного года, взятыми сиротами или от родителей. Они были «очень исхудавшие, бледные, вялые и почти ко всему, кроме пищи, безразличные» [5, л. 6]. До Каменец-Подольска доехало 125 ребят, остальные были сняты по пути с поезда в больницы или разосланы в крестьянские семьи в разные города России [5, л. 6-7]. Глазами одного человека перед нами вы-

страивается целая картина той действительности, к условиям которой пришлось адаптироваться ребенку в советской России 1920-х годов.

Период 1921-1922 гг. вошел в историю России как время страшно-голода. Особенно сильно пострадали дети [6, с. 143]. В поисках куска хлеба и приюта дети бродили по улицам, ночевали в подвалах жилых домов, в пустых вагонах и у асфальтовых котлов. На улицах Самары можно было видеть трупы взрослых и детей [5, л. 6]. История, рассказанная женщиной-квakerом Анной Хэйнс, которая также была очевидцем страшных событий, подтверждает, что Самара на тот момент – самый крупный город голодающего Поволжья, откуда в поездах перевозили изможденных голодом и болезнью детей в более благополучные районы [2, с. 59-64].

Эшелоны с детьми отправлялись в урожайные республики и города: в Белоруссию, в Ташкент, Самаркан, Кустанай, Житомир [5, л. 5]. А.П. Устинова вспоминает, что в Каменец-Подольске, куда был отправлен эшелон, «ввиду загрузки уже детдомами» [5, л. 7] их переадресовали в местечко Дунаевцы, где их ждал дом, подготовленный только для 25-ти человек. Дети больные, полуголые, а в комнатах «не только нельзя лежать, но и стоять было тесно» [5, л. 9]. Анна понимала, что необходимо срочно принимать меры. Можно было перевезти ребят в другой город или село, могли дать указание раздать детей по крестьянам, но, как отмечает автор воспоминаний, «крайне не хотелось ни того, ни другого» [5, л. 9-11].

Пережив с детьми все трудности, Анна добивается для своих воспитанников нормального жилья и условий существования. Пробудет она с ними вплоть до возвращения на родину. К 1923 году становится жизнь лучше и в Самаре. Родители и родственники стали разыскивать своих детей, в результате чего домой было отправлено 55 детей. В 1924 году возвращается в Самару и А.П. Устинова с остальными ребятами, где их передали в детский приемник, находившийся в здании по ул. Фрунзе д.87/89 [5, л. 11-18].

Дальнейшую судьбу Анны мы узнаем из второго дела – дневника Устиновой Анны 1924 года, поступившей на курсы организации «Ю.П.» (Юных пионеров) [4, л. 1]. На первых же его страницах мы находим запись: «Приехав в Самару из Украины с детьми, с которыми была в 1921 г. эвакуирована в связи с голодом, я осталась без работы, да и оказалась в очень печальном положении по отношению квартиры, питания и т.д.» [4, л. 1].

Далее дневниковые записи касаются распорядка дня, поиска способов пропитания и средств на существование, однако большая часть посвящена самому содержанию курсов «Ю.П.», так как курсанты, по всей видимости, должны были вести определенные записки [4, л. 1-25].

Интересна запись от 6 апреля 1924 года, в которой Анна пишет, как пришли к ней ее бывшие воспитанники «делиться... своей печальной жизнью» [4, л. 15]. Воспитателям в приюте лишь бы отсидеть свои часы, заведующая не следит за ребятами, а завхоз «грубый-пьяница» [4, л. 15]. А. П. Устинова задается вопросом: «Как такие люди могут работать среди де-

тей?» [4, л. 15]. Ведь на время пребывания на Украине дети «привыкли быть всегда с руководителями как товарищами и быть занятыми а не бездельничать» [4, л. 15].

Стоит сказать, что у того дома на Украине, где боролась за жизнь самарских детей молодая Анна, позднее была поставлена скульптура «Семь человек детей и одна воспитательница» в память о данных событиях [5, л. 18].

Какая причина «большой истории» заставила наших героев попасть в такую ситуацию? Революция и гражданская война ударили по самой социально незащищенной категории населения – детям. Исходя из этого, советская власть среди приоритетов государственной политики назвала заботу о детях [6, с. 47]. Социально-политическое развитие России в 20-е и в последующие годы XX века многие современные исследователи связывают с парадигмой формирования «нового человека» [3, с. 438]. С исследовательской позиции интересна та реальность, с которой сталкивался «маленький человек», в этом, как отмечает Н.Б. Лебина, «гигантском социальном эксперименте» [1, с. 3]. Акцент в политике, проводимой властью, был направлен, прежде всего, на воспитание подрастающего поколения. Свое проявление этот процесс находит в создании филантропических и медицинских учреждений, развитии движения детских домов. Как видно из анализируемых источников, лозунги советской власти об оказании помощи детям не были голословными.

Моей задачей было показать, как история одного человека позволяет отразить разнообразие общеисторического процесса, способствует обогащению исторической науки новыми фактами и конкретными событиями. История А.П. Устиновой является отражением повседневной жизни общества 1920-х годов и показывает, как проходила адаптация ребенка к условиям динамично изменяющегося общества в советской России.

Библиографический список

1. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920-1930 годы. СПб., 1999.
2. Отрывок из публикации // Фондом помощи голодающим в России, Нью-Йорк (1922) // Макфадден Д., Горфинкел К. Советская Россия 20-х гг. глазами друзей. Самара, 2010.
3. Рожков А.Ю. Молодой человек в советской России 1920-х годов: повседневная жизнь в группах сверстников (школьники, студенты, красноармейцы): диссер. докт. ист. наук. Краснодар, 2003.
4. СОГАСПИ. Ф. 53. Оп. 2. Д. 49.
5. СОГАСПИ. Ф. 651. Оп. 7. Д. 105.
6. Смирнова Т. М. Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917 – 1940 гг. Москва – Санкт-Петербург, 2015.

КОМПОЗИТОРЫ «ЗАПАСНОЙ СТОЛИЦЫ» В 1941-1945 гг.

Великая Отечественная война породила абсолютно новые жанры в песне, музыкальных произведениях, которые не могли появиться в мирное время. Характерным мотивом было обращение к общечеловеческим ценностям, композиторы старались своими произведениями пробудить в слушателях ненависть к захватчикам и любовь к Родине.

В военные годы число композиторов и музыковедов в регионе заметно возросло за счет прибывших в эвакуацию. Среди них были: Р.М. Глиэр, Д.Д. Шостакович, Л.Н. Оборин, С.А. Чернецкий, К.М. Щедрин, Д.А. Рабинович и др. [11, с. 58]. Не прекращалась и деятельность местных композиторов – В.Н. Денбского, Л.Ф. Другова, А. А. Эйхенвальда, А. Ю. Ожарко, А. В. Фере.

Одной из ярких страниц в творческой деятельности Куйбышева стал приезд Большого театра в октябре – ноябре 1941 г. С одним из эшелонов в октябре 1941 г. прибыл Д.Д. Шостакович [6, с. 18]. Концентрация местных и эвакуированных композиторов стала базой для открытия Куйбышевского отделения советских композиторов в декабре 1941 г. во главе с Д.Д. Шостаковичем [3, с. 4]. За время войны куйбышевскими композиторами было написано около 600 музыкальных произведений малой формы, из них 300 на тему Великой Отечественной войны [10, с. 87].

В песенных жанрах получает активное распространение героико-патриотическая тема. На первое место выходят маршевые песни. В газете «Волжская коммуна» были опубликованы ноты куйбышевского композитора В.Н. Денбского [2, с. 4]. Он написал для оркестра и хора песню на стихи местного поэта А. Возняка «Да будет священна с врагами война». Песня разучивалась ансамблем песни и пляски Дома Красной Армии. Уже в 1941 г. В.Н. Денбский был принят в Союз композиторов. В Куйбышеве им были созданы произведения – опера «Маскарад» по драме Лермонтова и оперетта «Фронтальная бригада» [7, с. 54].

Деятельность Государственного академического Большого театра оперы и балета в Куйбышеве внесла неоценимый вклад в развитие музыкальной и театральной жизни города. 23 августа 1943 г. Куйбышевский обком ВКП (б) и облисполком объявили благодарность коллективу Большого театра за творческую работу в период нахождения в эвакуации (1 год 8 месяцев) [8, л. 66]. Под руководством Дмитрия Шостаковича началась активная жизнь Союза композиторов: еженедельные заседания «Музыкальные среды». На одной из первых «сред» Шостакович исполнил первые три части своей знаменитой Седьмой симфонии. Потом началось обсуждение произведения, в котором принимали участие чешский профессор З. Неядлы, венгер-

ский композитор Сабо, куйбышевский композитор В.Н. Денбский и др. [3, с. 4]. А уже 5 марта 1942 г. в здании Куйбышевской оперы и балета состоялась премьера Седьмой (Ленинградской) симфонии в исполнении симфонического оркестра Большого театра (дирижировал Самуил Самосуд) [4, с. 3]. За Ленинградскую симфонию Д.Д. Шостаковичу была присуждена Сталинская премия [5, с. 2].

Газета «Волжская коммуна» выделила под отзывы о симфонии целый разворот. Народный артист Л. Шнейнберг в своем отзыве отметил, что «Седьмая симфония будет одинаково понятна и специалистам музыковедов и массовому слушателю» [4, с. 4].

Куйбышевским отделением советских композиторов проводились конкурсы на лучшие музыкальные произведения. Так, на «Открытом конкурсе на лучшее музыкальное произведение всех жанров, посвященном 25-летию Великой Октябрьской социалистической революции», в 1942 г., куйбышевский композитор С.О. Орлов получил два почетных диплома. Первый за симфоническую поэму, посвященную Великой Отечественной войне – по разделу симфонической литературы и второй – по разделу массовой и эстрадной литературы за «Партизанские частушки» на слова М. Танка [1, с. 15]. Всего в конкурсе приняло участие 27 авторов, было представлено 58 произведений. В декабре 1944 г. состоялся второй конкурс, организованный Союзом композиторов, на лучшее произведение для оркестра на волжские темы. А.А. Эйхенвальд представил увертюру на темы трех бурлацких песен; А.В. Фере исполнял свою увертюру-фантазию на темы волжских песен, а И.Ф. Лысенко представил «Волжскую фантазию» для духового оркестра [9, с. 129].

В период войны создавались и масштабные произведения. Так, А.А. Эйхенвальд написал оперетту «Табачный капитан» (1942 г.) и оперу «Ашказар» для башкирского театра (1944 г.) [6, с. 98].

Четыре года Великой Отечественной войны были страшными годами испытаний, лишений и великих подвигов, как на фронте, так и в тылу. Деятели музыкальной культуры не только создавали новые произведения, но рождали абсолютно новые жанры в искусстве. Никогда еще музыка не играла такой важной роли. С песней шли в бой, с песней встречали весенний майский день 1945 г.

Библиографический список

1. Бадун В.Н. Музыкальная культура города Куйбышева в годы Великой Отечественной войны. Куйбышев: [б. и.], 1984. 18 с.
2. Волжская коммуна. 1941. 9 июля.
3. Волжская коммуна. 1941. 16 декабря.
4. Волжская коммуна. 1942. 4 марта.
5. Волжская коммуна. 1942. 15 апреля.
6. Добрусин В. Культурная элита запасной столицы: в иллюстрациях и документах. Самара, 2017. 111 с.

7. Митин В.Т. Композитор Виктор Николаевич Денбский. Новосибирск: Окарина, 2010. 156 с.
8. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 656. Оп. 22. Д. 11.
9. Тузова О.В. Музыкальная культура Среднего Поволжья в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Самара: Изд-во СамГТУ, 2005. 241 с.
10. Храмков Л.В., Храмкова Н.П. Самара и Самарская область в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Самара: Самарский университет, 2008. 289 с.
11. Храмкова Н.П. Культура Среднего Поволжья в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Самара: Изд-во КГПИ, 1993. 72с.

В.В. Леванова

Самарский национальный исследовательский университет

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ В ШКОЛАХ СССР В 1960-Е ГГ.

Школьная сеть – базовая составляющая, которая призвана ковать кадры юных строителей коммунизма. Процесс обучения будет максимально эффективным лишь в том случае, если производственные условия работы соответствуют установленным нормам, стандартам и духу времени живущих в нем. Уровень качества предоставленных условий трудовой деятельности, степень обеспеченности необходимыми материалами – все это отражается на здоровье физическом и психологическом, настроении, энтузиазме, самочувствии – работоспособности, а следовательно и на конечном продукте работы. Функционирование как всей системы народного образования, так и отдельных ее направлений в 1960-е гг. на государственном уровне координируется и регулируется директивными документами – постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров, ведомственными органами управления.

Через призму законодательных актов, в частности, по материалам постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР за данный период отчетливо видны проблемные места, характеризующие условия работы в общеобразовательной школе. По итогам их анализа следует выделить следующие аспекты:

- несоответствие содержания научно-обоснованных планов и программы с требованиями развития науки, техники и культуры;
- низкое качество условий для учительской деятельности;
- недолжное внимание к школам со стороны шефствующих организаций;
- малое количество короткометражных учебных фильмов по всей палитре учебных программ;

- недокомплект учебно-методической и художественной литературы в школьных библиотеках;
- неудовлетворительные условия в сельских средних школах для изучения сельскохозяйственной техники/автодела;
- слабая материальная база.

Особое внимание в нормативных документах Министерства просвещения уделялось вопросам качества подготовки учительских кадров, методов преподавания, морально-этическим вопросам взаимоотношений учителей и учеников.

Большое внимание было уделено необходимости перехода количества учительских кадров в качество. Если ранее была необходимость в обеспечении школ учителями, то с 1960-х гг. появились вопросы к их квалификации. Озабоченность вызывало так называемое «дезертирство» – неявка учителей к началу учебного года по месту распределения. В частности, тридцать выпускников Ставропольского и Пятигорского педагогических вузов не явились к началу занятий в сельские школы края [4, с. 2].

Партийными органами предпринимались все возможные усилия для устранения выделенных недостатков и предоставления надлежащих условий обучения и работы в школах. Так, в ходе реализации постановлений было введено в действие начальных, неполных средних и средних школ государственными, кооперативными предприятиями и организациями (без учета колхозов) за 1961-1965 гг. – 14088 школ на 6460 тыс. ученических мест, а за 1966 – 1970 гг. – 10546 школ на 5815 тыс. ученических мест [2, с. 387]. Увеличилось число учительских кадров в с высшим образованием. В 1960 г. – 34,4 %, в 1965 г. – 40%, а в 1970 г. – 52% [2, с. 105]. Были составлены новые учебно-методические программы и планы, разработаны дополнительные материалы по всем направлениям подготовки, пополнены школьные, городские детские и юношеские библиотеки. В связи с тем, что переход в 1958 году на 11-летнее обучение в школе не привел к существенным улучшениям, в 1966/67 учебном году был осуществлен возврат к 10-летнему полному среднему образованию.

Большая часть предпринятых мер по повышению уровня качества условий работы и обучения в школах в 1960-е гг. была выполнена успешно, но некоторые носили формальный характер. Статистика говорит о том, что численность общеобразовательных школ в 1960-е гг. снижается, при этом количество учащихся и учителей, напротив, увеличивается. Условия в школах, особенно, в сельской местности приводили к тому, что было много не прибывших на место работы по распределению после окончания высших и средне-специальных учебных заведений, отсюда нехватка кадров – выпускали учителей в большом количестве, а на местах сложилась ситуация дефицита кадрового состава школ. Партия бросала все силы на выполнение поставленных задач, чего не хватает в настоящее время, но произошел разрыв между желаемой ситуацией и жизнью.

Библиографический список

1. Народное образование в СССР. Сборник нормативных актов. М., 1987.
2. Народное образование, наука и культура в СССР. Статистический сборник. М., 1971.
3. Учительская газета. 1960. 8 октября.
4. Учительская газета. 1960. 20 октября.

А.Н. Шиншинова

Самарский национальный исследовательский университет

КУЙБЫШЕВСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ В ПЕРИОД «ХРУЩЕВСКОЙ ОТТЕПЕЛИ»

Период «хрущевской оттепели» имеет большое значение для истории советского государства. Периодизация данного исторического этапа условна, в ряде исторических источниках традиционно «оттепель» начинается с 1953 года, когда после смерти Сталина объявили первую амнистию политических заключенных и продолжается до 1968 года, когда ввод советских танков в Чехословакию окончательно развеял иллюзии о возможности построения социализма «с человеческим лицом».

В данной статье Куйбышевский художественный музей мы рассматриваем как «социальный индикатор» выбранного исторического этапа с освещением множества факторов влияющих на его деятельность: с одной стороны это социокультурные аспекты, с другой стороны – это господствующая политическая идеология того времени. Особый вклад в деятельность музея внесли директора музея – Аршак Никитич Михрянян (с 1953 по 1958 годы) и Аннэты Яковлевны Басс (с 1958 по 2006 годы). Автором данной статьи были изучены личные архивы директоров Куйбышевского художественного музея периода «хрущевской оттепели», периодическая печать г. Самара и эго-источники художников молодежного клуба ГМК-62. Результаты исследования представлены ниже.

Первым важным сюжетом стала попытка уничтожения в музее коллекции русского авангарда. В 1953 году из Москвы в Самару прибыла специальная комиссия по чистке музейных фондов. Несмотря на обстоятельства, коллекцию удалось сохранить. Куйбышевский музей один из немногих смог сохранить свою коллекцию авангарда.

Вторым значимым сюжетом мы считаем пополнение коллекции музея. История формирования коллекции в период «хрущевской оттепели» наполнена ярким и значимым событиями. В период «хрущевской оттепели» из фондов Русского музея были переданы работы М.И. Лебедева, К.П. Брюллова и И.Е. Репина. Из Саратовского музея им. Радищева в коллекцию в

1954 году поступило 10 живописных произведений, отобранных директором музея А.Н. Михраняном [1]. Из ярославского музея были переданы на постоянное хранение несколько икон XVI – XVIII веков, в том числе «Никола в житии» и «Рождества Богоматери». Впоследствии комплектование шло за счет местных приобретений: появились новые иконы, сложился небольшой круг работ из мастерских самарских иконописцев. Поездки в Москву и Ленинград приносили первоклассные приобретения: работы Ф.С. Рокотова, В. Л. Боровиковского, И.Ф. Гроота и еще ряд произведений неизвестных авторов [2]. СобираТЕЛЬСкая и атрибуционная работа приводили к значительным открытиям в фондах самого музея. Постепенно начал формироваться отдел периода «россики». Стали традиционными передачи Министерством культуры РСФСР закупленных в разные годы произведений живописи, графики, скульптуры и прикладного искусства. Формирование коллекции Востока завершилось в основном к 1960-м годам, когда из Музея восточных культур поступило 145 экспонатов искусства Китая; в 1958-м – 136 произведений современной Индии; в 1959-м – 95 экспонатов современной Японии. Из государственного Эрмитажа для выставки «Искусство Китая» музей получает около 40 ценных произведений XVIII века: фарфоровые тарелки с росписями в гамме «зеленого семейства», композицию «Монастырь в горах», китайские фонари [3].

Характерной чертой художественной жизни 1950–1960-х годов является проведением молодежных выставок в Куйбышевском художественном музее организованных ГМК – 62. Совместные акции с Союзом художников являлись большим толчком развития культурной жизни города и региона в целом. В это время значительно увеличилось количество выставок союзного и республиканского значения, в которых принимали участие куйбышевские художники: всесоюзная художественная выставка «На страже мира» (1965 г.), своеобразные творческие отчеты художников С.Л. Щеглова, В.М. Клецеля, А.Н. Михраняна, А.А. Андриянова. Самый крупный совместный выставочный проект – первая зональная выставка «Большая Волга», состоявшаяся в Куйбышевском Художественном музее 8 июля 1964 года. Большая работа была проделана всеми членами ГМК-62 под руководством Олега Николаевича Карташова, в результате на выставке были представлены 858 произведений искусства [4]. Многие работы после выставок художники передавали в дар музею, сейчас они хранятся в фондах. К 30-летию существования Куйбышевского отделения союза художников в 1967 году была открыта выставка живописи, графики и скульптуры. Работы художников Т. Успенского, Н. Краснова, В. Пурыгина, В. Сушко направлены на прославление советского человека и советского государства в целом. В том же году из фондов Государственной Третьяковской галереи были привезены сотни картин и произведений скульптуры. Любители изобразительного искусства могли увидеть работы русских художников XVIII–XIX вв. Важно отметить, что в выставке были представлены и иконы. Сре-

ди скульптур – выделялись работы Андреева (Портрет В. И. Ленина) и Щадра (бюст М. Горького).

Таким образом, благодаря активной работе сотрудников музея и художников ГМК-62 в период «хрущевской оттепели» Куйбышевский художественный музей значительно увеличивает свои фонды. Многие приобретенные музеем ценные предметы, сейчас выставлены в постоянной экспозиции музея «Русского искусства XVI-XX вв.». Выставочная деятельность Куйбышевского художественного музея на протяжении периода «хрущевской оттепели» способствовала развитию современного искусства. Об этом свидетельствуют не только огромное количество выставок, но также выпуски альбомов и каталогов. Социокультурное пространство музея выступает, как место развития таланта местных художников, что делает г. Куйбышев в период «хрущевской оттепели» центром художественной жизни Поволжья.

Библиографический список

1. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-3590. Оп.1. Д.15.
2. ЦГАСО. Ф. Р-3590. Оп.1. Д.19
3. ЦГАСО. Ф. Р-5156. Оп.4. Д. 39.
4. ЦГАСО. Ф. Р-5021. Оп.1. Д.150.

А.В. Устинова

Самарский государственный институт культуры

ПЕРЕЛОМ ЭПОХИ:

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ПИСАТЕЛЕЙ 1970-1990 ГГ.

Та фаза в развитии литературы, которая охватывает более полутора десятков лет (с начала 1970-х до 1990-х) представляет собой относительно целостный историко-литературный период. В семидесятые годы литература поднялась на новый качественный уровень – в ней уже стали обретать зрелость те художественные тенденции, которые только пускали робкие ростки в годы «оттепели». В этот период создали свои наиболее совершенные произведения Юрий Трифонов и Чингиз Айтматов, Василь Быков и Виктор Астафьев. В это время выросли и утвердились дарования Василия Шукшина, Александра Вампилова, Василия Белова, Валентина Распутина [4, с. 3]. Писатели обращаются к изображению не приукрашенной реальности, социальных и нравственно-этических конфликтов на личном и общегосударственном уровне. Русская литература названного периода развивалась в условиях нарастающих противоречий между сторонниками и противниками изменений в общественно-политической жизни страны.

В своем знаменитом произведении «Поезд» Рубцов показал метафору страны: «И какое может быть крушение, Если столько в поезде народу?» [1, с. 2]. Усилился поток выезжавшей в эмиграцию художественной интеллигенции, в том числе известных писателей, чьи книги уже приобрели широкую известность. На 1970-е годы приходится яростное гонение властей на А. Солженицына, преследование А. Твардовского.

Мотивы сохранения исторической памяти наиболее отчетливо прозвучали в романах Ч. Айтматова «**Буранный полустанок**» и «**Плаха**», в повестях В. Распутина «**Последний срок**», «**Прощание с Матерой**», «**Пожар**». Продолжает разрабатываться в литературе и тема моральных ценностей, их становления и разрушения. Главная их проблема – исторические судьбы деревни и русский национальный характер.

Большое место в литературе 1970-х – начала 1990-х годов занимает тема советского прошлого. Писатели В. Быков («**Знак беды**», 1988), Ю. Трифонов (роман «**Старик**», 1978) и др., анализируя характеры современников и обстоятельства их жизни, пытаются разобраться, в чем истоки современных проблем. Новейшая литература данного периода, представленная перечисленными произведениями, отмечена поисками в области и содержания, и формы. Самой распространенной жанровой формой выступает рассказ или небольшая повесть, в которой заметно влияние модернизма и постмодернизма, хотя писатели не порывают и с реалистической традицией. Взгляд художника слова обращается к человеку толпы, личности усредненной, маргинальной. Часто это люди внутренне одинокие, без больших запросов, теряющие или потерявшие нравственные ориентиры под напором жизненных обстоятельств. Неподохожесть литературного процесса 1970–1990-х годов на предшествующие периоды заключается не только во внешних обстоятельствах его развития. Начиная с 1970-х годов определяющим фактором становится не привычная смена литературных направлений, течений, школ и т.п., а эволюция творческого сознания художника.

Страна переживала одно потрясение за другим, и публицистика как средство быстрого реагирования на события заняла ведущие позиции в литературном процессе, помогая читателям осмыслить происходящее. В это время многие писатели – В.П. Астафьев, А.Н. Рыбаков и др. – чаще обычного включали в свои романы, повести и рассказы элементы публицистики.

«Деревенская» проза 1970–1990-х годов. «Деревенская» проза, одно из ведущих направлений русской литературы советского послесталинского периода, берет начало в ранних рассказах В.П. Астафьева и первых произведениях «лирической прозы» – «Владимирские проселки» В.А. Солоухина. В 1990-х годах мировая критика определила «деревенскую» прозу как наиболее состоявшееся с эстетической и идеологической точки зрения литературное направление. А.И. Солженицын так охарактеризовал феномен «деревенской» прозы: «На рубеже 70-х и в 70-е годы в советской литературе

произошел не сразу замеченный беззвучный переворот, без мятежа, без тени диссидентского вызова. В большой доле материал этих писателей был — деревенская жизнь, и сами они выходцы из деревни, поэтому эту группу стали называть деревенщиками. А правильно было бы назвать их нравственниками, ибо суть их литературного переворота — возрождение традиционной нравственности, а сокрушенная вымирающая деревня была лишь естественной наглядной предметностью». Творцам «деревенской» прозы принципиально чужды приемы модернистского письма, «телеграфный стиль», гротескная образность. «Прощание с Матерой» — одно из творческих достижений В. Г. Распутина, является итоговым произведением для всей русской литературы XX века. Тема русского крестьянства, его судеб и трагедий, находит здесь свое художественное и философское завершение.

«*Городская*» проза. Исследователи русской литературы отмечают, что, хотя «городская» тема имеет давние традиции в русской литературе и представлена именами Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, М. Горького, М.А. Булгакова и многих других писателей, только в 1970–1980-е годы XX века произведения этой тематики стали объединяться под рубрикой «городская» проза. «Первопроходцем» этого направления стал **Ю. В. Трифонов**. «Я пишу о городе, потому что лучше знаю город, — отмечает писатель. — Но это не значит, что мы должны заниматься социологией. Русская литература в ее лучших образцах — литература мысли, духа, исследующая характер человека; если хотите, городского. Городской человек более сложен, гораздо больше магнитов его разрывает».

Писатели в 1970 — начале 1990-х годов обращаются к изображению не приукрашенной реальности, социальных и нравственно-этических конфликтов на личном и общегосударственном уровне. Вместе с демократическими тенденциями на первое место выходит тема нравственных ценностей и проблема их сохранения и восстановления в народной среде. Многие произведения художественной литературы отражают тему традиций народной жизни, исторической памяти, их сохранения на фоне стремительного технического прогресса, сметающего деревню.

Библиографический список

1. Семичев Е.Н. Отношение к эпохе 70х — 90х гг., социальной, политической и культурной обстановке [Текст]; беседу вела А. Устинова. 2017.
2. Кан Д.Е. Отношение к эпохе 70х — 90х гг., социальной, политической и культурной обстановке [Текст]; беседу вела А. Устинова. 2017.
3. Евтушенко Е. А. Строфы века. М.: Полифакт, 1995. 1056 с.
4. Русские советские писатели. Поэты : Биобиблиогр. указ / Рос. нац. б-ка; [Редкол.: О.Д. Голубева д. филол. н. (пред.) и др.]. СПб.: Изд-во Рос. нац. б-ки, 1994.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ Г. ВОЛГОГРАДА В 1990-е гг.

К 1992 г. на территории г. Волгограда функционировали 6 профессиональных театров: Театр музыкальной комедии, Театр юного зрителя (ТЮЗ), Новый экспериментальный театр (НЭТ), Кукольный театр, Театр одного актера и Казачий театр [1]. Каждый из них имел своего зрителя в городе-герое, занимал свое уникальное место в культурной жизни города, но были у театров и общие проблемы. Такими общими проблемами стали кризисное состояние материально-технической базы учреждений культуры, а также недостаточная оснащенность кадрового состава театров.

Здание театра музыкальной комедии с 1990 по 1995 гг. находилось на долговременном ремонте, следовательно, театр не мог регулярно радовать волгоградских зрителей своими постановками, а также выпускать значительное количество премьерных спектаклей. В связи с этим основной формой работы труппы стала гастрольная деятельность по площадкам г. Волгограда и Волгоградской области [7, л.13-15].

Помещение кинотеатра «Гвардеец», доставшееся Донскому казачьему театру в 1994 г., находилось в аварийном состоянии. Играть спектакли на собственной сцене не представлялось возможным [6]. Следовательно, театральный коллектив также гастролировал по Волгоградскому региону, не играя значительной роли в формировании театральной культуры г. Волгограда.

Волгоградский областной театр кукол с 1956 г. театр располагается в жилом доме, по адресу пр. им. В.И. Ленина, 1. Однако помещение театра не соответствовало требованиям пожарной безопасности, и поэтому театр постоянно находился под угрозой закрытия. В учреждении культуры ощущалась нехватка подсобных помещений для хранения декораций, которые в итоге хранились в коридорах театра [4].

Театр одного актера не имел собственного помещения до н. XXI в. По словам Зинаиды Гуровой ей приходилось играть моноспектакли на различных площадках города и области.

Театр юного зрителя имел в своем распоряжении большое и удобно расположенное театральное здание недалеко от центра Волгограда, однако строительство второй линии волгоградского скоростного трамвая привело к образованию больших трещин на фасаде здания. Из-за угрозы безопасности зрителей ТЮЗу пришлось закрыть малую сцену и перенести центральный вход в театр [6].

Наконец, единственным театром, не испытывающим никаких проблем с материально-технической базой, был Новый экспериментальный театр.

Здание театра находится в самом центре города. Большая площадь здания также позволяла сдавать некоторые помещения под различные нужды, так, например, именно в здании НЭТа возник первый в Волгограде ночной клуб «Ночной Париж». Что касается технического оснащения сцены, то оно также было самым современным: в результате заявки Волгоградского областного управления культуры в НЭТе появилась осветительная аппаратура из Австрии «LudwigPani», которую сделали для театра по спецзаказу. С ее помощью на сцене изображались облака, звезды, деревья, дымовые завесы и т.д. А в центре зала висела 1500 кг. люстра из хрустала [5, с. 6-8]. Именно НЭТ являлся самым востребованным театром г. Волгограда и больше других влиял на культурные вкусы волгоградцев.

Что касается кадрового вопроса, то в Волгограде чувствовалась острая нехватка профессиональных режиссеров и актеров. В городе-миллионере не было самостоятельного ВУЗа, обеспечивающего подготовку театральных кадров. И только в 1999 г. городе появляется самостоятельный вуз – Волгоградский государственный институт искусств и культуры.

Но, не смотря на все проблемы с материальной базой театры Волгограда продолжали радовать зрителей новыми постановками.

Больше всех спектаклей выпустили Новый экспериментальный театр и Театр юного зрителя, т.к. имели наилучшую материально-техническую базу. Так в сезоне 1991-1992 г. ТЮЗ выпустил 6 премьерных спектаклей, поставив себе задачу удерживать эту планку на протяжении последующих сезонов. Причем открытие малой сцены позволило разнообразить репертуар театра, который состоял из детских спектаклей («Маугли», «Русалочка», «Финист-Ясный сокол» и др.), из актерских спектаклей на малой сцене («Продавец дождя», «А со мной как?», «Театр-любовь моя» и др.), а также взрослых спектаклей («Утиная охота», «В ожидании Годо», «Лолита» и др.) [2, с. 4]. Стоит также отметить, что существенную часть в зрительном зале занимал «организованный зритель», т.е. школьники, студенты, рабочие [7, л. 1].

Репертуар НЭТа включал только взрослые спектакли, однако был обширен. Театр мог похвастаться рядом спектаклей, как отечественных авторов разных эпох, так и постановками классических зарубежных драматургов. Причем некоторые постановки игрались в инсценировке зарубежных режиссеров. На постановки театра практически невозможно было достать лишние билеты, тем более, что театр имел возможность шить костюмы в цехах Большого театра и приглашать лучших сценографов и балетмейстеров из столицы [3, с. 149-151].

Безусловно, иногородние коллективы приезжали в Волгоград с гастролями, однако недостаток помещений в городе в тот период пригодных для показа больших спектаклей приводил к тому, что волгоградцы не могли наблюдать игру известных столичных театров. Но, как мы считаем, это имело и положительный эффект для местных театров.

Таким образом, театральную жизнь города Волгограда главным образом определяли два театра: ТЮЗ и НЭТ. И если у первого существовал ряд проблем, которые коллектив старался преодолеть, то у НЭТа были широкие возможности заполучить любовь и признание публики.

Библиографический список

1. Бирюкова Н. Театры г. Волгограда // Волгоградская правда. 1992. 27 марта.
2. Волгоградскому ТЮЗу – 25. // Газета литературного клуба «Парнас» волгоградской областной писательской организации. 1995.
3. Захаров К.В. Репертуарная политика театров г. Волгограда в новых исторических условиях последнего десятилетия XX в. // Платоновские чтения: материалы и доклады XXII Всероссийская конференция молодых историков (Самара, 9-10 декабря 2016 г.) / отв. редактор П.С. Кабытов. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2017. с.149-151
4. Ковалева Л., Янковская К. Театр – жил. Театр – жив. Театр будет жить? // Горские вести. 1992. 15 августа.
5. Мы. Пятый театальный сезон: 1993-1994 г. Волгоград, 1993.
6. Туроверов Ю. Театр на развалинах // Вечерний Волгоград. 1997. 25 ноября. С. 12.
7. Центр Документации Новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИ-ВО). Ф.Р.-6791. Оп. 1. Д. 388.

Ф.П. Райгородская

Московский государственный университет

«ЭТО БЫЛ ВЫХОД ИЗ СИТУАЦИИ»: ОБРАЩЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ САХАЛИНА В ПРОТЕСТАНТИЗМ В 1990-Х ГОДАХ

90-е годы XX века религиовед Р. Н. Лункин назвал временем «религиозного бума» в России. Одним из его ярких символов стало сравнительно широкое распространение протестантизма во многих регионах страны [1, с. 133]. Заметных успехов протестантские миссионеры добились на Сахалине: большинство прихожан современных протестантских церквей острова приняли протестантизм именно в 1990-х годах, вскоре после основания этих церквей. В 2000-е годы же приток прихожан существенно ослаб. Это заставляет задаться вопросом о причинах и мотивах обращения жителей Сахалина в протестантскую веру именно в последнем десятилетии XX века. Исследование основано на серии интервью, проведенных мной в 2015–2016 годах, с прихожанами церкви евангельских христиан-баптистов «Свет Евангелия» (пгт.Ноглики, северо-восток Сахалина) и пятидесятнической церкви «Христа Спасителя» (г. Оха, крайний север острова). Отмечу, что пятидесятники и баптисты принадлежат к единому евангельскому направлению и в догматическом отношении принципиально не различаются [2, с.82].

В 1990 году в РСФСР был принят закон «О свободе совести и вероисповеданий», легализовавший протестантские церкви. Сахалин, ввиду своего географического положения, притягивал протестантских миссионеров сразу с трех сторон света: с материковой части России, из Южной Кореи и из Северной Америки [2, с. 95]. В 1992 году в город Оха приехали первые евангельские миссионеры. Поначалу они собирались во дворце культуры, затем снимали помещения. Церковь «Свет Евангелия», расположенная в пгт. Ноглики на северо-востоке острова, в 1993 году основал миссионер из США. 8 мая 1994 года там прошло первое крещение, а 27 декабря того же года церковь была зарегистрирована. Первое время прихожане собирались в подвале жилого дома, потом построили отдельное здание. Это была первая официальная религиозная организация в Ногликах: православная церковь в поселке появилась лишь в 1996 году.

Анализ собранных материалов позволяет выявить три основных причины обращения сахалинцев в протестантизм в 1990-х годах. Первая и самая распространенная связана с социально-экономическими пертурбациями, возникшими после распада СССР. Респонденты вспоминают о безденежье, безработице, дефиците товаров: «А это были 90-е с чем-то года, мы называем их «военные года перестройки». Это, значит, работали, но денег нам не платили» (Т. Б., 55 лет); «Это был 93-й год, когда было очень-очень трудно. Когда денег не платили... Поддержки ниоткуда не было. На полках магазинов ничего не было, денег нету...» (С. Ц., 69 лет); «Я постоянно испытывала за будущее детей страх. В 90-е годы вообще страшно было жить» (Е. Б., 50 лет). По словам одной из женщин, важным стимулом к приходу в церковь для нее была возможность получить зубную пасту, привезенную миссионерами из США (А. Н., 49 лет). Ряд респондентов пришли в церковь в надежде избавиться себя или своих близких от алкогольной зависимости: «Я в церкви с 96-го года... А пришла еще и потому, что у меня муж выпивал, бил детей сильно... И вот собралась как раз разводиться с ним...» (А. В., 54 года); «И муж стал запиваться, сначала по чуть-чуть, по чуть-чуть, и он стал пить запоями, зарплату пропивал, где-то валялся, приходил. И у нас уже брак был на грани развала» (Е. Б., 50 лет). Приход в церковь помог обеим процитированным женщинам сохранить браки. Один житель Ногликов, сам страдавший от алкогольной зависимости, вспоминал, что еще до приезда в поселок миссионеров пытался найти спасение от своего недуга в вере, а с их появлением сразу пошел на протестантское служение (И. П., 53 года).

Второй причиной были духовные поиски на фоне распада Советского Союза и утраты прежних жизненных ориентиров. «Я типичный советский ребенок, – признавалась прихожанка церкви «Благодать». – Я конкретно верила в Советский Союз, в коммунизм, в Ленина, и все. Потом, когда это все перестало быть, все равно человек же должен во что-то верить. Ну, как-то без опоры, без веры какой-то все равно трудно человеку...» (В. О., 49

лет). «Это был выход из ситуации, – вторила ей другая информантка. – Я была в партии, была в профсоюзе. И все это распалось...» (В. Б., 68 лет).

Локальная причина обращения в протестантизм жителей Сахалина была связана с произошедшим 28 мая 1995 года землетрясением, которое разрушило поселок Нефтегорск на севере острова и унесло жизни двух третей его жителей. Особенно это отразилось на жителях Охи, также расположенной на севере Сахалина. Как пояснила мне одна из прихожанок церкви «Христа Спасителя»: «У нас все началось с землетрясения» (В. Б., 68 лет). После катаклизма пасторы упомянутой церкви воспользовались ситуацией и стали объяснять трагедию «развратностью нравов», бытовавшей в Нефтегорске, и неприязнью местных властей к протестантским проповедникам (А. Н., 50 лет). Прихожане до сих пор верят, что в Охе землетрясение было слабым, потому что «...здесь уже были верующие, и оно свернуло в сторону моря, не на север пошло» (В. Б., 68 лет).

Итак, выявленные мной причины прихода людей в протестантизм в 1990-х годах на Сахалине можно группировать следующим образом: 1) социально-экономические трудности, пришедшие с распадом СССР; 2) духовный поиск на фоне потери привычных жизненных ориентиров; 3) страх после случившейся в 1995 году Нефтегорской трагедии. Отмечу, что с течением времени большинство обратившихся в протестантизм в 1990-х годах не покинули церкви. На то у них появились новые причины и стимулы, рассмотрение которых выходит за рамки темы настоящего исследования.

Библиографический список

1. Лункин Р. Н. Российский протестантизм: евангельские христиане как новый социальный феномен // Современная Европа. № 3. 2014.
2. Ковальчук Ю. С. Корейский протестантизм и его миссионерские практики в азиатской части Российской Федерации. Новосибирск, 2008.

Л.Е. Буренкова

Самарский национальный исследовательский университет

МОРДОВСКИЕ СЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ РАЙОНОВ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

В современной литературе немало работ, показывающих ту важную роль, которую сыграли мордовские переселенцы в ходе освоения и хозяйственного развития различных территорий, включая Самарский край [1, с. 174]. Это утверждение верно и в отношении того вклада, который мордовский этнос внес в общую культуру многонациональной России. В нашем регионе, согласно переписи населения 2010 года, наибольшее количество представителей данного этноса проживает в северо-восточных районах Самар-

ской области [2]: Клявлинском (3825 чел. – 24% от общей численности населения района), Иса克林ском (2262 чел. – 17%), Шенталинском (2527 чел. – 16,1%), Похвистневском (4344 чел. – 15%). Процесс заселения этих территорий выходцами из мордвы в основном происходил в XVIII-XIX вв. [3, с. 73-74].

Наиболее заметна роль мордвы в развитии духовной и художественной культуры. Особый исследовательский интерес вызывают населенные пункты, в которых мордва является основной частью (90% и более) населения. Ярким примером служит с. Старый Маклауш Клявлинского района, численность жителей которого на 1 июля 2015 г. насчитывала 1111 чел. [4].

В 1777 году в этом селе была построена деревянная церковь во имя Рождества Христова. В 1867 г. она была снесена из-за ветхости, а в 1880 г. на месте снесенной старой церкви была построена новая каменная из пиленого белого камня, которая в сентябре 1882 г. была освящена [5]. Вскоре после возведения каменного храма в 1884 г. открылась церковно-приходская школа. При школе и церкви была библиотека, состоявшая из творений святых отцов, поучений и назидательных книг религиозно-нравственного и догматического содержания [6].

В школе обучались как мальчики, так и девочки. Появление девочек за школьной партией говорило не только об их стремлении к знаниям, которое поощрялось священнослужителями, но и о том, что родители – простые мордовские крестьяне уже осознали необходимость дать дочерям, хотя бы элементарное образование. Известно, что в XIX в. в Самарском крае, начальная «сельская школа даже обгоняла городскую по привлечению девочек к учебе» [7, с. 22].

После десятилетий гонений на церковь в селе возрождаются традиции церковной жизни и духовно-нравственного воспитания. Храм был закрыт в 1929 г., частично разрушен в 1957 г., а в 2004 г. его возвратили верующим и сейчас восстанавливают. С 2009 г. при храме Рождества Христова был открыт кадетский класс нравственно-духовного воспитания детей и подростков из приемных, многодетных и малоимущих семей, семей группы риска. Он был назван «Пересвет» в честь монаха-героя Куликовской битвы.

Особый вклад в развитие фольклорных традиций в современной культуре мордвы Старого Маклауша вносят мордовские фольклорные ансамбли, среди которых особенно выделяется «Оймине» («Душечка»), получивший в 2011 г. звание народного. Всроссийскую известность получила певица Надежда Кадышева, чьи детские годы прошли в этом селе, когда ее отец работал мастером на железной дороге, а мать занималась домом и детьми [8].

Другим примером населенного пункта, в котором мордовский народ представляет основную часть населения, является село Красные Ключи, Похвистневского района Самарской области. Изначально село имело название Ключи (по одноименной реке, которая протекала в этих местах),

вторым названием села было Архангельские Ключи в честь возведенной здесь церкви.

Сегодня большая часть населения села (эрзяне) знает свой родной язык, хотя практически все говорят по-русски. В местной школе эрзянский язык преподается лишь в начальных классах, ввиду того, что отсутствуют квалифицированные специалисты, к тому же существует проблема нехватки учебных пособий [9]. Тем не менее, представители старшего поколения стараются передать свои знания и традиции молодым. Функционирует литературный кружок, где дети и молодежь ставят спектакли, исполняет песни на эрзянском языке. В 2000 г. в селе состоялся Второй областной фестиваль мордовской культуры.

Особое влияние на культуру населения Красных Ключей оказала православная вера. Так, в 1897 г. была возведена церковь в честь Архангела Михаила, которая действует и поныне. Внутреннее убранство храма почти полностью сохранило свой первоначальный вид (чего стоит один старинный деревянный резной иконостас, который содержит 53 иконы XIX века). Было множество попыток уничтожить церковь, все же она была сохранена благодаря жителям села. В то время, когда церкви по всему Поволжью подвергались разорению, деревянная церковь Архангела Михаила осталась в неприкосновенности. Богослужения в ней прерывались лишь на 5 лет, однако и в это время никто не решился разрушить эту уникальную православную святыню. Церковь Архангела Михаила знаменательна еще и тем, что в ней находятся целительные мощи святого праведного Петра Чагринского (П.И. Колпакова), поклониться которым приезжают люди из разных частей нашей страны.

Пример мордовских сел северо-восточных районов Самарской области позволяет сделать вывод о том, что данный этнос внес существенный вклад в духовную и художественную культуру как конкретного региона Поволжья, так и всей России. Культура мордовского народа, как и любого другого, требует учета и сохранения ее самобытности. Это, в свою очередь, послужит сбережению культурного наследия страны в целом, что благоприятно скажется на воспитании новых поколений ее граждан.

Библиографический список

1. Смирнов Ю.Н. Мордва в многонациональном переселенческом движении на земли Самарского Заволжья в XVIII в. // В тесном соседстве: мордовский народ в истории и культуре многонационального Российского государства. Саманск, 2013. С. 345-357.
2. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Самарской области [Электронный ресурс]. URL: http://samarastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/samarastat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010 (дата обращения 10.11.2017).
3. Самарская летопись: очерки истории Самарского края с древнейших времен до начала XX века: в 2 кн. / под ред. П.С. Кабытова, Л.В. Храмова.

Книга 1: Самарский край с древнейших времен до середины XIX века. Самара, 1993. 219 с.

4. Администрация муниципального района Клявлинский Самарской области. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://klvadm.ru> (дата обращения 11.11.2017).

5. Старый Маклауш. Село со странным именем // Православное Приволжье. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/topic-39310501_28047913 (дата обращения 11.11.2017).

6. Научно-исследовательская работа: «История церкви Рождества Христова села Старый Маклауш на фоне истории православной церкви» / выполнила: Д. Кочкина, руководитель Т.П. Пакшаева // Алые паруса. Проект для одаренных детей. [Электронный ресурс]. URL: <https://nsportal.ru/ap/library/drugoe/2016/02/17/nauchno-issledovatel'skaya-rabota-istoriya-tserkvi-rozhdestva-hristova> (дата обращения 09.11.2017).

7. Артамонова Л.М. Первая реформа Александра II // Родина. 2014. № 4. С. 20-24.

8. Музей истории Самарского края и муниципальных образований в Самарской области. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://museum.samgd.ru/region> (дата обращения 01.09.2017).

9. Самарская Губернская Дума – Юным гражданам губернии. [Электронный ресурс]. URL: http://kids.samgd.ru/my_region/nationality/Mordvinian (дата обращения 11.11.2017).

10. Церковь Михаила Архангела в Красных Ключах // Храмы России. [Электронный ресурс]. URL: <http://temples.ru/card.php?ID=3505> (дата обращения 11.12.2017).

СЕКЦИЯ V. ИСТОРИЯ РОССИИ XX-XXI ВВ.: ПРОБЛЕМЫ, ПОИСКИ РЕШЕНИЯ

Е.В. Алексеенко

Самарский национальный исследовательский университет

СОВЕТСКИЙ МИРНЫЙ ТРАКТОР: ТРАКТОРНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В СССР В ЭПОХУ СОЗДАНИЯ МТС (1930-е гг.)

Решение о создании в СССР машинно-тракторных станций было сформулировано 5 июня 1929 года Советом Труда и Оборона в постановлении о массовом строительстве машинно-тракторных станций, опираясь на успешный опыт работы первой в истории МТС имени Шевченко в Одессине [4, с. 7].

МТС были предназначены для производственного обслуживания и руководства колхозами. В них были сконцентрированы государственные тракторы, комбайны и другие с/х машины, при помощи которых МТС на договорных началах за определенную плату выполняли с/х работы в колхозах [1, с. 3 – 15]. Через машинно – тракторные станции Советское государство оказывало решающее влияние на развитие колхозного производства, обеспечивало постоянный технический прогресс сельского хозяйства [4, с. 3].

В Средневолжской области (с 1929 г. Средневолжский край) первая МТС [7, Л. 3] возникла в 1929 г. Широкое распространение МТС в Средневолжском крае приходится на 1933 год, это можно проследить на основании анализа архивных данных.

Также стоит отметить, что курсы овладения техникой трактора, комбайна и автомобиля начинают свою работу в Средневолжском крае еще в конце 1927 – начале 1928 годов, а приобретают массовую популярность лишь в 1933 году, когда в печати широко распространяется данная информация по заданию партии [6, л. 54]. Данные курсы организовывались, как на территории Советского государства – курсы МТС в Одессе [8, л. 15], так и за рубежом. Зарубежные командировки и производственная практика считались в СССР самым эффективным способом обучения. В контексте этих связей сотни человек ежегодно направлялись за рубеж для обучения тракторному делу.

Несмотря на официальное непризнание молодого советского государства наибольший интерес советских инженеров и «красных директоров»

вызывали крупные предприятия США — с точки зрения масштабов и организации производства, техники и технологии, количества и качества продукции, то, что планировалось соединить с «преимуществами социализма» [11, с. 93]. Предполагалось, что именно техническая помощь Запада поможет успешно начать индустриализации страны, своевременно выполнить пятилетний план, восстановить разрушенное хозяйство страны [2, с. 54 — 70].

В СОГАСПИ мною было обнаружено дело, посвящено поездке пятидесяти работников тракторного дела в командировку в США для ознакомления с производством тракторов и запчастей к ним [5, л. 1 — 9]. Все эти командируемые были собраны в одну большую группу со всех уголков России, двое из которых были из Самары. В отчете подробно описывается быт американского рабочего, жизнь русских эмигрантов и, непосредственно, сам завод Форда, на который они были командированы.

В ходе дальнейших разысканий, во время работы в Государственной публичной исторической библиотеке в Москве, был найден опубликованный в 1927 году отчет С. Г. Леденева — председателя всесоюзной тракторной делегации, членами которой, как оказалось, были два специалиста из города Самара, чей отчет был упомянут выше. Леденев в своем рассказе актуализирует интересный вывод: перенять всю техническую сторону системы на тот момент было невозможно, но целый ряд усовершенствованных методов можно с успехом применить в СССР как в области производства по тракторостроению, так и в мастерских по ремонту. Самое важное, что необходимо внедрять на советских производствах — это режим экономии. Многие рабочие, кто побывал в Америке и увидел совершенно иной способ построения рабочего процесса по возвращении начинал постепенно осуществлять внедрение фордовских методов на своем предприятии. Но эти методы не находят отклик среди огромного количества малосознательных рабочих, поэтому главной задачей прогрессивных и технически осведомленных специалистов является всемерная борьба с рутинной и поощрение инициативных трудящихся, проводящих новые приемы и приспособления.

Интересно, что аналогичные выводы были оформлены другим автором литературно — оформленного отчета о своей поездке в США И. Б. Шейнманом Идеи, привезенные из США, лишь через полтора года «борьбы» за новые методы производства, дали свои плоды [9, с. 9 — 169].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что опыт зарубежных стажировок для советских трактористов и специалистов по обслуживанию тракторного хозяйства был жизненно необходим при решении задач «догоняющей модернизации». На переломном, критически важном этапе появления первенцев советской индустрии техническая помощь играла решающую роль, но именно тогда она и встречала наибольшее сопротивление. Имели место не только сотрудничество, но и ожесточенная борьба нового и старого, западной и молодой советской деловых культур.

Библиографический список

1. Басюк Т. Л. МТС – решающая сила в развитии колхозного производства. М., 1954.
2. Гинзбург С. З. О прошлом – для будущего. М., 1986.
3. Леденев С. Г. За станком у Форда. Из впечатлений участника поездки на тракторные заводы С. А. С. Ш. М., Ленинград, 1927.
4. МТС в борьбе за подъем колхозного производства. Сборник статей директоров МТС, бригадиров тракторных бригад и специалистов МТС. М., 1954.
5. Самарский областной государственный архив социально – политической истории (СОГАСПИ). Ф. 1. Оп. 5. Д. 58.
6. СОГАСПИ. Ф. 1141. Оп. 20. Д. 82.
7. СОГАСПИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 292.
8. СОГАСПИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 357.
9. Шейнман И.Б. Что я видел в Америке. Что я сделал в СССР. М., 1934.
10. Шпотов Б.М. Использование опыта США в реконструкции советской нефтяной промышленности в 1920–1930-е гг. // Российский журнал менеджмента. 2006. № 1.
11. Шпотов Б. Н. Американский бизнес и Советский Союз в 1920-1930-е годы. М., 2014.

М.Г. Сотников

*Волгоградский государственный
социально-педагогический университет*

СПОРТИВНО-МАССОВЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ 1 МАЯ 1944 ГОДА В Г. СТАЛИНГРАДЕ В КОНТЕКСТЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ СПОРТИВНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ГОРОДА

В условиях продолжавшейся еще в 1944 г. Великой Отечественной войны в г. Сталинграде шли работы по восстановлению города. Спортивной инфраструктуре не уделялось достаточного внимания. В пример этому в 1944 году было решено «ускорить работы по восстановлению здания бывшего Дворца Физкультуры под городской театр» [4, л. 4].

В первом полугодии 1944 года было только намечено строительство первого стадиона добровольным спортивным обществом (ДСО) «Трудовые резервы».

Между тем для поднятия рабочего духа жителей города городским комитетом всесоюзной коммунистической партии большевиков (ВКП (б)) было принято решение организовать общегородские спортивно-массовые мероприятия, посвященные 1 мая 1944 года.

Еще одной причиной мероприятий было просмотры работы ДСО города, в перспективе выполнения городского плана комплекса «Готов к труду и

обороне» (ГТО). Так как город получил план значкистов ГТО на 1944 год, а на 1943 год город, будучи полностью разрушенным, плана не имел.

30 апреля был запланирован эстафетный бег по кольцу внутри города со стартом и финишем на площади «Павших борцов». На 1 мая была запланирована демонстрация и показательные выступления ДСО [2]. 1 мая так же было запланированы товарищеские встречи по спортивным играм. Для празднеств было привлечено 14 ДСО с общим охватом в 800 человек.

Маршрут эстафеты был следующий: старт на площади «Павших борцов» — до угла Банковской улицы; от угла Банковской по Республиканской до угла Владимирской; от Владимирской до трамвайной остановки «Балканы»; от остановки «Балканы» до ж.д. переезда; от переезда по Пархоменко до Днестровской; по Днестровской до Хоперской; от Хоперской мимо Красных Казарм по Ладожской до оврага; от оврага по Ладожской до Двинской; от Двинской по Ладожской до Невской; от Ладожской по Невской ул. до Пархоменко; по Пархоменко до Спирт завода (поворот с Кубанской улицы); от Спирт завода по Кубанской мимо пожарной части по Коммунистической до ул. Ленина; от Коммунистической по ул. Ленина до сада К. Маркса; от сада К. Маркса до Набережной по Набережной до Комсомольской улицы; от Набережной по Комсомольской до Советской улицы; от Советской до Октябрьской влево по Октябрьской мимо сада по Московской на финиш [3].

Маршрут эстафеты можно проложить на гибридной карте современно-го Волгограда и г. Сталинграда [1]. Фотографий самой эстафеты найти не удалось, однако в фондах Государственного архива Волгоградской области (ГАВО) есть фотографии улиц 1944 года [6-9], по которым проходил маршрут эстафеты, что позволяет сформировать представление о состоянии города. Тем самым эстафета служила в первую очередь показателем несломленного духа горожан и способность организовывать досуг горожан даже в столь тяжелых условиях.

Общая протяженность эстафеты получилась около 7030 м. Кросс проходил по Ерманскому району города, который являлся центральным. Для эстафеты по кольцу города ДСО должны были предоставить 16 человек-участников (9 женщин и 7 мужчин) в возрасте не менее 16 лет. Перевес команды в женскую сторону можно объяснить, мобилизацией большого числа мужчин и, соответственно, нехватки последних в ДСО города. Эстафету выиграло ДСО «Динамо».

Основные задачи по показательным выступлениям выпали на ДСО «Трудовые резервы». Ими был подготовлен физкультурный танец на 30 человек, вольное упражнение мужчин с охватом 50 человек и вольный бой по боксу трех пар. ДСО «Динамо» предоставило 50 человек для показательных выступлений по рукопашному бою. Медицинский институт подготовил показательное выступление 40 человек в вольных упражнениях женщин.

Однако проверка от 24 апреля 1944 года о ходе подготовки к параду выявила ряд проблем.

Во-первых, город столкнулся с отсутствием профессиональных кадров. ДСО «Азот», «Молния» «Локомотив», «Большевик», а также «Сталгресс» и 264-й завод не вели подготовку кадров к празднику [10, л. 55]. ДСО «Трактор», «Строитель» и «Металлург» подготовку проводили слабо, часто срывая репетиции. Основной причиной являлось либо отсутствие инструкторов физкультуры, либо их слабая квалификация. Фактически подготовка шла лишь в ДСО «Динамо», «Спартак» и «Трудовые резервы».

Во-вторых, заметна была нехватка спортивного инвентаря. ДСО «Трудовые резервы» и «Металлург» жаловались на острую нехватку спортивной формы. Отсутствовали спортивные трусы и обувь.

В-третьих, в самих ДСО наблюдалось малое количество членов обществ. ДСО «Спартак», «Ким» и «Трактор» не имели проблем с инструкторами и спортивным инвентарем только потому, что выставляли малое количество участников.

По итогам проверки председатель городского комитета по делам физической культуры и спорта г. Сталинграда постановил снабдить ДСО города недостающим к параду спортивным инвентарем, а так же организовать трех месячные курсы физкультурных работников [5, л. 50].

В целом эти проблемы были характерны не только для первомайского физкультурного парада, но и для всей спортивной инфраструктуры города.

Первомайская демонстрация выявила ряд проблем в работе городского комитета по делам ФК и спорта и ДСО г. Сталинграда. Слабое развитие физической культуры и спорта можно объяснить не первоочередностью данного вопроса на фоне полностью разрушенного города. Поднимая спортивную инфраструктуру в городе, комитету по делам ФК и спорта приходилось брать во внимание, что горком ВКП (б) занят другими острыми вопросами, например, строительства жилья и школ.

Однако именно эта городская эстафета зародила традицию города, которую чтут до сих пор. Эстафета проводится уже не среди ДСО, а между школами и прелегает по центральной набережной г. Волгограда.

Библиографический список

1. Интерактивная карта-справочник Царицына-Сталинграда [Электронный ресурс] // Информационный портал «Твой город. Новый взгляд. 1589-2017» URL: <http://царицын.рф/google/> (Дата обращения: 06.11.2017).

2. План проведения спортивно-массовых мероприятий посвященных 1-му мая 1944 года // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 71. О. 4 Д. 87. Л. 59.

3. Положение о городских соревнованиях по эстафетному бегу, посвященных празднованию 1-го мая 1944 года // ЦДНИВО. Ф. 71. О. 4 Д. 87. Л. 59.

4. Протокол № 28 заседания пленума Сталинградского горкома ВКП (б) от 23 октября 1944 г. // ЦДНИВО. Ф. 71. О. 4 Д. 10. Л. 1-36.
5. Протокол № 3 от 24/IV-44 г. совещания с председателями обкомов, завкомов союза и председателями ДСО // ЦДНИВО. Ф. 71. О. 4 Д. 87. Л. 46-51.
6. Разрушенная Советская улица. 1944 г. // Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). 7928.
7. Разрушенная центральная часть города. Площадь Павших борцов. 1944 г. // ГАВО. 8008.
8. Разрушенный город Сталинград ул. Коммунистическая. 1944 г. // ГАВО. 7345.
9. Руины дома книги на углу улиц Московской и Октябрьской. 1944 г. // ГАВО. 9610.
10. Справка по проверке спортивных обществ о готовности к первомайскому физкультурному параду и Ф.К. выступлений // ЦДНИВО. Ф. 71. О. 4 Д. 87. Л. 55-56.

М.А. Дмитриева
*Самарский государственный
социально-педагогический университет*

МАТЕРИАЛЫ ШКОЛЬНОГО МУЗЕЯ КАК ИСТОЧНИК О ЖЕНЩИНАХ- ВОЕННОСЛУЖАЩИХ КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1941-1945 гг.

В самарской средней школе № 155 находится первый и единственный в России музей «Женщины на защите Родины 1941-1945 гг.». Он содержит ценные и информативные источники о женщинах-военнослужащих.

Как известно, из Куйбышевской области ушли на фронт не менее 30 000 женщин. Из них на поле боя погибли 645 человек [2, 62; 6, с. 340; 11, с. 86]. Однако место и роль женщин в военных событиях недостаточно изучены как на общероссийском, так и региональном уровне [1; 4; 5, с. 3-4]. В связи с этим возникла идея создания музея, посвященного уроженкам края, воевавшим на фронтах Великой Отечественной войны и трудившимся в тылу. Музей был открыт 9 октября 2002 г. в рамках городской программы «Школьный музей» [3, с. 32]. Инициатором его создания стали самарский областной Совет женщин-фронтовичек во главе с Надеждой Ивановной Решето и Александрой Ивановной Трыниной [8, с. 4]. Методистом музея назначили учителя истории Евгения Владимировича Назарова. За короткий срок, активно сотрудничая с женщинами – участницами Великой Отечественной войны, он сумел превратить музей в центр патриотического воспитания школьников. Е.В. Назаров также разработал и применил на практике новую модель музейного актива, которая состояла из пяти секций: поисковой, фондовой, экскурсионной, научно-исследовательской и экспозиционно-оформительской [7, с. 2].

Экспозиция музея отражает участие женщин нашего края в крупнейших битвах 1941-1945 гг. В фондах музея хранятся сотни подлинных документов, писем, фотографий, предметов быта, наград и других материалов [3, с. 32], что позволяет наглядно представить условия повседневной жизни женщин во время войны. Значительный интерес представляет диорама «Фронтовой перекресток», на которой представлены женщины различных военных специальностей. Среди них связисты, летчики, снайперы, зенитчики, регулировщики, наводчики, фронтовые медсестры, танкисты и другие [7, с. 2].

Экспозиция музея включает семь разделов: «Битва за Москву», «Сталинградская битва», «Курская битва», «Блокада Ленинграда», «Здесь тыл был фронтом», «Освобождение от фашизма», «Война на Дальнем Востоке» [3, с. 32]. Материалы каждого раздела содержат разнообразную информацию о подвигах женщин на фронте и в тылу. Экспозиция постоянно пополняется, в частности, благодаря тому, что учащиеся школы приносят семейные реликвии, связанные с их бабушками (прабабушками), защищавшими Родину [9, с. 3]. Не прекращается поисковая работа. Ребята ежегодно ездят в города, в освобождении которых принимали участие женщины, предоставившие материалы для экспозиции музея. Наталья Юрьевна Бодрова – методист музея, старается сохранить те добрые традиции, которые сложились за годы существования музея, а также старается внести что-то новое в организацию музея. Так, проводятся экскурсии, где сами школьники, одетые в форму военных лет, ведут рассказ от первого лица: поют, читают стихи, разворачивают подлинные письма-треугольники [3, с. 32]. Проводятся «музейные посиделки» – встречи юных активистов музея с ветеранами за круглым столом [7, с. 2].

К сожалению, совсем мало осталось самарских фронтовичек. Ушла из жизни и Надежда Ивановна Решето. Но память о каждой женщине жива.

Музей был и остается тем местом, где подрастающее поколение получает наглядные уроки патриотизма. Активисты музея не раз становились победителями конкурсов научных работ по исторической тематике, а опыт работы музея обобщался на городском и областном уровнях. По итогам Всероссийского смотра школьных музеев музей боевой славы средней школы № 155 г. Самары «Женщины на защите Родины 1941-1945 гг.» был признан одним из лучших школьных музеев, награжден грамотой и занесен в Книгу Почета Всероссийской организации ветеранов [7, с. 2].

На основе материалов школьного музея, при поддержке Самарского областного Совета женщин-участниц Великой Отечественной войны, областной и городской администраций была издан труд В.И. Бугаева и В.В. Семенова в двух книгах «Славные дочери Отчизны» – один из немногих в нашем крае по данной теме [10, с. 6].

Самарский школьный музей можно рассматривать не только как место хранения музейных экспонатов, но и как своеобразный памятник женщи-

нам-фронтовичкам, тем более что памятников, поставленных в честь участниц войны, не так много. Потенциал музея не только не исчерпан, но и недостаточно изучен с источниковедческой и конкретно-исторической точки зрения. На наш взгляд, необходимо, прежде всего, составить точный список собранных материалов, классифицировать их по типам и видам и дать хотя бы краткую аннотацию, что позволит более активно использовать различные группы источников в просветительской, воспитательной, экскурсионной и научной деятельности.

Библиографический список

1. Барсукова Н.В. Женщины Вооруженных Сил СССР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. // Омский научный вестник. 2012. № 5 (112). С. 11-13.
2. Бушуева О.Ю. Безвозвратные людские потери Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Самара: РЕАВИЗ, 2012. 187 с.
3. Жалнина Н. Что же такое настоящий патриотизм // Самара и губерния. 2016. № 1. С. 32.
4. Каменева Г.Н. Военная мобилизация женщин юга России в годы Великой Отечественной войны // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. № 1 (215). С. 92-101.
5. Петракова В.И. Женские стрелковые формирования в СССР в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. 26 с.
6. Романов П. О славных землячках здесь память хранится // Самарский Ветеран. 2017. № 8 (43). С. 2.
7. Савельева Л. Воспитать достойную смену // Волжская заря. 2004. 4 февраля.
8. Савельева Л. Приходите, ждем! // Волжская заря. 2004. 7 апреля.
9. Самарское Поволжье в XX веке: сб. докум. и матер. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. 512 с.
10. Семенов В.В. Славные дочери Отчизны, 1941-1945. Кн. 2. Самара: Офорт, 2005. 500 с.
11. Храмов Л.В., Храмова Н.П. Самарская земля в годы военного лихолетья 1941-1945 гг.: Очерк истории. Документы. Воспоминания. Хроника событий. Самара: Научно-технический центр, 2003. 371 с.

В. Циммерманн

Университет Вюрцбурга

ДЕТИ-ВОЛКИ – ПОТЕРЯННЫЕ ДЕТИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Во время войны случаются такие вещи, которые сложно выразить словами. Репрессии, насилие и разрушение – все эти термины ассоциируются с войной. Эти тяготы являются апогеем Второй Мировой войны. В конце концов, война, инициированная политиками, лишь приносит страдания простым людям, в особенности детям, женщинам и пожилым людям.

Тяжелее всего война воспринимается детьми. Многие очень рано лишаются детства, находясь в таких условиях. В данной статье я хочу рассмотреть и выдвинуть на передний план эти проблемы, а конкретно так называемых «Детей-Волков», которые по большей части проживали на территории Восточной Пруссии до тех пор, пока война не была прекращена. Почему же такое название «Дети-Волки»? Так называли детей, которые сами должны были заботиться о себе своей жизни. Многие были разделены с родителями или потеряли их во время военных действий, болезней и эпидемии. Благодаря своей нестигаемой воли эти сироты смогли самостоятельно выжить в нечеловеческих условиях.

В последние годы в немецких СМИ все больше и больше высвечивается тема «Дети-Волки». Экранизация, репортажи и документация, которые касаются данной темы, по большей части освещаются телевидением. Однако, эта тематика остается неизвестной и не получает должного внимания.

Что бы понять, насколько ужасна была борьба этих детей за жизнь, давайте проследим судьбу двоих из них. Одной из таких несчастных является двенадцатилетняя Ева Брискорн. Она бежала из Кенигсберга со своей матерью и родственниками от приближающейся линии фронта. Спустя некоторое время ее семья была задержана солдатами, ее младший брат погиб. Путешествие на запад превратилось в ужасную пытку. Не столько голод и холод, а сколько вид окровавленных людей и трупов запечатлелся в памяти Евы. Постепенно голод и холод уничтожали семью Евы. После смерти матери из восьми членов семьи остались только двое — четырнадцатилетняя Ева и ее двухлетняя сестра Гизела. В отличие от своей сестры Еве не удалось найти себе приют в другой семье и таким образом она отправилась из Западной Пруссии обратно в Кенигсберг в надежде попасть в Германию поездом. Однако, она села на поезд, который ехал в Литву. Обходными путями она добралась туда, и ее приютила литовская семья, в которой о ней заботились, и в которой она впоследствии осталась, привыкнув к образу жизни в Литве.

Следующая история о Герхарде Гудовиусе. Герхард родился в 1932-м году. Он никогда не знал своего отца, его растили дедушка и бабушка, т.к. в 5 лет он потерял мать. Войну он перенес относительно в безопасности, потому что во время бомбардировок он вместе с дедушкой и бабушкой укрывался в подвале. После окончания войны он остался со своими дедушкой и бабушкой в Кенигсберге и пережил большой голод. В начале 46-го переболел сыпным тифом. Его дедушка и бабушка делали все, чтобы он поправился. Ему удалось оправиться после длительного пребывания в больнице. Следующее испытание не заставило себя долго ждать. Дедушка умер от голода. Немного позже, зимой 46-го года умерла бабушка. Перед смертью она дала ему наставление добраться до Литвы, потому что там есть большая надежда на пропитание. Герхард сложил необходимые вещи и

отправился в дорогу. Он разместился между двумя вагонами поезда, который ехал в Литву. Он ехал до тех пор, пока не услышал иностранную речь. В 1947-м году 14-летний Герхард продолжал борьбу за жизнь. Он ночевал в пустых домах, а днем попрошайничал. Все больше и больше он учил язык и начинал просить еду и место для ночлега у крестьянских семей. В один день семья Даубраускас пригласила его к себе на работу, в качестве помощника. Он согласился и смог остаться с семьей. Вскоре он заслужил их доверие и отличился трудолюбием. Семья взяла его к себе и назвала его Герардасом. Он провел с семьей много лет, но был вынужден покинуть страну. В 1950-м году он попал в ГДР.

Судьбы других детей схожи с судьбами Евы и Герхарда. Они должны были заботиться о себе, у них практически не было нормальных продуктов питания, и они вынуждены были есть лягушек, кору деревьев и улиток, проделывали трудный путь в Балтику, где были шансы на то, что будет пропитание и безопасность. Многим не удавалось попасть в семью, даже в крестьянскую. Были семьи, которые с милосердием относились к таким детям и брали их в свои семьи, но они сталкивались с опасностью быть оштрафованными. Многие семьи давали этим детям литовские имена, часто это вело к потере их личности, языка и воспоминаний о детстве.

Эти судьбы и трагедии показывают, к каким ужасам приводит война. Вероятнее всего — это отражение впечатлений, которые показывают на сколько ужасной была война. Моим намерением было подчеркнуть то, что мы не можем допустить повторения такой ситуации и должны учиться на своих ошибках.

Библиографический список

1. Соня Винтерберг. Мы дети-волки: Уезжаем в Восточную Пруссию. Мюнхен.: Piper Verlag, 2012.

Э.И. Савенков

*Саратовский национальный исследовательский
государственный университет*

САКРАЛИЗАЦИЯ ПАМЯТИ О Т-34 В ВОСПОМИНАНИЯХ ВETERANОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Великая Отечественная война принесла в менталитет советского человека огромное количество различных, важных и даже в какой-то степени сакральных вещей, при упоминании которых, каждый житель постсоветского пространства испытывает различные чувства, как например, от гордости до скорби.

Танк Т-34 для жителя Российской Федерации и других стран СНГ, стал символом Победы, именно данный танк открывает парады Победы во многих городах России, в том числе и на главной площади нашей страны. При упоминании советского танка, человек начинает мыслить кейсами, как например: Т-34 является самым массовым танком, его производство было крайне быстрым, а сама машина является надежнее любой другой, которая когда-то существовала и существует. Танк всегда был одним из лидирующих объектом интереса, о танках пишут в журналах, книгах, им посвящены статьи, которые пользуются большой популярностью. Танкам посвящены отдельные игры, которые приобрели не только в СНГ, но и всем мире огромную популярность.

В данном тексте будет идти речь именно о том, каким виделся средний танк Т-34, в глазах его членов экипажа, таких как командир, механик-водитель, радист-стрелок и заряжающий.

Механик-водитель является самым важным членом экипажа, от механика-водителя зависит жизнь не только его самого, но и его «братьев по оружию». Если же взглянуть на Т-34 со стороны водителя, то о данной машине, может сложиться не самое благоприятное впечатление. К примеру, Ария Семен Львович вспоминал: «Были совершенно безобразные триплексы на люке механика-водителя. Они были сделаны из отвратительного стекла желтого или зеленого оргцвета, дававшие совершенно искаженную, волнистую картину. Вообще, в Т-34 забота об экипаже была минимальная» [1, с. 89]. Деген Ион Лазаревич приводит такую фразу: «Через щели можно было с трудом увидеть, что твориться вокруг танка. Механики упирались налобником танко шлема в броню танка и через свой перископ видели происходящее на поле боя. Они видели чуть лучше, чем новорожденные котята» [1, с. 397].

Командиру, второму по значимости члену экипажа, так же приходилось нелегко. «Что значит быть командиром танка? Это отвратительно! Это все равно что быть солдатом, но ко всему прочему еще и отвечать за всех» [1, с. 96] вспоминает Ария. Брюхов Василий приводит следующее: «Если ты командир танка Т-34-76, ты сам стреляешь, сам по радио командуешь, все делаешь сам. И когда ударит болванка, только тогда понимаешь, что в тебя попали» [1, с. 180].

Радист-стрелок считает самым бесполезным членом экипажа, так как радиосвязь была не совсем хорошей, да и от стрелка пользы было мало. В этом есть доля правды, Кириченко Петр Ильич, будучи радистом-стрелком на Т-34, вспоминает: «Честно говоря, я считаю, что радист в Т-34 был не нужен. Да он, как и пулеметчик был ни к чему. Обзор через эту дырочку над стволом пулемета был ограничен, а сектор обстрела был и того меньше» [1, с. 154]. Подводя итог, хочется отметить следующее, что, несмотря на все недостатки, танк Т-34-76 завоевал любовь у своих танкистов. Деген Ион Лазаревич говорит так: «Отношение экипажей к танкам было любов-

ное, за машинами следили. Таких разговоров – «Да гори эта железяка синим пламенем, все равно подобьют!» – я не слышал» [1, с. 394]. Каждый из членов экипажа, отмечает в танке что-то свое, однако обращаясь к 4 главным стереотипам танка, можно понять, что данные стереотипы не являются выдуманном мифом. Танк действительно был очень надежным, имел отличные ходовые характеристики и нес на себе мощную 76-мм пушку. «Танк (Т-34) действительно был сделан на уровне, очень продуманно. Он практически не ломался, а если что-то и выходило из строя, то быстро ремонтировался агрессивным способом» [1, с. 484] – вспоминает Никонов Иван Сергеевич. Захаров Андрей Васильевич отмечает: «Хороший был танк. Мощный, безотказный, маневренный, мог развивать высокую скорость» [2, с. 142].

А что касается недостатков, то здесь уже ветераны отмечают, конечно, как уже было выше сказано, минимальная забота об экипаже. В условиях критического положения в 1941 году, об удобствах не думали, лишняя работа задерживала бы выпуск танка, который так необходим был фронту. Так же были отмечены и крайне плохой обзор и загруженность командира танка. Но были и другие, «Из недостатков можно выделить внутреннюю связь, которая работала безобразно. Поэтому связь осуществлялась ногами» [1, с. 90] – вспоминает Ария Семен. Шипов Константин Николаевич пишет: «Это была прекрасная машина. Конечно, мы страдали от недостаточной толщины брони, но с точки зрения ремонтпригодности, танк превосходен!» [1, с. 549]. Под этот недостаток следует оговориться, что толщина была 45 мм под углом в 60 градусов и давала приведенную толщину брони примерно 90 мм, что для 1941 года было очень даже хорошо. В данном случае к недостаткам брони следует отнести другое, это ее сплав и внутреннее покрытие. При попадании в танк, даже если снаряд не сумел пробить броню, то осколочный эффект мог нанести экипажу ранения любой степени тяжести.

Таким образом, можно сказать, что танк Т-34-76 смог завоевать высокую оценку у танкистов благодаря своим характеристикам, которые вылились в визитную карточку данного танка. Так же боевая машина была надежна в обслуживании и легко поддавалась ремонту в полевых условиях даже под плотным огнем противника. Начиная с 1942 года от тяжелых танков КВ стали отказывать в пользу более успешного Т-34. Танк Т-34 определил тенденцию развития не только советской школы танкостроения, но и повлиял в какой-то степени на немецкую, чехословацкую и французскую школы танкостроения.

Библиографический список

1. Драбкин А. В. Я дрался на Т-34. Обе книги одним томом. М.: Яуза, Эксмо, 2014.
2. Драбкин А. В. Я дрался на Т-34. Третья книга. М.: Яуза-пресс, 2015.

ТОЦКИЙ МИФ: ОПЫТ НА ЛЮДЯХ ИЛИ ПРОСЧЕТ КОМАНДОВАНИЯ

Середина 20-го века – это сложный период времени для СССР. Во время второй мировой войны на мировой политической карте выделилось две сверхдержавы – США и СССР. Естественно, что эти государства боролись между собой за статус самой влиятельной державы в мире, поэтому между ними развязалась холодная война, которую многие называют гонкой вооружений. На начальном этапе СССР уступал, так как затратил больше ресурсов, чем США, на участие во второй мировой войне. Для ликвидации отставания нужно было ускорить темпы развития в отрасли ядерного оружия, так как США могло развязать ядерную войну в любой момент времени, ибо уже обладало ядерным оружием. От руководства СССР требовались решительные действия, которые и были приняты. Стоит отметить, что многие из них носили спорный характер.

Пожалуй, одним из самых спорных решений 20-го века стало проведение в 1954 году Тоцкого общевоинского учения с применением ядерного оружия на пересеченной местности. Планировалось исследовать воздействие взрыва атомной бомбы по участку заранее подготовленной обороны, на военную технику, животных. Изучить и практически проверить возможность ведения боя в условиях применения атомной бомбы. Данное учение носило кодовое название “Снежок” и было одним из самых масштабных в 20-м веке, в нем приняло участие 45 тысяч военных, 600 танков и самоходно-артиллерийских установок, 500 орудий и минометов, 600 бронетранспортеров, 320 самолетов.

За несколько дней до учения из близких к полигону населенных пунктов было эвакуировано население. 14 сентября 1954 года в 9 часов 33 мин. самолет-носитель с высоты 8000м. сбросил атомную 40-килотонную бомбу, через 45 секунд на высоте 350 метров от поверхности земли последовал взрыв. Его отклонение от цели составило 280 метров, что было допустимо.

17 сентября 1954 года – в газете «Правда» было напечатано сообщение ТАСС: «В соответствии с планом научно-исследовательских и экспериментальных работ в последние дни в Советском Союзе было проведено испытание одного из видов атомного оружия. Целью испытания было изучение действия атомного взрыва. При испытании получены ценные результаты, которые помогут советским ученым и инженерам успешно решить задачи по защите от атомного нападения». Войска выполнили свою задачу: ядерный щит страны был создан.

Все участники учений давали расписку о неразглашении государственной и военной тайны сроком на 25 лет, поэтому информация от первых

лиц стала появляться лишь в 90-х годах. Оказалось, что многие последствия учения носили трагический характер.

Упоминается, что техника безопасности нарушалась солдатами за время учения не один раз, так же нередко возникали проблемы с амуницией. Солдаты не были готовы к этому учению, как и руководство, ведь были замечено много несогласованных действий. Например, в воспоминаниях одного дозиметриста, шедшего к эпицентру, упоминается дорога, по которой – «перед нами прошли колонны наступающих», то есть войска прошли раньше дозиметристов по необследованному участку, и могли подвергнуться радиационному воздействию.

Если изучить и проанализировать сведения о учении 1954 года от непосредственных участников, то можно подумать, что ядерное оружие испытывалось на людях. Ведь отсроченные последствия взрыва сказались на здоровье многих участников только через несколько лет. Их детям и внукам передались хронические болезни, а сама они в большинстве своем, умерли от онкологических заболеваний.

Стоит отметить, что архивы Тоцкой районной больницы с 1954 года по 1980 были уничтожены. Но пик смертности от онкологических заболеваний в ближайшем населенном пункте Сорочинске приходится на 1958-1960 год. Поэтому можно предположить, что пострадало и мирное население прилежащих к полигону территорий.

Также дополнительное медицинское обследование прошли внуки участников учений. Оказалось, что у них фактически не работает система интерферон – защита организма от рака, поэтому они живут с предрасположенностью к этой болезни.

На сегодняшний день показатели по онкологическим заболеваниям по Оренбургской области одни из самых высоких в России, а участники учения 1954 года по статусу приравнены к “чернобыльцам”. В память о жертвах Тоцкого учения рядом с полигоном был воздвигнут памятник. Сейчас ни у кого нет сомнения в том, что Тоцкое общевойсковое учение под кодовым названием “Снежок” – это темная страница в истории нашего государства, но именно оно послужило замком к развязыванию ядерной войны. Советским народом на Тоцком полигоне был совершен настоящий подвиг.

Библиографический список

1. Домбровский В.Н. Оренбуржье радиоактивное. Оренбург: Зеленый комитет, 2000. 70 с.
2. Лапаев П.В. Ради отечества. Тоцкий атомный взрыв / П.В. Лапаев, П.А.Мазин, М.Г. Лапаева. Оренбург: Оренбургская книга, 2004. – 237 с.
3. Гофман, Д. Рак, вызываемый облучением в малых дозах: независимый анализ проблемы. М.: Соц. – экол. Союз, 1994. – 162с.

СОВЕТСКО-ИТАЛЬЯНСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ГОРОДЕ ТОЛЬЯТТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА КАК ПРИМЕР МЕЖДУНАРОДНОЙ КУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В период с 1966 по 1973 гг. происходил обмен советскими и итальянскими специалистами между СССР и Италией в рамках строительства Волжского Автомобильного завода с целью разработки технической документации и повышения квалификации советских и итальянских работников [1]. Строительство Волжского Автомобильного завода стало основным фактором зарождения советско-итальянского сотрудничества в городе Тольятти [2; 3].

Период с 1964 по 1985 гг. характеризуется активизацией советско-итальянских культурных отношений. Это выразилось в формировании самостоятельных организаций, основным направлением работы которых стало культурное сотрудничество. Одной из наиболее активных организаций по развитию советско-итальянских культурных отношений в городе Тольятти стало Тольяттинское отделение Союза советских обществ дружбы народов Общество «СССР-Италия», основанное 12 апреля 1965 года. Общество ставило цель содействовать дальнейшему развитию дружбы, взаимопонимания, доверия и культурного сотрудничества между СССР и Италией путем ознакомления советских людей с историей, трудом, бытом Италии и итальянцев с историей СССР [4].

Для осуществления поставленной цели в период с 1965 по 1987 гг. Обществом «СССР-Италия» был предпринят ряд мер, направленный на формирование культурного диалога между СССР и Италией в городе Тольятти. Общество «СССР-Италия» устанавливало и развивало связи с Обществом «Италия-СССР» и другими общественными и культурными организациями, которые выступали за культурное сотрудничество между СССР и Италией. Основными формами построения культурного диалога были: проведение встреч с представителями из Италии, работавших на ВАЗе, с итальянскими детьми и иностранными активистами общества, чтение лекций о социально-экономическом положении Италии, организация кружков итальянского языка, периодическое проведение выставок и экспозиций, делегационный обмен, организация экскурсий, наглядная агитация. «СССР-Италия» на протяжении всего своего существования содействовало созданию личных контактов граждан СССР и Италии посредством организации личной переписки [5]. Анализ личных писем между советскими и итальянскими гражданами в период с 1965 по 1987 гг. показал, что тон и характер переписки можно охарактеризовать как дружественный и положительный. В письмах корреспонденты выражают свое уважение к культурному досто-

янию государств, поздравляя с национальными праздниками и днями рождениями выдающихся личностей. Практически в каждом письме корреспонденты выражают стремление к продолжению развития и укрепления отношений друг с другом. Итальянские граждане выражали свое глубокое восхищение Советским Союзом и восторг от сотрудничества ФИАТ и СССР. Итальянцы в письмах выражали особое отношение к переименованию советского города именем лидера коммунистической партии Пальмиро Тольятти. Они расценивали этот как шаг как признание заслуг и вклада Пальмиро Тольятти в политическую культуру. Они видели также в этом жесте проявление любви к трудящимся итальянцам [6].

Таким образом, можно сделать вывод, что в период с 1965 по 1987 гг. происходил процесс построения и развития советско-итальянского культурного диалога. Были созданы формы и методы построения культурного взаимодействия между СССР и Италией в городе Тольятти. Переписка между советским и итальянскими гражданами являлась средством культурного диалога между гражданами. Об этом свидетельствует наличие взаимного обмена материалами о культуре и государстве корреспондентов, переписка выступала как средство изучения языка. Корреспонденты не были знакомы лично, а это говорит о том, что никакие личные связи между участниками общения отсутствуют и единственным мотивом общения остается лишь культурный диалог. Корреспонденты открыто говорили об установлении культурных контактов. Советско-итальянские культурные отношения в городе Тольятти оказали положительное влияние на развитие сфер городской жизни города Тольятти и его социокультурный облик, что выразилось в развитии туризма, организации культурно-массовых мероприятий, работы с иностранным населением и т. д. Общество «СССР-Италия» создало оптимальный климат для сближения советского и итальянского народов и заложило основу для развития российско-итальянских отношений на современном этапе в городе Тольятти.

Библиографический список

1. Архивный отдел мэрии г. Тольятти (ТГА). Ф.Р-352. Оп.1. Ед. хр. 101-6. д-210.
2. Архивный отдел мэрии г. Тольятти (ТГА). Ф. Р-352. Оп.1. Ед. хр. 16.
3. Архивный отдел мэрии г. Тольятти (ТГА). Ф. Р-352. Оп.1. Ед. хр. 184.
4. Архивный отдел мэрии г. Тольятти (ТГА). Ф. Р-219. Оп.1. Ед. хр. 2.
5. Архивный отдел мэрии г. Тольятти (ТГА). Ф. Р-219. Оп.1. Ед. хр. 26.
6. Архивный отдел мэрии г. Тольятти (ТГА). Ф. Р-219. Оп.1. Ед. хр. 5.

ФАКТОРЫ, ПОВЛИЯВШИЕ НА ВТОРЖЕНИЕ СОВЕТСКИХ ВОЙСК В АФГАНИСТАН 1979-1989 гг.

Советское военное присутствие в Афганистане—поистине переломный момент для всей истории Холодной войны. Данное событие по праву считается отправной точкой в процессе распада СССР. Продолжающийся в Афганистане более трех десятилетий кризис власти, утихающая и вновь разгорающаяся в стране гражданская война многими отечественными и зарубежными исследователями, связывается с советским военным присутствием в этой стране. Апрельская революция 1978 года, считается отправной точкой в долгом кризисе власти в Афганистане. И одной из причин этого кризиса является Х.Амин. Одной из дискутируемых тем применительно к личности Х.Амина является тема о степени его приверженности курсу на дружбу с СССР. При обосновании причин ввода советских войск в Афганистан его обвинили в принадлежности к агентуре ЦРУ США и намерениях обратиться за помощью в поддержке своего режима к американцам. Если представить, что Советский Союз не пошел бы на спасение режима, То Х.Амин, учитывая традиции Востока и известные сегодня характеристики этой личности, с большей долей вероятности мимикрировал бы в политическом плане. Активизация его контактов с дипломатами США может рассматриваться и как попытка давления(шантажа) на СССР в рамках все той же, характерной для афганских правителей манере, «Большой игре» на противоречиях сверхдержав, так и вполне как подготовка почвы для политического маневра на случай отказа СССР от дальнейшей поддержки его режима [1, с.91]. К возможности такого поворота в отношениях с СССР его подталкивали те ответы, которые он слышал от советских лидеров на просьбы оказать помощь непосредственно войсками. Хорошо известно, что на заседаниях Политбюро ЦК КПСС при обсуждении афганской проблемы подчеркивалась нецелесообразность военного вмешательства: «...нам сейчас не пристало втягиваться в эту войну... мы можем помочь им всем, что необходимо для ведения всех действий в стране. Участие наших войск в Афганистане может нанести вред не только нам, но и прежде всего им». Глава советского правительства А.Н. Косыгин разъяснял Н. Тараки: «Наши общие враги только и ждут того момента, чтобы на территории Афганистана появились советские войска... Мы тщательно изучали все аспекты этой акции и пришли к выводу о том, что если ввести наши войска, то обстановка... не улучшится, а наоборот осложнится. Нельзя не видеть, что нашим войскам пришлось бы бороться не только с внешним агрессором, но и с какой-то частью вашего народа. А народ таких вещей не прощает».

Большое количество обращений афганцев к СССР с просьбой оказать прямую военную поддержку, вплоть до введения в страну советских войск, подтверждает тезис о том, что, идя на захват власти, НДПА рассчитывала и на такой вариант защиты своего режима. По некоторым данным, сведения в отношении Х. Амина были таковы, что не считаться с ними было нельзя. Не просто так главы Минобороны, МИДа и КГБ и пришли к согласию о необходимости замены Х. Амина, включая и крайний вариант силового решения назревшей проблемы. Об утрате Х. Амином доверия в Москве ясно усматривается из информации ЦК КПСС от 16 сентября 1979 года главе ГДР Э.Хоннекеру. Это же подтверждает и последующее отсутствие ответов из Москвы на неоднократные просьбы Х. Амина принять его советским руководством. Оценивая действия СССР в Афганистане 1978–1979 гг., важно еще раз подчеркнуть вывод о том, что взятие Народно-демократической партией Афганистана власти не является результатом претворения в жизнь планов СССР по совершению социальной революции в этой стране, присоединения ее к советскому блоку [1, с.65]. В условиях «холодной войны» любые подвижки в сторону социализма в странах «третьего мира» пропагандой Запада подавались, преимущественно, как следствие политики СССР и операций его спецслужб. Практически все они обвиняли СССР в прямой организации заговора с привлечением афганской оппозиции к смещению как короля Захир-шаха, так и насильственному свержению режима М. Дауда. В принятии решения на ввод войск сказался комплекс факторов внешнего и внутреннего порядка как для СССР, так и для ДРА. Высокий уровень зависимости существования режима НДПА от сотрудничества с СССР, как особенности политической обстановки, в концентрированном виде выразился в призывах афганских властей ввести советский воинский контингент в ДРА. Присутствие иностранных войск в стране, где идет гражданская война, объективно является важным фактором развития обстановки в ней. Особенно, когда формирование правительства связано с вводом иностранных войск, и они поддерживают одну из сторон, ведут вместе с ней активные боевые действия против другой стороны «Решение на ввод советских войск в Афганистан не было скоропалительным, спонтанным... Принималось оно на фоне большого числа противоречивых, скоротечных и острых факторов, прямо затрагивающих интересы государственной безопасности СССР [1, с.101]. И ситуация оказалась гораздо сложнее и серьезнее, чем представлялось. Как показали дальнейшие события, акция, предпринятая без соответствующего прогноза и учета всего спектра факторов, касавшихся последствий ввода войск и влияния его на развитие обстановки в Афганистане, привела к трагедии не только афганского народа, но и нашей страны».

В основе решения о вводе войск лежали, с одной стороны вполне понятные интересы безопасности страны, геостратегические факторы, логика глобальной конфронтации с США, охрана целостности социалистичес-

кого лагеря, помощь союзнику, идеологически родственной партии. С другой стороны, решение было облегчено абсолютно ошибочными расчетами советского руководства на возможность военным вмешательством решить афганскую проблему. Они опирались на недостаточную и неправильную информацию, на смутные или даже ошибочные представления об особенностях ситуации в Афганистане.

О непростой ситуации на тот момент говорил Ю.В. Андропов: «Вы помните, как трудно и осмотрительно решали мы вопрос о вводе войск в Афганистан. Л.И. Брежнев настоял на поименном голосовании членов Политбюро». Ряд последующих ошибок политики СССР в Афганистане в определенной степени был обусловлен установками политбюро ЦК КПСС, касавшимися стратегии взаимоотношений с США. Несмотря на понимание того, что Соединенные Штаты пытаются «придавать действиям своих союзников скоординированный характер», советское руководство весьма осторожно в реализации внешнеполитического курса на афганском направлении, действует, исходя из того, что «наши контрмеры осуществлять, исходя из нецелесообразности осложнять весь комплекс многоплановых отношений Советского Союза с США»

Неизвестность происходящего в Афганистане сыграло немаловажную роль на окончательно решение проблемы в данном регионе. Несмотря на многие заявления, зачастую правительство СССР не понимало всей ситуации, происходящей в стране, что и привело к одному из самых важных моментов истории не только этого региона, но и является важнейшим событием в истории 20 века.

Библиографический список

1. Топорков В.М. Афганистан: Советский фактор в истоках кризиса Монография Чебоксары 2014
2. Afghanistan: an historical and geographical appraisal William Maley December 2010.
3. Afghanistan, 1979-2009: In the Grip of Conflict The Middle East Institute Washington, DC 2009.

В.А. Григорьев

Самарский национальный исследовательский университет

СОЦИАЛ-ЛИБЕРАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: РАЗВИТИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Развитие социального либерального движения в современной России происходило в тесной взаимосвязи с другими направлениями либерализма и в условиях продолжающейся трансформации политико-правовой систе-

мы, в которой обнаруживаются две стороны: содержательная и формальная. С момента преодоления октябрьского политического кризиса 1993 г. на содержательном уровне действует стабильная тенденция усиления авторитарных элементов в политической жизни общества, повлекшая сращивание исполнительной и законодательной власти. Этот процесс отражается уже на формальных аспектах функционирования политической системы страны: неустойчивость партийного законодательства, частые изменения в избирательной системе, равно как и несоблюдение ее норм.

Принимая во внимание данные обстоятельства, мы можем выделить два этапа развития социал-либерального движения в постсоветской России: 1) парламентский этап — с 1993 г. до 2003 г.; 2) внепарламентский — с 2003 г. — до настоящего времени.

На первом этапе происходило формирование социал-либерализма как направления в российском политическом движении и его институционализация. Либеральный дискурс, закрепившийся в общественном сознании России в период «перестройки», первоначально имел синкретичный характер. Процесс дифференциации российского либерального движения начался в период радикальных преобразований правительства Ельцина-Гайдара и последовавшего вслед за ними политического кризиса 1992-1993 гг.

Источником возникших противоречий стало отношение представителей либерального движения к проводимым реформам [6, с. 93]. Обособившаяся группа либералов составила основу формировавшегося социал-либерального движения, идейная база которого сочетала ценности свободы и справедливости.

В сентябре 1993 г. был образован избирательный блок «Яблоко», ставший основным институтом движения. Название он получил по фамилиям своих лидеров: экономиста Г. Явлинского — последовательного критика гайдаровский реформ, автора альтернативной экономической программы «500 дней»; а также видных политиков — Ю. Болдырева и В. Лукина. В состав блока вошли такие политические силы, как республиканская и социал-демократическая партии, христианско-демократический союз [4, с. 10].

Теоретической базой экономической программы «Яблока» стали адаптированные под российские условия воззрения немецкого экономиста А. Мюллер-Армака, разработавшего концепцию «социального рыночного хозяйства». Она была направлена на создание социально ответственного государства, которое предусматривало равные стартовые возможности и достойный уровень жизни для незащищенных слоев населения [3, с. 97].

Внешнеполитические ориентиры «Яблока» были выстроены на принципах добрососедства, укрепления сотрудничества, мирного решения конфликтов и отказа от имперской политики. На постсоветском пространстве в качестве приоритетной задачи было объявлено сохранение политико-экономических связей с бывшими союзными республиками на равноправной и взаимовыгодной основе [1].

Вскоре после своего возникновения социально-либеральное направление в лице избирательного блока «Яблока» сумело продемонстрировать свою жизнеспособность, став парламентской фракцией.

На протяжении 1990-х гг. «Яблоко» последовательно выступало против президентского курса Б. Ельцина: отказалось поддержать его кандидатуру во втором туре президентских выборов 1996 г., «яблочники» голосовали против правительственных проектов федерального бюджета, против предложенных президентом кандидатур председателей правительства В. Черномырдина и С. Кириенко. Члены партии, принимавшие предложения работы в правительстве, исключались [2, с. 58].

На рубеже 1990-2000-х гг. обнаружилось кризисные тенденции в организационных аспектах деятельности партии. Ряд первичных отделений «Яблока» самовольно внесли изменения в программные и уставные документы [7, с. 151].

В условиях утверждения «партии власти» и усиления барьеров для независимого от президентской администрации политического движения стало наблюдаться устойчивое снижение электоральной привлекательности партии «Яблоко» [5, с. 2]. Как следствие, социал-либералами была провалена избирательная кампания на думских выборах 2003г. В результате «Яблоко» лишилось отдельной фракции в Государственной Думе, что открыло новый этап в развитии этого движения – внепарламентский.

Изменения в статусе партии побудили ее лидеров к поиску союзных политических сил среди либерального движения. Попытка создать блок с радикально-либеральным СПС не увенчался успехом: сказались противоречия в экономических программах партий и властные устремления их лидеров.

В 2000-е гг. изменяется отношение партийного руководство к работе членов «Яблока» в органах исполнительной власти: должность уполномоченного по правам человек занимает Владимир Лукин, руководителем ФАС становится Игорь Артемьев. В Самарской области должность уполномоченного по правам человека получает председатель реготделения партии Ирина Скупова.

В ходе массовых политических выступлений в 2011-2012 гг. социал-либералам не удалось захватить протестную повестку и расширить ее экономическими и социальными требованиями. Реакция руководства партии на результаты «Крымской весны» и события на юго-востоке Украины в 2014 г. обнажила противоречия между внешнеполитическими представлениями ее лидеров и чаяниями народных масс.

Перспективы социал-либерального движения в России зависят, во-первых, от направления внутри- и внешнеполитического развития страны; во-вторых, от преодоления кадрового застоя в действующей организации движения – партии «Яблоко»; и, в-третьих, от способности новых лидеров к консолидации политически активной части общества за счет пересмотра непопулярных установок партийной доктрины.

Библиографический список

1. Блок «Яблоко». Предвыборная платформа. М., 1993.
2. Гельман В.Я. Политическая оппозиция в России: вымирающий вид? // Полис. Политические исследования. 2004. № 4.
3. Головченко В.И. Идеологический фактор кризиса правых партий в постсоветской России // Известия Саратовского университета. Серия социология. Политология. 2009. № 1.
4. Манихин О.В. Российская демократическая партия «ЯБЛОКО». Краткий исторический очерк. М., 2003.
5. Новиков В. Кого поддержит «Яблоко»? // Самарская газета. 2001. 17 апреля.
6. Сморгунов Л.В. Либерализм и марксизм постсоветской эпохи // Вече. Альманах русской философии и культуры. Вып 15. СПб., 2003.
7. Хомутских И.С. Основные аспекты деятельности новосибирского регионального отделения политической партии «Яблоко» в 1997-2003 гг. // Омский научный вестник. 2010. № 5.

И.В. Вохминцев

Самарский национальный исследовательский университет

РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ПРОВЕДЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ АКТОВ В РФ И ЕС

Такие международные события как Арабская Весна и последовавший за ней кризис беженцев в странах ЕС, подняли новую волну терроризма в ЕС и РФ. Несмотря на весь общественный резонанс, данная проблема не рассмотрена в российской науке. Особую обеспокоенность вызывают новые методы террористов. В данном исследовании выдвигается тезис о существовании корреляции между регионом и способом совершения террористических актов, а также выбора инструментария для его проведения. Для проведения анализа были отобраны террористические акты, проведенные террористами в период с 2011 года по н.в. Такой временной период обосновывается тем, что именно с 2011 года идет резкое увеличение количества террористических актов псевдо-исламской направленности в ЕС. Для жителей ЕС-это настоящий шок, так как до этого теракты носили временный характер. Для РФ такой период также был выбран для более качественного сравнения с ЕС. РФ всегда подвергалась нападениям экстремистов, и нет резкого увеличения количества терактов. Их суммарное количество равняется 58, из них в РФ 31, в ЕС 27. Сопоставляя полученные данные при обработке терактов по странам, а также при проведении SWOT-анализа, можно сделать следующие выводы. При сравнении двух регионов СВУ чаще использовалось в РФ. Но связано это не с низкой эффективностью работы спец. служб, так как невозможно подсчитать предотвращенные теракты (данные засекречены) и сравнить их с совершенными, а с

непосредственной близостью со странами, центрами терроризма. Следовательно можно говорить, что географическое положение влияет на проведение террористических актов. Также SWOT-анализ показал, что СВУ- самое эффективное средство для терактов, а так как в РФ его легче получить (наличие центров терроризма рядом с проницаемыми границами стран Средней Азии), то СВУ и используется в РФ чаще чем в ЕС. Стрелковое оружие больше всего используется в странах ЕС. Хотя стрелковое оружие менее эффективно чем СВУ, но объясняется это особенностями Европейского законодательства(легче приобрести), большей недоступностью взрывчатых веществ в ЕС по сравнению с РФ. Также применяются автотранспортные средства и холодное оружие, но только в ЕС. Это абсолютно новое средство в руках террористов. Они наименее эффективны по сравнению с СВУ и стрелковым оружием. Все случаи приходится на 2016-2017 г. Их приоритетное использование можно объяснить через усиление работы спецслужб, которая ведет к изменению тактики террористов. А именно активное использование Интернет пропаганды для вербовки сторонников. Это не подготовленные бойцы, а обычные люди, не умеющие использовать СВУ, но имеющие доступ к автотранспорту и холодному оружию. СВУ и стрелковое оружие сложны для обращения без специальной подготовки. Именно в ЕС идет основной наплыв беженцев, обычных людей, но почти полностью отчаявшихся, то есть идеальных для вербовки и подготавливать их не нужно. В РФ такого наплыва нет, и радикалы пользуются привычными способами и методами проведения. Таким образом ситуация в одних регионах на прямую влияет на ситуацию в других. Обращая внимание на совокупность этих факторов, террористы выбирают приемлемую тактику. Для РФ-это СВУ, для ЕС-автотранспорт и холодное оружие. Для борьбы с современным терроризмом, надо вводить антипропаганду терроризма в сети Интернет в РФ и ЕС, ведь главная борьба идет в головах людей. А также активизировать сотрудничество по борьбе с терроризмом в рамках спец.служб и мин.обороны. Более того, для РФ и ЕС актуально ужесточение законодательства. Всегда легче предупредить болезнь. Никакие законы не удержат терроризм, никто не может обеспечить себе 100% безопасность, так как терроризм всегда найдет способы для претворения в жизнь своих планов. Даже используя бытовые предметы и автотранспорт. Таким образом, для обеспечения максимальной безопасности страны от террористических актов, политические лидеры должны учитывать внутреннюю ситуацию в своей стране и внешнюю ситуацию на мировой арене, а также выстраивать комплексную систему обороны против терроризма.

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Российско-Китайские отношения имеют продолжительную историю. Однако если ранее, Китай хоть и вел независимую политику, но при этом так или иначе был подвержен Советскому влиянию, то в условиях современной конъюнктуры, ситуация изменилась. На данный момент, Китай является одним из сильнейших государств на планете. Несмотря на конфликт интересов между державами в некоторых областях, в Российской науке, внимание акцентируется на положительной стороне Российско-Китайских отношений. Российско-Китайские контакты имеют многопрофильный характер и затрагивают огромный спектр сфер. В силу важности обеих держав, особую значимость приобретает политическое взаимодействие. Ключевым направлением сотрудничества в этой области является взаимодействие по пограничным вопросам. Результатом контактов в этой области стало то, что к 1999 году были решены все пограничные споры между странами. Несмотря на положительное решение вопроса, многие из споров, были решены в пользу КНР. К примеру, в 2004 году Москва уступила Пекину часть своих территорий вдоль рек Амур и Уссури. Несмотря на значимость данной проблемы, Российское правительство пошло на уступки в угоду внешней политике. В данном направлении Китай и Россия достигли успехов, но не обошлось и без проблем. В августе 2008 года, обычные дружественные китайско-российские отношения, и их соответствие международной безопасности, было нарушено, когда Китай не одобрил признание независимости Абхазии и Южной Осетии после грузинского конфликта, учитывая его собственные сепаратистские проблемы в Тибете и Синьцзяне [1, с.15]. Исходя из этого, мы можем проследить одну из важнейших проблем Российско-Китайских отношений. Если на глобальном уровне, между державами, существует консенсус то на региональном уровне, с течением времени, неизбежно возникнут проблемы, вызванные столкновением интересов этих государств. Наряду с проблемами во внешней политике, существует ряд проблем на уровне взаимодействия обществ, двух стран. В КНР существует неоспоримое убеждение в том, что в России популярны «миф об угрозе со стороны Китая» и «миф о китайской экспансии» [2, с.561]. Подобные настроения имеют место и в Российском общественном мнении. Причиной формирования такого мнения, стала проводимая КНР политика экономической экспансии в Латинской Америке, АТР и в других регионах. Несмотря на то, что такую точку зрения нельзя считать доминирующей, она может сыграть пагубную роль в буду-

шем, тем более что с течением времени, Китай не сокращает темпы ведения экономической экспансии и однозначно можно заявить, что Россия не будет страной, на которую не распространится Китайское экономическое влияние. Значение в этом вопросе будет играть тот факт, что РФ располагает всеми ресурсами, в которых нуждается современный Китай. Но если экономическая экспансия Китая в России, возможно лишь в перспективе, то попытки экономического поглощения стран СНГ, которые традиционно входили в сферу Российских экономических интересов, вполне легко прослеживается, во всех странах региона, уже на данный момент времени. Явный тому пример – ситуация в Казахстане. Доля России в экспорте Казахстана снизилась с почти одной трети во второй половине 1990-х годов до около 10% в последние пять лет. В тот же период доля Китая в экспорте Казахстана удвоилась примерно до 15% [3, с.50]. Внимание Пекина к Казахстану, вероятно вызвано его ресурсной базой. В других странах СНГ, влияние Китая на данный момент не так сильно, однако продолжает постоянно расти. Экономический вызов, брошенный Китайским правительством России в странах СНГ, однозначно скажется, на дальнейшем развитии Российско-Китайских отношений и будет играть роль одного из основных факторов, оказывающих влияние на их ход. Следующей проблемой, на пути Российско-Китайского сотрудничества, является, с течением времени ставшая, еще более актуальной – Тайваньская проблема. Несмотря на то, что Россия формально всячески порицает, усилия Тайваньского правительства направленные на получение дипломатического признания, в действительности же только расширяет кооперацию с Тайбэем. Тайвань является четвертым по величине торговым партнером России в АТР [4, с.97]. Хотя такая политика Москвы и полностью отвечает экономическим интересам России, она может оказать негативное влияние на отношения с Китаем. Исходя из проведенного исследования, можно сделать следующие выводы. Несмотря на успех Российско-Китайской кооперации, отношения между РФ и КНР все еще не носят характер стратегического партнерства. Несмотря на консенсус в глобальном масштабе, опускаясь на региональный уровень, мы видим проблемы, которые либо уже выступают в качестве негативного фактора, либо с большой долей вероятности будут играть такую роль в будущем. Но если, к примеру, вопрос восприятия Китая в Российском обществе, носит весьма абстрактный характер и неспособен сильно навредить взаимовыгодному сотрудничеству, то другие факторы сильно меняют характер двусторонних отношений. Например, в странах СНГ, Китай и Россия становятся не потенциальными партнерами, а противниками в борьбе за влияние в регионе. А на проблеме Тайваня видна ситуация когда экономические выгоды пересиливают партнерские обещания. Исходя из вышеперечисленного, мы приходим к выводу – Российско-Китайские отношения будут носить статус партнерства до тех пор, пока это будет отвечать национальным интересам обеих сторон.

Библиографический список:

1. Marcelde Haas. Russian-Chinese security relations. The Hague, 2013.
2. Кузык Б. Китай-Россия 2050: Стратегия соразвития. Москва, 2006.
3. Moshes A.&Nojonen M. Russia-China relations. Helsinki, 2011.
4. Weitz R. China-Russia security relations: strategic parallelism without partnership or passion? Carlisle, 2008.

Д.Д. Рыбаков

Самарский национальный исследовательский университет

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ЛЮКСЕМБУРГСКОГО ОБЩЕСТВА ПО ОТНОШЕНИЮ К БЕЛЬГИИ

Бенилюкс, как обособленный регион в системе международных отношений, формируется еще с VIII в., в XII веке процесс интеграции нидерландских государств внутри региона уже идет полным ходом. Территории Бенилюкса впервые называют «Нидерландами» именно в XII веке в письменных документах и королевской переписке [1]. Как ни странно, исторический процесс интеграции разнообразных государств южных и северных Нидерландов сопровождается процессом дезинтеграции.

Данные процессы, которыми отличаются международные отношения в регионе, наиболее явно впервые проявляются в средние века, во времена Борьбы за инвеституру (X-XI вв.). Тогда начинается отслоение областей в Нижней Лотарингии (Геннегау, Газбенгау, Намюр и т.д.) от Империи, там возникает один из очагов борьбы. В последующие века мы наблюдаем расширение династических связей между владетельными домами государств внутри региона, их последующее сближение (расширение Брабанта), да и в целом регионе вне зависимости от названий государств и династий остается образ единого целого (Бургундское Герцогство, Испанские владения, Королевство Нидерландов, сотрудничество в 1848 г., союз Бенелюкс). Однако, также мы можем наблюдать дезинтеграцию (Разделение на германскую и романскую часть со времен римского присутствия, Реформация, Голландская революция, 30-летняя война, война за Испанское наследство, Наполеоновские войны, Бельгийская революция). То есть, на протяжении веков Нидерланды едины и разделены в одно и то же время.

Так, например, сегодня, несмотря на то чувство доверия, которое существует в современном союзе Бенилюкс, мы можем отметить параллельную дезинтеграцию южных (кор-во Бельгия и вел.гер. Люксембург), и северных Нидерландов (кор-во Нидерланды). На данную мысль меня навела официальная символика Великого Герцогства. Герб и знамя Люксембурга остались неизменными с первого их упоминания в середине XIV века [2]. С того же времени мы можем говорить о существовании Люксембурга, как

государства на территории Нидерландов. Страна, как в целом Нидерланды, развивалась под сильным влиянием сразу двух языков: немецкого на востоке и французского на западе. Вместе с остальными бывшими Австрийскими Нидерландами Люксембург в 1815 году присоединили к новообразованному Нидерландскому королевству. Уже на тот момент в стране долгое время существовала символика «современного» типа (флаг-триколор, кокарды для головных уборов), существовало чувство самоопределения [2]. В 1830-х гг. восстания в Люксембурге по своей масштабности не превосходили лишь центральные события в Брабанте, население всецело поддержало отделение от единого Нидерландского государства. Новые элиты видели в объединении с Бельгией более логичный союз. В это время происходит вновь резкое разделение на юг и север в международных отношениях внутри Нидерландов. Однако, по решению Лондонского конгресса 1839 г. западные территории великого герцогства Люксембург, населенные в основном франкофонами, перешли под суверенитет Бельгии, составив бельгийскую провинцию Люксембург[4.], а часть населенную преимущественно людьми, говорящими на немецком языке сделали независимым государством, объединенным личной унией с Голландией. Средневековый Люксембург разделен, но символика все так же едина. Бельгийская провинция и независимое государство Люксембург имеют идентичные флаг и герб по сей день. Ко всему прочему, история современной политической и экономической интеграции Бельгии и Люксембурга длится с 1921 года [4]. То есть, уже с начала XX века между двумя странами создается пространство свободной торговли, перемещения рабочей силы, финансов и услуг. С тех самых пор начинается так же создание общих структур безопасности, контроля над внешними границами у двух стран без привлечения Голландии. Это все и наводит меня на мысль о том, что сохраняющееся по сей день единство символов является выражением близости самосознания населения двух стран, единства пространства «двух Люксембургов».

Для подтверждения или опровержения этой мысли мной были привлечены материалы современных люксембургских и бельгийских (южно-валлонских) СМИ за период с 2010 по 2017 гг. Их исследование показало, что население независимого великого герцогства Люксембург зачастую на страницах прессы и в других источниках идентифицирует себя с населением бельгийской провинции Люксембург. Судя по тому, насколько население Великого Герцогства интересна информация о событиях в южной Валлонии (провинции Люксембург) на уровне коммуны, можно понять, что граждане «двух Люксембургов» живут в едином пространстве, используют один транспорт, ходят в одни магазины и больницы. В этой связи мы можем судить о единстве двух Люксембургов, как о современной реальности. В Бенилюксе с его высоким уровнем интеграции продолжается процесс, о котором я рассуждал выше – дезинтеграция северных и южных Нидерландов.

Библиографический список

1. Пиренн А. Средневековые города Бельгии. СПб., 2001.
2. Avis de la Commission h'raldique de l'Etat. Luxembourg, 2007. https://www.gouvernement.lu/854233/Avis_Comherpdf.pdf, дата обращения: 23.08.17
3. Traité de Londres conclu et signй le 19 avril 1839. <http://mjp.univ-perp.fr/constit/be1839.htm>, дата обращения: 16.10.17.
4. Belgique et Luxembourg. Convention йtablissant une union йconomique entre les deux pays, signйe а Bruxelles. 25 juillet 1921. URL: <http://www.worldlii.org/int/other/LNTSer/1922/58.html>, дата обращения: 11.11.17.

К.Е. Макаров

Самарский национальный исследовательский университет

МЕСТО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СОВЕТЕ ЕВРОПЫ И ПАСЕ ПОСЛЕ 2014 г.

10 апреля 2014 г. Парламентская ассамблея Совета Европы исключила РФ из всех своих руководящих органов до конца 2014г. в ответ на присоединение Крыма. За принятие резолюции по РФ проголосовало большинство депутатов – 92 человека, против выступили 74 человека, 19 воздержались. Аннулировать полномочия российской делегации ПАСЕ отказалась. Члены Ассамблеи отклонили соответствующую поправку к резолюции, инициированную представителем Грузии. Мнения членов Ассамблеи разделились поровну: 82 были за и 82 – против, 6 – воздержались. Для принятия положительного решения был необходим перевес в один голос. На мой взгляд, РФ нужна ПАСЕ намного больше, чем ПАСЕ для РФ. Если РФ выйдет, единственным важным минусом будет отсутствие ЕСПЧ для граждан РФ, для многих он – последняя надежда. Но возможность оставить в российском бюджете 33 млн. евро [1] многих воодушевляет. Россия же позволит придать этому органу большую силу (потому что даже в ЕС считают этот орган бесполезным). И конечно же СЕ не хочет терять почти 10% от общих взносов стран.

В конце 2014 г. Россия была готова вернуться в ПАСЕ по словам Нарышкина [2], но размеры взносов уменьшать никто не стал, РФ заплатила полную сумму. После чего в январе 2015 внесла поправку в резолюцию по России, которая заключалась в продлении санкции и лишении права голоса до апреля (затем обсуждение перенесено на июнь). После этого в РФ начали говорить об отказе платить взносы. Россия по данным сайта Парламентской Ассамблеи [3] в 5ке стран по размеру взносов. Госдума РФ отказалась поддерживать идею депутата Олега Нилова (СР) о сокращении взносов [4].

2015 год содержал три важных события, которые дали новый толчок к обсуждению России среди депутатов ПАСЕ. 28 февраля, был убит Борис

Немцов, и 15 июня истек срок выплат по делу ЮКОСа. Именно в этот момент впервые встал вопрос о приостановке членства РФ в Совете Европы. Депутаты Госдумы таким образом пытались во-первых, дать понять независимость РФ от Европейских институтов (решить давний спор ЕСПЧ и КС РФ в сторону последнего), во-вторых, хотели сдвинуть с мертвой точки участие РФ в ПАСЕ (с правом голоса). КС таким образом разработал «ловкую» причину невыполнения решений ЕСПЧ – их несоответствие законодательству РФ. У ЕСПЧ нет полномочий менять законодательства государств или решения их судов, но он может выписать символический штраф, когда считает, что государство поступила «неправильно».

Но Сергей Нарышкин, который был тогда Спикером Госдумы, считал выход РФ из СЕ нанесет вред обеим сторонам. Поэтому на заседании в июне 2015 полномочия РФ остались неизменными, ее не исключили, но право голоса не дали (за резолюцию проголосовало 128 парламентариев из 152). В это же время Россия голосованием парламентариев была признана «государством-агрессором», но есть один интересный факт, что в этом голосовании участвовали 55 депутатов, в то время как в ПАСЕ должны заседать более 300 депутатов.

В январе 2016 все понимали, что голос РФ не получит, поэтому было решено не отправлять заранее делегацию в ПАСЕ, как показатель бойкотирования, применяемый в отношении ПАСЕ неоднократно. Было ясно провозглашено, что РФ будет участвовать в заседаниях, только когда ей вернут право голоса. Опять депутаты Госдумы начинают утверждать, что Россия не должна платить взносы в СЕ, потому что не участвует в заседаниях. Но в отличие от многих депутатов, Нарышкин прекрасно понимал, что этот вопрос очень сложный, потому что взносы в СЕ делятся на многие институты, нельзя не платить только за ПАСЕ, а также за невыплату начисляются проценты, очень большие, и он понимал, что рано или поздно из придется выплатить.

В 2016 году в основном был «посвящен» диалогу с РФ, в сентябре о необходимости диалога начали говорить все главы ПАСЕ, которые приехали в РФ в ноябре. В ПАСЕ делали ставку на то, что в ГД теперь заседали депутаты нового созыва, хотели наладить контакт с ними. Несмотря на то, что депутаты от РФ не заседали в ПАСЕ весь год, в ноябре принимается решение заплатить полную сумму.

Уже в 2017 г. было Госдумой решено сократить на 11 млн. евро взнос в СЕ с учетом расходов на ПАСЕ. В ПАСЕ сразу заговорили о нехватке денег, необходимости сократить персонал на 10%. Педро Аграмунт, председатель ПАСЕ именно из-за сильных попыток наладить диалог с РФ ушел с должности. Кириакидис – новый председатель (Кипр), выступала против изоляции РФ (получила перевес голосов по этой причине). Несмотря на отсутствие российских депутатов в 2017 обсуждалось несколько вопросов:

декриминализация побоев в семье, дело ЮКОСа и проблема с геями в Чечне, в то же время были отмечены усилия РФ по борьбе с коррупцией.

Но РФ работает в рамках СЕ, например 03.10.17 был ратифицирован новый договор о безопасности во время спортивных мероприятий [5] (РФ была одной из первых), а 28.09.2017 – конвенцию СЕ о борьбе с финансированием терроризма [6].

Таким образом, Россия – все еще член СЕ, несмотря на разногласия, но спустя 3 года ей так и не вернули право голоса, эта проблема явно затягивается. Позиция РФ будет жесткой по данному вопросу, который на мой взгляд будет длиться еще несколько лет, пока СЕ не уступит первым.

Библиографический список

1. Russian Federation // Website of the Council of Europe. URL: www.coe.int/en/web/portal/russian-federation
2. Нарышкин: Россия готова вернуться к участию в работе ПАСЕ в 2015 году // РИА Новости URL: ria.ru/world/20141119/1034130708.html
3. Parliamentary Assembly // Structure of PACE. URL: www.assembly.coe.int
4. Дума отклонила идею об отказе России от статуса «главного плательщика» СЕ // РБК URL: www.rbc.ru/rbcfreeneews/54cb38e19a7947bbc4fd1216
5. Council of Europe Convention on an Integrated Safety, Security and Service Approach at Football Matches and Other Sports Events.
6. Council of Europe Convention on Laundering, Search, Seizure and Confiscation of the Proceeds from Crime and on the Financing of Terrorism.

СЕКЦИЯ СТЕНДОВЫХ ДОКЛАДОВ

А.Е. Гулина

Самарский национальный исследовательский университет

РАЗВИТИЕ ПАПСКОЙ ТЕОКРАТИИ В XII – НАЧ. XIII вв.

Постепенное усиление власти римской курии происходило в ожесточенной борьбе как с проблемами в самой церковной организации, так и со светскими властителями. Целью данной работы является освещение этапов становления папской теократии в XII – нач. XIII вв.

Основу для нового, стремящегося к власти папства подготовило монастырское движение за реформу церкви, развернувшееся в первой половине XI в. в бенедиктинском аббатстве Клуни во Франции. Целью этого движения помимо восстановления строгой дисциплины стало освобождение монастырей от вмешательства власти светских сеньоров.

Но существенно изменить положение церкви было подвластно только самому папству – началом пути для будущих великих реформ Григория VII стал декрет папы Николая II об избрании пап 1059 г., согласно которому фактически выбор папы должны осуществлять только кардиналы [4, с. 555], тем самым, исключая возможность влияния на выборы представителями светской власти.

Теоретическое оформление идей теократического государства было начато клюнийским монахом Гильденбрандом, при избрании на папский престол принявшем имя Григория VII, которому необходимо было не только устранить господство светской власти в лице императора, но и укрепить духовную власть церкви, поэтому в начале правления новый папа постарался получить неограниченную власть внутри церковной организации.

Григорий VII изложил свою программу в «Диктате папы», включившим в себя основные принципы теократии: только папа обладает правом издания новых законов, образования новых епископств, созыва собора, смещения и низложения епископов, освобождения из-под власти «плохих правителей», низложения императоров. Сам же папа является неподвластным никакой юрисдикции [1, с. 217-218]. Согласно этим принципам, римский понтифик представляет собой наивысшую власть в христианском мире, отвечающую за сохранение божественного порядка на земле.

Главной же причиной обострения конфликта Григория VII с императором Генрихом IV стал декрет, упразднявший право светских властей на

церковную инвеституру [2, с. 95]. Григорий надеялся освободить клир от подчинения государству, собственность церкви – от феодального надзора князей, а также сделать епископов подвластными исключительно папе.

Несмотря на то, что Григорий VII трагически закончил свою жизнь в изгнании, а его понтификат стал основой, на которой выстроилась политика папства в последующие два столетия.

В практическом осуществлении политической власти папства превзошел своих предшественников один из самых могущественных пап Средних веков – Иннокентий III.

По восшествии в сан Иннокентий III в первую очередь занялся реформированием самого папского двора, а именно, созданием четко работающей бюрократической системы делопроизводства, что усилило государственные основы папской курии. Кроме того, Иннокентий укрепил свою власть непосредственно в Риме, поставив после смерти императора Генриха VI в 1197 г. в ленную присягу префекта Вечного города [5, p.17].

Иннокентий III, развивая идеи теократического государства Григория VII, пошел дальше своего знаменитого предшественника. Впервые в истории римской церкви в письме к императору он называет себя «викарием Христа» [6, р. 88] подчеркивая этим, что папа не только духовный лидер римско-католической церкви, но и непосредственный проводник божественного начала, находящийся выше любого светского властителя. Всякое решение понтифика, таким образом, осуществляется с разрешения бога, по его непосредственному позволению.

Апогеем теократической власти Иннокентий III стал IV Латеранский собор 1215 г., в постановлениях которого нашла свое выражение многосторонняя политика папства. На соборе было установлено, что существует только «одна всеобщая Церковь верующих, вне которой нельзя обрести никакого спасения» [3, с. 22]. Для Иннокентия было важно оправдать свои притязания вне римской курии, укрепить идеологические основы могущества римско-католической церкви.

Становление теократической концепции, согласно которой верховенство в решении духовных и светских дел принадлежит римскому понтифику, происходило на протяжении длительного периода. Начиная с XI в., когда власть императора начала постепенно терять свое бывшее значение, папство стремилось избавиться от вмешательства светской власти в решение внутрицерковных дел. Следующим этапом в становлении могущественной папской власти стала деятельность Иннокентия III. Развивая идеи папы Григория VII, Иннокентий III создал идеологическую базу для своей обширной политики, которая стала вершиной универсальных, теократических устремлений папства.

Библиографический список

1. Диктат папы // История Средних веков. Хрестоматия (V- XV века) / сост. В.Е. Степанова, А.Я. Шевеленко. М., 1969. С. 217 – 218.

2. Из декрета 1075 года об инвеституре // Рожков В. Очерки по истории римско-католической церкви. Ч.1. М., 1994.
3. Постановления IV Латеранского собора 1215 г: Учебно – методическое пособие для студентов исторического факультета / М.Б. Бессуднова, А.А. Устинова. Липецк: ЛГПУ, 2012.
4. Статут об избрании пап Николая II. 1059 г. // История Средних веков: от Карла Великого до Крестовых походов (768 – 1096 гг.) / Сост. М.М. Стасюлевич. М., 2001.
5. Gregorovius F. History of the City of Rome in the Middle Ages. Volume 5, Part I., Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
6. The Deeds of pope Innocent III by an Anonymous author / J. M. Powell. North Carolina: The Catholic Univ. Of America Press, 2007.

Е.В. Кравченко

Самарский национальный исследовательский университет

ОБРАЗЫ «ЦАРЯ» И «ЦАРСТВА» В КОЛЛЕКТИВНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

В изучении универсалий ключевых понятий и образов русского сознания XIII – XVI веков лежит ключ к пониманию ментальности средневекового человека. Одной из важнейших категорий русского средневекового сознания можно назвать образы царя и царства.

Термин «царь» начинается от имени Юлия Цезаря (Caesar). В древнерусском языке этот термин обозначает в основном Бога – Царя небесного, в этом значении термин наиболее часто встречается в старославянской литературе. При этом данное понятие также употреблялось в значениях библейских правителей и римских и византийских императоров [1, с. 774-775]. В литературе термин встречается в значении императора Римской империи в виде «цесарь немецкий» или «цесарь римский» еще с XII века [2, с.666-667]. В древнерусском языке термин приобретает форму «цесарь» и встречается в этой форме еще в домонгольскую эпоху.

Первое применение царского титула к русскому князю относится к 1054 г. В граффити на стене киевского собора св. Софии говорится об «успении царя нашего», имеется в виду Ярослав Мудрый. Впоследствии царями именовались многие запомнившиеся нам личности: Ярослав, святые Борис и Глеб, Мстислав Владимирович, его сын Изяслав и внук Роман Ростиславич. Едва ли справедливо предполагать на основании употребления схожим словоформ, что властители Руси тех времен стремились приравнять себя к императорам Римской империи, кроме того, как мы видим, носителями словоформ с корнем «цар» являются также Борис и Глеб, которые киевскими князьями не были [3, с.128]. Таким образом, в домон-

гольской Руси «царь» не приобретает значения титула, а лишь подчеркивает значимость персоны к которой применяется.

Во второй половине XIII века картина меняется. После завоевания Батыем и попадания Руси под монголо-татарское иго термин царь приобретает «титулярность» и постепенно входит в оборот при обращении к правителю. Над русскими князьями появилась инстанция («царь»), которая не считалась ни со старшинством, ни с родовыми правами. Одновременно, согласно наблюдениям и, происходит переход от вассалитета к подданству — министералитету [4, с. 55], при котором все подданные становились как бы холопами государя. Русские князья более не могут называться «царями» по той причине, что «царь» — это правитель, не имеющий сюзеренов. Почти до самого конца XIV века восприятие ордынского царя как сюзерена на Руси было непоколебимо и для политиков, и для общественников. Например, даже говоря о разгроме Тохтамыша Тимуром, русские летописцы продолжают называть своим «царем» побежденного чингизида [5, с. 249].

Дальнейшее изменение в отношении к ордынскому «царю» связано с именем Ивана III. В 1453 г. и далее единственным православным государством, представлявшим реальную силу, было Московское великое княжество и имело большие основания занять вакантное место Византийского «царства». Но царь может быть только единственным, без подчинения и подчиненных царев, иначе он уже не «царь». И в 1472 г. хан Ахмат был отброшен от Оки ожесточенным сопротивлением войск Ивана III. В 1480 г. после второй неудачной попытки нашествия Ахмата на Москву, Большая Орда больше не пыталась царствовать над царем. Интересным в этом смысле представляется письмо архиепископа Вассиана, которое он отправляет Ивану III. Вассиан постоянно именует Ивана III «царем», а его княжество «царством»: термин «царь» и его производные применены в письме по отношению к великому князю 10 раз [6, с. 522, 524, 530, 534]. Одновременно с ликвидацией «царской» (ханской) власти над Русью Иван III принимает титул «государя всея Руси».

После освобождения от зависимости от Орды, статус царя стал все чаще применяться к московским великим князьям, хотя обретение независимости еще не означало начала периода официального «царства» из-за отсутствия на Руси идеологического обоснования царства. Поэтому в первой половине XVI в. происходит интенсивное оформление понятия. Главную роль в подтверждении законности статуса царя московскому великому князю сыграло мнение о том, что царским статусом обладали еще правители Киевской Руси. Миф о получении Владимиром Мономахом царских регалий образовал впоследствии ритуал венчания русских царей. Таким образом, создается и укореняется мнение о том, что происхождение московских князей идет из глубокой древности от Византии, а, стало быть, происхождение вполне «царское» [7, с. 211]. Важнейшее значение в дальнейшей эволюции образа царства связано с венчанием на царство в 1547 году Иваном IV и покорением казанского ханства. Именно на эпоху Ивана IV прихо-

дится апофеоз образа «царства». Он становится первым русским Боговенчанным царем, и именно на него легло первое историческое испытание идеи царства на Руси [8].

Анализ изученных источников приводит к выводу о том, что статус «царя» московские великие князья получили в результате действия двух причин: в религиозном плане российский царь является наследником византийского императора, в территориально–политическом – хана Золотой Орды [9, с. 211, 223]. Эволюцию совокупности суждений и мнений о царе и царстве до официального принятия статуса царей московскими великими князьями можно разбить на три стадии:

– «царь» как «чужой» правитель или же как особо почитаемый и прославляемый князьв домонгольскую эпоху;

– «царь» как верховный сюзерен всех русских земель на стадии ордынского владычества;

– «царь» как древний царский статус, полученный из Византии и являющийся выше статуса «ордынского» царя.

Развитие мнений о «царе» и «царстве» в средневековой Руси показывает взаимозависимость политики и ментальности: за изменениями в политической ситуации обязательно следовали перемены в смысловом содержании и применении статуса царя

Библиографический список

1. Старославянский словарь (по рукописям X– XI вв.). Москва: Русский язык, 1994.

2. Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись / с предисл. Б.М. Клосса. Москва: ЯРК, 1998.

3. Горский А.А. Всего еси исполнена земля русская...: Личности и ментальность русского средневековья. Москва: Язык славянской культуры, 2001.

4. Юрганов А.Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (к постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 4.

5. Смирнов Ю.Н. Значение битвы на Кондурче в 1391 году для истории Золотой Орды, Руси и Среднего Поволжья // Русский сборник. Брянск: БГУ, 2016. Вып. 8/2. С. 246–250.

6. Памятники литературы Древней Руси. Конец XV Первая половина XVI века / авт. вступ. статьи, ред. Д. С. Лихачев, ред. Л. А. Дмитриев. Москва: Худ.литература, 1984.

7. Горский А.А.О титуле «Царь» в Средневековой Руси (до середины XVI века) // Альманах «Одиссей-1996» [Электронный ресурс]. URL: <http://krotov.info/history/14/2/gors1996.html> (дата обращения: 5.12.2017).

8. Филошкин А.И. Понятие царство в средневековой Руси // Воронежская беседа. Альманах [Электронный ресурс]. URL: http://www.vob.ru/public/bishop/vrn_beseda/vb4.htm (дата обращения: 1.12.2017).

9. Успенский Б.А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Художественный язык средневековья. Москва, 1982.

**ВЛИЯНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕВОЛЮЦИОННО-ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ
ПАРТИЙ В 1870-1880-Е ГГ. НА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ
СИТУАЦИЮ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

В настоящее время наблюдается повышенный интерес к событиям, произошедшим на рубеже XIX–XX веков. Это связано с тем, что возникают новые версии, теории, исследователи не связаны идеологическими рамками. В данной работе будет дана попытка проанализировать влияние деятельности революционно-террористических партий в 1870–1880-е гг. на социально-политическую ситуацию в Российской империи.

Традиционно считается, что члены партии «Народная воля» и их последователи не добились каких-либо значимых результатов. Народ ждал новых «подвигов» от других, но сам ничего не предпринимал. Однако некоторые факты позволяют предполагать, что цель народовольцев была достигнута, пусть и в более отсроченной перспективе.

4 апреля 1866 г. считается днем начала терроризма в России. Дмитрий Каракозов совершил первое покушение на жизнь императора Александра II. За этим покушением последовали остальные, в большинстве своем совершенные членами революционной народнической организации «Народная воля». 1 марта 1881 г. было совершено последнее, решающее покушение на жизнь императора, приведшее к его гибели. На престол вззошел сын погибшего – Александр III, а первоартовцы были арестованы и казнены.

При новом императоре, казалось, ничего не изменилось, на смену одному правителю пришел другой. Смерть Александра II не принесла желаемого результата, напротив, началась борьба с инакомыслием, была введена цензура, ликвидированы зачатки крестьянского и городского самоуправления.

В 1887 г. была осуществлена попытка неудачного покушения на царя террористической фракцией партии «Народная воля» под руководством Шевырева-Ульянова. Готовящийся теракт был раскрыт сотрудниками полиции из-за неосторожности Андреюшкина, сообщившем в письме своему товарищу о готовящемся покушении. 1 марта 1887 г. полиция арестовала участников предполагаемого покушения. 8 (20) мая Ульянов, Андреюшкин, Генералов, Осипанов и Шевырев были повешены в Шлиссельбургской крепости.

17 октября 1888 года царский поезд, идущий с юга, потерпел крушение у станции Борки. Несмотря на то, что официально эта катастрофа была признана несчастным случаем, есть основания предполагать, что это был очередной теракт, о чем свидетельствуют воспоминания В.А. Сухомлинова

и М.А. Таубе, согласно которым катастрофа произошла в результате взрыва бомбы, заложенной помощником повара.

Во время крушения на императора упала крыша вагона. Александр III, будучи богатырского телосложения, удерживал ее, дав возможность выбраться наружу людям, находящимся на тот момент в вагоне. В тот день император получил сильный ушиб почек, позже приведший к нефриту и дальнейшей смерти царя.

После кончины Александра III на верность престолу присягнул его сын — Николай II. Личность нового императора была довольно противоречивой. Наряду с глубокой религиозностью и неприхотливостью, император не умел прислушиваться к мнению народа, видел себя исключительно как помазанника Божьего. Придя к власти, Николай II не имел какой-либо четкой программы, кроме желания не уступать в самодержавии, как свой отец. Трагедия на Ходынском поле и поражение в Русско-японской войне не способствовали повышению авторитета императора. Единоличное принятие решений, продолжение противоречивой политики Александра III (попытка сохранить старые сословно-государственные структуры при политике индустриализации), сохранение крестьянской общины, игнорирование рабочего вопроса не могли удовлетворить никого и привели к катастрофе Кровавого воскресенья 9 января 1905 года. Развитие событий с 1905 г. стало необратимым.

Парадоксы личности и царствование Николая II объясняются существовавшими противоречиями российской действительности начала XX века. Страна вступила в новую полосу своего развития, а у царя не хватило воли и решимости совладать с ситуацией. Пытаясь отстоять самодержавие, Николай II то шел на уступки, то давал обратный ход. Отказываясь от реформ, царь способствовал началу социальной революции. Можно сказать, что Николай II сам толкал страну к пропасти, защищая свои позиции и отказываясь от компромиссов, создавая благоприятные условия для революции.

Таким образом, можно сделать вывод, что цели народовольцев, в особенности «Террористической фракции» Шевырева — Ульянова, были достигнуты после революции 1917 г. (к примеру, было достигнуто широкое областное самоуправление, национализация земли, фабрик и заводов, бесплатное начальное обучение). Последователи «Народной воли» внесли свой вклад в революцию, прямо или косвенно. Убийство Александра II запустило механизм разрушения Российской империи, который ускорился после смерти Александра III.

«Несомненно, эти жертвы пали не напрасно, несомненно, они способствовали — прямо или косвенно — последующему революционному воспитанию русского народа» [1], — так оценивал заслуги народников В.И. Ленин. Подобная мысль звучит в гимне народовольцев под авторством М.Л. Михайлова: «Пусть нам погибнуть придется в тюрьмах и шах-

тах сырых, — дело всегда отзовется на поколениях живых» [2]. Однако, на вопрос о степени влияния деятельности революционно-террористических партий в 1870—1880-е гг. на социально-политическую ситуацию в Российской империи трудно ответить однозначно и всегда будут сосуществовать различные мнения на эту тему.

Библиографический список

1. Ленин В.И. Полное собрание сочинений, изд. 5-е. М.: Издательство политической литературы, 1970. Т. 30. С. 315.
2. Михайлов М.Л. Избранное / Подг. текста и примеч. Г. Г. Елизаветиной. М., «Художественная литература», 1979.

А.И. Глотов

Самарский национальный исследовательский университет

ПРОБЛЕМА СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РАБОТАХ И. КРИСТОЛА

Вторая половина XX в. — период глобального противостояния СССР и США. Результаты конфликта между СССР и США определили облик современного мира. Как следствие, проблема советско-американских отношений является актуальной проблемой современной историографии, которая может быть рассмотрена с разных точек зрения. Одной из таких точек зрения может быть взгляд с позиции одного из наиболее влиятельных американских политических течений — американского неоконсерватизма. Американский неоконсерватизм — течение, возникшее в 1960-е гг. как реакция на леволиберальную внутреннюю политику американского правительства. В 70-е годы они обрели огромное влияние на американское общество, поэтому нельзя отрицать важности взглядов представителей этого течения на внешнюю политику США. На наш взгляд, для того, чтобы выяснить позицию неоконсерваторов по вопросу советско-американских отношений, необходимо обратиться к взглядам Ирвинга Кристола — американского журналиста, публициста, главного редактора журнала «The Public Interest», который считается одним из основателей неоконсерватизма [7, с. 85].

Важно отметить, что для Ирвинга Кристола как для неоконсерватора первого поколения преимущественное значение имели вопросы внутренней политики. Внешняя политика была лишь следствием политики внешней. Во внутренней политике Кристол был убежденным сторонником демократической модели государства, основанной на рыночной экономике, индивидуализме и концепции прав человека. Однако Кристол считал, что без традиционных культурных институтов (семья, мораль, искусство, религия) подобное государство существовать не может [1, с. 7-8].

По мнению Кристола, в современных ему США большое влияние имели сторонники социалистических идей, которые распространялись через Демократическую партию. Социалистический идеал – идеал равенства и коллективизма, антирациональных по своей сути, для Кристола был враждебным самой идее развитого государства [2, с. 87].

Несмотря на то, что для Кристола внутренняя политика – главный предмет критики и анализа, внешняя политика также рассматривалась публицистом. По мнению Кристола, внешняя политика – продолжение внутренней, в этом контексте задача внешней политики заключается в защите интересов государства. Описывая свои взгляды во внешней политике уже в 2000-е гг., Кристол выделял следующие основные положения: «...во-первых, патриотизм – это естественное и здоровое чувство, которое должно поощряться частными и государственными институтами. Во-вторых, мировое правительство – это ужасная идея, так как она может привести к мировой тирании... В-третьих, государственные деятели должны, прежде всего, уметь отличать друзей от врагов» [6, с. 172].

Важное место Кристол уделял роли идеологии во внешней политике. Он отмечал, что крупные страны, обладающие идеологической идентичностью, имеют, соответственно, идеологические интересы. Подобные государства обладают огромным влиянием на происходящее в мире и, как следствие, перестраивают мир под себя, осуществляя это перестройку в том числе посредством пропаганды собственной идеологии. В число таких стран входили СССР и США [7, с. 186].

Следовательно, для Кристола советско-американские отношения определяло идеологическое противостояние этих двух держав. СССР был источником, по выражению Кристола, «политического и социального коллективизма и моральной анархии» [3, с. 150]. Для стабильного развития США как демократического рыночного государства необходимо было устранение внешнего врага – СССР. Как уже было отмечено выше, главное противоречие СССР и США – идеологическое, следовательно, как считал Кристол, противостояние СССР и США в годы Холодной войны было неизбежным, и завершиться оно могло только полной идеологической капитуляцией той или иной стороны [4, с. 208].

Таким образом, советско-американские отношения для Ирвинга Кристола – это в первую очередь противостояние двух идеологически несовместимых государств. СССР для Кристола проповедовали враждебные Соединенным Штатам Америки идеалы, а потому должны быть уничтожены. Важно отметить, что после распада СССР Ирвинг Кристол потерял интерес к России и занялся исключительно внутривнутриполитическими вопросами США.

Библиографический список

1. Kristol I. «When virtue loses all her loveliness» – some reflections on Capitalism and «the free society» // The Public Interest. Fall 1970. P. 3-15.

2. Kristol I. American conservatism 1945-1995 // The Public Interest. Fall 1995. P. 80-95.
3. Kristol I. My Cold War // The National Interest. Spring 1993. P. 144-153.
4. Kristol I. What's Wrong with NATO? // The Neoconservative Persuasion. Selected Essays, 1942-2009. New York, 2011. P. 204-214.
5. Гаджиев К.С. Метаморфозы и дилеммы американского консерватизма // Власть. 2013. №10. С. 122-126.
6. Кристол И. Неоконсервативное убеждение // Логос. 2004. №6. С. 168-174.
7. Матвиенко Р.А. Изменение неоконсервативной повестки: идеологические и политические предпосылки (из истории американского неоконсерватизма) // Власть. 2015. №7. С. 184-188.

Ю.О. Золотаренко

Самарский национальный исследовательский университет

ШОТЛАНДИЯ – СОВРЕМЕННЫЙ ОЧАГ СЕПАРАТИЗМА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Сепаратизм в Шотландии явление не новое. Тенденции централизации и децентрализации в управлении и развитии государства всегда были характерны для Соединенного Королевства ввиду процесса его формирования [1]. Стремление Шотландии к независимости было характерно для страны фактически с XII в. и было обосновано рядом причин, касающихся самобытности исторического развития Шотландии, политических взглядов на внутреннее устройство государства, конфессиональных различий, а также экономики [2].

Наибольшее развитие идеи сепаратизма в Шотландии получили в XX в. после организации Шотландской Национальной Партии (ШНП), а также когда в 1970 г. были открыты нефтяные месторождения у восточного побережья страны. Данные месторождения, по мнению ШНП, должны приносить доход на пользу исключительно Шотландии, а не Великобритании в целом. Кульминацией же борьбы за независимость Шотландии, на наш взгляд, можно считать референдум о независимости Шотландии 2014 г., результатом которого стало решение о сохранении единства с Великобританией [3]. Однако перевес голосов был довольно незначительным, а оказанное на политику страны влияние довольно ощутимым. В частности для Великобритании референдум послужил поводом для пересмотра политики страны относительно регионов, а также еще большем обострением так или иначе всегда существующих идей евроскептицизма в стране. Помимо этого, последствия были и для Уэльса, где сепаратизм также обострился ввиду некоего вдохновения опытом Шотландии [4]. Однако прецедентом Шотландия стала не только для Уэльса, но и для таких европейских стран как

Испания, Италия, Польша и так далее [5]. В данных странах заметно обострились сепаратистские настроения, что отчетливо можно видеть по происходящим в Каталонии на данный момент изменениям.

Тем не менее на сегодняшний день вопрос о независимости Шотландии не перестает быть актуальным в связи с происходящими изменениями в политике Великобритании. В связи с этим 23 июня 2016 г. был проведен референдум о выходе страны из ЕС, который завершился решением о прекращении участия Великобритании в организации [6]. Кроме того, со стороны Николы Стерджен, лидера ШНП, а так же министра Шотландии, и Найджела Фараджа, до 2016 г. лидера Партии независимости Соединенного Королевства (УКIP), было заявлено о намерении провести повторный референдум о независимости [7].

Библиографический список

1. Еремина Н. А. Шотландский референдум как вызов британской государственности.
2. Карпов С. П. История средних веков в 2 томах, М., издательство МГУ, Печатные традиции, 2008. Том 1.
3. Scottish independence referendum – Results. URL: <http://www.bbc.com/news/events/scotland-decides/results>
4. Партия Уэльса намерена добиться проведения референдума о независимости. URL: <http://ria.ru/world/20140923/1025313613.html#ixzz4A8e1gfv9>
5. «Евроскептическое землетрясение» в Европарламенте. URL: <http://ru.euronews.com/2014/05/26/europe-s-night-of-seismic-shocks-for-brussels>
6. EU Referendum Results. URL: http://www.bbc.com/news/politics/eu_referendum/results
7. Election Results: Nigel Farage warns over new referendum URL: <http://www.bbc.com/news/election-2017-40213139>

Научное издание

ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

XXIII Всероссийская конференция молодых историков
(Самара, 8–9 декабря 2017 г.)

Материалы и доклады

Публикуется в авторской редакции

Художественный редактор *Л.В. Крылова*
Компьютерная верстка, макет *Л. Н. Законовой*

Подписано в печать 29.03.2018.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл.-печ. л. 11,2. Уч.-изд. л. 12. Гарнитура «Newton».
Тираж 100 экз. Заказ №

Самарская гуманитарная академия,
443011, Самара, ул. 8-я Радиальная, 31.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в цифровой типографии ООО «Прайм»
Самарская обл., Волжский р-н, с. Курумоч, ул. Полевая, д. 49.

